

РА 1414630

17

Владимир
Дринин

Сенсации Гилья

Сталин
на Вологодчине

Первая
любовь и трагедия
Рубцова

Бестселлеры

ВЛАДИМИР АРИНИН

БЕСТСЕЛЛЕРЫ

ISBN 5-86402-182-2

Это вторая книга из сериала, продолжающая первую - «В. Аринин. «Бестселлеры», Л. Комаров «Свое Несвойское», изданную «Фестом» в 2006 году. Она продолжает тематику первой книги. Эта тематика предопределена самим ходом русской и вологодской истории с древнейших времен до наших дней. В книге выдвигается концепция Русской Святой земли, вологодского Дома Богородицы с его древностями и святынями, говорится об истории Кирилло-Белозерского монастыря и знаменитых фресках великого Дионисия. Рассказывается о трагических событиях на вологодской земле во времена сталинщины, приводятся новые сведения о вологодской ссылке молодого Иосифа Джугашвили. Говорится о новых, ранее неизвестных фактах из жизни выдающихся вологжан, мастеров русского слова - «короля репортёров» В.А. Гиляровского, замечательного поэта Н.М. Рубцова и известного прозаика В.П. Астафьева. Рассказывается о вологодской семье Комаровых, восстановивших усадьбу князей Клементьевых в Несвойском.

Редакторы издания: П.Ю. Мухин и А.В. Торопов.

Фото: Александра Торопова, Анатолия Смолина и из личного архива семьи Комаровых.

На обложке - работы вологодских художников, заслуженных художников России:

Александра Пантелеева, «Муза» (фрагмент),

Михаила Кольсва, портрет Н.А. Комаровой.

Формат 60x90/16. Печать офсетная. Усл. печ.л. 11,5

Тираж 1000 экз. Заказ 3597.

Оригинал-макет: НП «Фест»,

160001, Вологда, ул. Челюскинцев, 3

Дизайн обложки: Андрей Пшеничников. Верстка: Вячеслав Кочкин.

Подписано к печати 03.10.2006 г.

Отпечатано: ПФ «Полиграфист», 160001, г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3.

Русская СВЯТАЯ ЗЕМЛЯ

ОТКРОЙТЕ ДЛЯ СЕБЯ СЕВЕРНУЮ
РУССКУЮ ПАЛЕСТИНУ И СЕВЕРНУЮ ФИВАИДУ

Приглашаем всех, кто читает эту книгу, открыть для себя Русскую Святую землю.

Эта земля расположена на северо-западе Вологодской области, но не имеет четких границ.

Она широко известна, ведь каждый просвещенный человек знает про город Кириллов и село Ферапонтово с их знаменитыми монастырями. Но она до сих пор в какой-то мере неизвестна, не осознана как некий духовный центр, местность особой духовной значимости, вологодский Дом Богородицы.

Это единый, цельный Дом с соборами Рождества Богородицы в Ферапонтове и Успения Богородицы в Кириллове. Потому эту местность можно назвать Русской Святой землей, Северной Палестиной, Северной Фиваидой, как назвал ее религиозный писатель и мыслитель XVIII века П.И. Челищев. Он писал: «Многие слышали о Фиваиде Египетской и читали в патериках греческих о подвигах великих отцев, просиявших в суровых пустынях... Но кто знает наш чудный мир иноческий, нимало не уступающий восточному, который внезапно у нас самих развился на исходе XIV столетия и в продолжение двух последующих веков одушевил непроходимые дебри и лесистые болота родного Севера? На пространстве более 500 верст, от лавры до Белоозера и далее, это была как бы одна сплошная область иноческая, усеянная скитами и пустынями отшельников...»

«Северная Фиваида» - таково было название тематического выпуска известного альманаха «Памятники Отечества», выпущенного в 1994 году (№ 30). В предисловии к выпуску, в частности, говорилось: «Начало Северной Фиваиде положили московские монахи, преподобные Кирилл и Ферапонт. В глухом лесистом краю они основали в конце XIV века Кирилло-Белозерский и Ферапонтов монастыри, ставшие вскоре очагами христианской культуры и центрами хозяйственной жизни Белозерья и Русского Севера в целом. Эти наиболее известные северные русские монастыри дошли до наших дней в почти не искаженном виде. Уцелели гробницы их основателей, суровые крепостные стены и храмы с уникальными росписями. Не исчезли даже древние иконы и предметы старины, наполнившие до 1917 года монастырские соборы и ризницы.

Многие из этих произведений хранятся теперь в местных и столичных музеях и библиотеках.

В отличие от великой северной крепости - Кирилло-Белозерского монастыря - монастырь преподобного Ферапонта прячется среди

лесов и озер, вдали от торговых и водных путей. Его храмы кажутся созданными самой природой. Да и сама красочная палитра росписей великого Дионисия - небесная лазурь, золотистая охра, белые и жемчужно-серые, нежные розовые, голубые, травянисто-зеленые, фиолетовые и красные тона - обнаруживает общность с естественной северной средой.

Кроме Кириллова и Ферапонтова монастырей Русскую Фиваиду на Севере представляли известная аскетической замкнутостью и книгописанием Нилова пустынь на речке Соре, Горицкий монастырь на Шексне, слывший местом заточения знатных русских женщин, Новоезерский монастырь на маленьком острове посреди озера Нового и ряд мелких, исчезнувших в разные годы обителей и скитов».

Все это не просто история. Все это необычайно важно и сегодня для русской души. «Место, где ты можешь спастись», - так назвал свою статью о Кирилло-Белозерском монастыре профессор Гурий Судаков («Кириллов», краеведческий альманах, выпуск II, 1997 г.). Профессор Судаков, в частности, пишет о монастыре: «Почти четыре столетия он был крупнейшим духовным центром России. Сегодня он сохраняется как жемчужина русского храмового и крепостного зодчества. В экспозиции и запасниках Кирилловского музея-заповедника содержится огромная коллекция икон и церковной утвари, часть книжного собрания и другие реликвии монастырской истории... Спасибо тебе, место, где спасается душа человеческая...»

И, конечно, исключительную художественную ценность имеют фрески великого Дионисия в Ферапонтове. Собор Рождества Богородицы, расписанный Дионисием, ныне внесен в список ЮНЕСКО как памятник мирового значения. Директор Музея фресок Дионисия М.С. Серебрякова говорит: «Список ЮНЕСКО подтверждает художественно-исторический уровень Ферапонтова, которое уже воспринимаем наравне с Акрополем, Сикстинской капеллой, египетскими пирамидами, самыми древними памятниками мировой цивилизации».

В Ферапонтове высоко почитаемо и имя святого Мартиниана.

Преподобный Мартиниан Белозерский, в миру Михаил (около 1400-1483), согласно преданию, происходил из рода крестьян Стромоноховых. Потомки их и сейчас живут в mestечке Березник, в семидесяти километрах от Вологды. Мартиниан родился в деревне Сяма, соседней с Березником. В юном возрасте был пострижен в монахи Кириллом Белозерским.

Моши Мартиниана обретены спустя тридцать лет после его кончины. Мартиниан причислен к лику святых московским церковным собором 1549 года. Его могила - у южной стены собора в Ферапонтове. Над нею в 1502 году Дионисий написал фреску с изображениями Богородицы с младенцем Христом и коленопреклоненными Ферапонтом и Мартинианом. Позже, уже в XVII веке, на этом месте выстроена каменная шатровая церковь преподобного Мартиниана.

Родина святого Мартиниана - Сяма известна Богородице-Рождественским монастырем, основанным в XVI веке. А поблизости от Сямы, в деревне Горка, спустя три столетия родился известный журналист и писатель В.А. Гиляровский, о чём речь пойдет далее. Имя Гиляровского связано с бывшей усадьбой Несвойское (в 30 километрах от Вологды). Из Несвойского вышли четыре монахини Горицкого монастыря, представительницы знатного дворянского рода Клементьевых, в том числе игуменья Арсения и блаженная Асенефа.

Горицкий монастырь, как известно, пережил трагическое событие в своей истории - разгром и насилие, учиненные опричниками царя Ивана Грозного, и спустя столетия - репрессии со стороны большевистской власти. Ныне монастырь возрождается. Восстановлена предпринимателем Л.В. Комаровым и усадьба в Несвойском.

И хочется всем сердцем поверить, что Россия возродится.

Сенсации ГИЛЯЯ

- НОВОЕ О «КОРОЛЕ РЕПОРТЕРОВ»
- ВЛАДИМИР ГИЛЯРОВСКИЙ
КАК МИСТИФИКАТОР

РЕПОРТЕР СВЕРГАЕТ ПРАВИТЕЛЯ

- Гиляй, нам для газеты позарез нужно сенсацию.
Вся надежда на тебя».
Владимир Гиляровский, «Моя табакерка».

Начну с сенсации, хотя и давней, забытой, но достойной, чтобы снова рассказать о ней. О том, как В.А. Гиляровский вступил в поединок с правителем Сербии Миланом и произошло неожиданное. Это повлияло на всю историю Сербии. Гиляровскому тогда грозила смертельная опасность, его легко и бесследно могли уничтожить, ведь он находился в Сербии без всякой защиты. А реакционная клика Милана, проводившая антирусскую политику, просто-напросто уничтожала своих противников. Но произошла сенсация, о чем и пойдет речь.

Убежден, о нашем земляке, вологжанине по рождению Владимире Алексеевиче Гиляровском можно и даже нужно сегодня писать сенсационно. Это свойственно ему природно, органично, от рождения. Вся его жизнь состоит из сенсаций, он постоянно искал их и находил, и потрясал ими все общество. Он был человеком-сенсацией.

Но писать о Гиляровском, на мой взгляд, сегодня нужно современно, по-новому. Возможно, даже отчасти не так, как он писал о себе. О Гиляровском - море литературы, но во многом это море - по колено.

Владимир Гиляровский в зените славы

Впрочем, о нем написано немало и замечательных страниц. О нем вспоминали, им восторгались многие выдающиеся русские люди. Много писал о нем и вологодский литераторовед В.В. Гура. Процитирую его: «Недаром же Репин писал с Гиляровского одного из своих запорожцев, а Андреев лепил с него фигуру Тараса Бульбы для памятника Гоголю в Москве. Гиляровский обладал огромной физической си-

лой, сгибал пальцами медные пятаки, шутя ломал серебряные рубли, разгибал подковы, легко мог завязать узлом железную кочергу. Это был человек, неистощимый в своих мальчишеских проказах, выдумках и шутках. Его биография полна удивительных приключений...

Кем только не был Гиляровский - волжским бурлаком, крючником, цирковым наездником, борцом, табунщиком, актером, знатоком конного спорта и пожарного дела, знаменитым газетчиком - «королем репортёров». Он гордился значком «Почетный пожарник», за храбрость в войне с турками имел солдатского Георгия, за участие в Олимпийских играх - Большую золотую медаль».

Все это замечательно, захватывающе интересно. Кажется, об этом и надо писать - подробно и в первую очередь. Но исследователь говорит обо всем кратко, уделяя главное внимание литературоведческому анализу, демократизму Гиляровского, его близости к народу и другим темам, свойственным советской литературе. Так сама по себе невероятная, легендарная и вместе с тем кипучая, яркая, живая личность Гиляя как бы остается на втором плане.

Прекрасно написали о Гиляровском наши знаменитые писатели К. Паустовский и Н. Телешов, но опять же у них о жизни дяди Гиляя сказано слишком коротко. Вот и получается, что существует в определенной мере неоткрытый, неизвестный, вернее, мало известный Гиляровский.

Обратимся к вологодскому изданию еще 1959 года рассказов и очерков Гиляровского под названием «На жизненной дороге» (редактор В.К. Пудожгорский). Это издание вышло давно, но ценность его сохраняется до сих пор. Ведь в этой небольшой книге впервые были напечатаны некоторые рассказы и очерки Гиляровского, в том числе его очерк «Моя табакерка», на котором я строю этот свой первый сюжет о сенсациях дяди Гиляя. И совершенно верно, как говорится в предисловии к изданию, что жизнь Гиляровского похожа на «приключенческий роман, так никем и не написанный». Вот я и ставлю целью написать в миниатюре такой «приключенческий роман». В нем не будет ни слова вымысла, все документально. Жизнь Гиляровского способна превзойти любой литературный вымысел. Я ничего не буду и приукрашивать, скажу и о слабых сторонах Гиляровского. К примеру, А.П. Чехов, с которым он дружил, сказал о нем так: «В нем есть кое-что ноздревskое, беспокойное, шумливое, но человек этот простодушный, чистый сердцем». И Чехов высоко ценил в нем талант репортера, доброту, богатырскую русскую силу.

О Гиляровском отзывались и вспоминали многие писатели, журналисты, артисты. Но для меня главный источник - сам Гиляровский, его очерки, воспоминания, из которых я буду брать самое яркое, необычное, сенсационное. Написанное Гиляровским составляет многие тома. В последние годы осуществлено издание его сочинений и в трех, и в четырех томах. У широкого читателя нет возможности прочитать все это, хотя самая знаменитая его книга «Москва и москвичи» и ныне широко читается. Но я выберу из его огромного литературного наследия (притом в кратком варианте) то, что считалось сенсациями. В своем повествовании я часто буду называть его Гиляем. Так он подписывал свои первые публикации - «Гиля-й». И так его называли современники - Гиляй или дядя Гиляй.

Несколько нарушая биографическую хронологию, хочу начать свой «роман» с того, что с ним произошло в Сербии. Происшедшее очень показательно и характерно для Гиляя, потому обращаюсь к его очерку «Моя табакерка», который, как я уже говорил, был напечатан в Вологде в 1959 году в книге «На жизненной дороге» (эта книга давно уже стала библиографической редкостью). Очерк начинается такими словами: «Если бы моя табакерка могла рассказать все, чему она была свидетелем, - это была бы история эпох. Кто из нее только не нюхал? Все классы и нации. В разных краях России и за границей. И в мирное, и в военное время. И во время холерных бунтов, и на гуляньях в роскошных парках, и на баррикадах, и в окопах».

Оказывается, нюхали из нее и Антон Павлович Чехов, и Лев Николаевич Толстой, последний нюхал заправски и богатырски чихал.

Табакерка была подарена Гиляровскому в Вологде отцом, которому она осталась от его отца, деда Гиляя, лихого запорожца. Гиляровский с ней никогда не расставался. И, конечно, возил ее с собой во время своих поездок в Сербию в 1897 и 1899 годах.

Гиляровский был прекрасным спортсменом, председателем Русского гимнастического общества. В 1897 году он получил приглашение на состязания Всеславянского общества «Душан Сильный» в Белграде. Его встречали в Белграде триумфально - как русского брата, как знаменитого спортсмена. И выступил он блестяще. «Я получил первую награду - Большую золотую медаль. На медали и в дипломе надпись: «Наибольшему витязю Душана Сильного».

На этот счет в литературе о Гиляровском - большая путаница, утверждается даже, что он участвовал в Олимпийских играх и завоевал золотую медаль. Но надо просто внимательно читать самого Гиляровского. Это одна из многих легенд о нем. Просто эти соревнования проходили под эгидой Олимпийского комитета. Но любовь сербов к русскому богатырю Гиляровскому была всеобщей. «На вокзале меня с музыкой провожал почетный караул - 200 человек, выстроенный на платформе, в блестящих мундирах».

Прошло два года. «В 1899 году в Петербурге стала выходить большая политическая газета «Россия», прославившаяся навсегда фельетоном «Обмановы», за что газета была закрыта навсегда, а автор фельетона Амфитеатров сослан». Хочу добавить к словам Гиляровского, что за фельетон «Господа Обмановы», высмеивавший царскую династию Романовых (1902 г.), А.Амфитеатров, его автор, оказался в ссылке в Вологде. Он жил в доме вологжан Пановых, из семьи которых вышел известный краевед В.К. Панов. Лично мне Владимир Капитонович про Амфитеатрова много рассказывал. Но это все будет потом.

А пока в 1899 году возглавлявшие газету «Россия» прекрасные литераторы и журналисты А. Амфитеатров и В. Дорошевич решили как можно выгоднее использовать талант Гиляровского. И Амфитеатров сказал: «Гиляй, нам для газеты позарез нужно сенсацию. Вся надежда на тебя». После различных обсуждений было решено: «Хорошо бы объехать дикую Албанию, где нога европейца не бывала, а кто и попадал туда - не возвращался». Но у Гиляровского нашелся знакомый албанец, который готов был ездить по Албании вместе с ним и обязался доставить его из этой поездки живым. И такая журналистская авантюра была вполне в духе Гиляровского: он ничего не боялся, всегда сам лез в самое пекло.

Но в Албанию надо было ехать через Сербию. «Амфитеатров и Дорошевич в восторг пришли от этого предложения и тут же поста-

В этом доме в Кубенском в полицейском участке, видимо, служил отец Гиляя.

новили выдать мне крупный аккредитив, так как предстояло купить оружие, лошадь».

Но до Албании Гиляровский не доехал. Прибыв в Белград, он неожиданно попал в ад. Обстановка здесь резко изменилась. Оказалось, что на правителя Сербии Милана Обреновича было совершено покушение: «Неизвестный человек выпустил в него на главной улице четыре пули». Милан, враг России, сторонник Австро-Венгрии, воспользовался этим, чтобы установить в стране политический террор, осадное положение.

«Ужасное время. Полная паника. Люди боялись говорить друг с другом, интеллигенции на улицах нет, ставни окон закрыты... По пустынным улицам ходят отряды солдат да тихо ездят под конвоем кареты с завешанными окнами... Мне было бесконечно жаль видеть в таком терроре Белград, который так недавно я видел ликующим. Мне до слез было жаль сотни арестуемых...». В первую очередь арестовывались сторонники России, члены партии радикалов. Граница для иностранных журналистов была закрыта. О том, что происходит в Сербии, мир не знал. Гиляровский немедленно послал в редакцию «России» телеграмму:

«Милан придумал искусственное покушение с целью погубить радикалов. Лучшие люди Сербии арестованы, ожидают казни, если не будет вмешательства держав».

Это был отчаянный поступок. Гиляровский подверг себя смертельной опасности. Телеграмма, конечно, до России не дошла. А сербские друзья Гиляя укрыли его, объясняя, что его теперь тайные агенты могут уничтожить, а паспорт и вещи подбросят в Вену или Будапешт. Мол, пропал человек, но не у нас, а в другой стране. И концы в воду.

В ночь на 29 июня, как писал затем Гиляровский, в Белграде «был страшный тропический ливень с грозой». Около полуночи в его комнату вбежали два его друга-серба в военной форме и взволнованно закричали: «Идем, скорей, скорей! Иначе будет поздно. Сейчас за тобой придут!»

Гиляровский быстро оделся и выскочил с ними на улицу под проливной дождь. Но внезапно обнаружил, что забыл табакерку. И заявил, что ему за ней надо вернуться. «Ты с ума сошел!» - кричали ему сербы. Но он упрямо твердил, что без табакерки не побежит, ее не оставит. И вернулся за табакеркой.

И это спасло ему жизнь. О том он узнал, когда вернулся с табакеркой к друзьям на улицу. «В те минуты, когда я за ней бегал, мимо

них прошел военный обход, который арестовал бы меня, и утром я был бы уже удавлен».

К счастью, сербы усадили его на пароход, отплывавший по Дунаю на другую сторону - в Венгрию. Утром он уже был на венгерской пристани и дал в газету «Россия» телеграмму: «В Белграде полное осадное положение. Установлен военно-полевой суд. Судьи назначаются Миланом Обреновичем. Лучшие, выдающиеся люди Сербии, закованные в кандалы, сидят в темницах». Телеграмма была довольно пространной. Заканчивалась она словами: «Если не последует постороннее вмешательство, начнутся казни. В.Гиляровский». Телеграмма была немедленно напечатана в «России» и перепечатана в зарубежных газетах. Так мир узнал, что происходит в Сербии. Началось возмущение. Пошли протесты. Милан испугался. Тайно уничтожить своих противников ему не удалось, и диктатор отступил. Между тем до Петербурга уже дошли слухи, что Гиляровский тайно убит. Не тут-то было.

«Я выехал в Петербург и привез корреспонденции из Белграда, которые перепечатывались во всех газетах, а «Россия» в Москве имела огромный успех. Милан после разоблачений исчез навсегда из Сербии. В Петербурге редакция меня чествовала обедом за этот «всемирный газетный бум», изменивший историю Сербии репортерской телеграммой».

Я сравнивал то, что написано Гиляровским, с серьезной исторической литературой и могу свидетельствовать, что у него есть некоторые «неточности», кое-что прибавлено «для красного словца», но в целом, к примеру, в академическом издании - книге О.В. Павлюченко «Россия и Сербия» (1987 г.) отмечается значительная роль Гиляя в тех давних белградских событиях.

Вот таков был масштаб Гиляровского, и я начал свое повествование с рассказа про его белградскую сенсацию, чтобы сразу показать это.

Гиляй был великий журналист и необычный, невероятный человек. И примечательно, что его 150-летний юбилей 8 декабря 2005 года тоже имеет свою сенсацию. Все время считалось, что он родился в 1853 году. Но в Вологде ныне установлено и доказано, что он родился на вологодской земле на два года позже, в 1855 году. Часть этого открытия принадлежит археографу Ириаде Игнатьевской и Любови Мясниковой, впервые это опубликовано в «Красном Севере».

Несколько вернувшись назад, о вологодских корнях Гиляя и его вологодских сенсациях - речь далее.

ОТКРЫВАЮ РОДИНУ ГИЛЯРОВСКОГО

Все исследователи в своих работах повторяют то, что написал сам Гиляровский о месте своего рождения: «Родился я в лесном хуторе за Кубенским озером», в «глухих сямских лесах». Сказано очень обобщенно, мягко говоря.

Когда-то Гиляровский, очень любивший творчество Н. В. Гоголя, совершил путешествие по гоголевским местам и, не будучи литературоведом-специалистом, внес в биографию писателя очень важные уточненные данные, которые затем вошли во все академические издания о Гоголе. В том числе точно установил дату рождения великого писателя. И вот оказалось, что нечто похожее относится и к самому Гиляровскому. Потому я отправился в Сямь по «гиляровским» следам, чтобы впервые побывать в местах, где он родился. До него никто из литераторов и исследователей этого не делал. Гиляй ездил по следам Гоголя, я еду по следам Гиляя.

А вот с датой, с годом рождения Гиляровского все то же и так же, как было у Гоголя. Уже говорилось, что она точно установлена и исправлена в 2003 году и часть этого открытия принадлежит вологжанам. Возвращаясь к напечатанному, повторюсь, но все же подробнее расскажу, как такое произошло. Ведь установление даты рождения великого журналиста, отца отечественного репортажа имеет не только вологодское, но и национальное значение.

Подобные выдающиеся, очень редкие открытия часто происходят благодаря счастливому случаю. Так было и на этот раз. В 2003 году на Вологодчине, в Москве и по всей России готовились отмечать юбилей Гиляровского - 150-летие со дня его рождения. Дата - 8 декабря 1853 года - ни у кого не вызывала сомнения. Но грянула сенсация как раз в духе самого Гиляя. Сотрудник Госархива Вологодской области, археограф И. В. Игнатьевская, выполняя авторский запрос, не имеющий никакого отношения к Гиляю, в метрической книге Покровской церкви, что на Сяме, натолкнулась на столь нам известную фамилию - Гиляровский. Она обратила на это внимание опытного архивиста, заместителя директора Госархива по науке Любови Николаевны Мясниковой. Записи метрической книги Покровской церкви были сопоставлены с официальными

данными о Гиляровском в исследовательской литературе. И сразу стало ясно, что сведения о времени рождения Гиляровского неверны.

Так из вологодского Госархива в областную администрацию поступило официальное извещение, что юбилей Гиляровского отмечать нельзя: Владимир Алексеевич родился не 8 декабря 1853 года, а на два года позже - 8 декабря 1855 года. Эти поразительные сведения были сообщены и в Москву. В Вологде тогда юбилейные торжества отменили, а в Москве несуществующий юбилей все же частично отмечался, все мероприятия отменить не успели.

Во всяком случае, сенсационная двухгодичная задержка с юби-

леем пошла на пользу. Обнаружилось, что биография Гиляя во многом - «белое пятно», она по-настоящему не изучена, не исследована, и Л.Н. Мясникова взялась за такое исследование. Это было новое, неизвестное о Гиляе. В 2005 году состоялись три очень ценные публикации Л.Н. Мясниковой в вологодском журнале «Пятницкий бульвар». В первой из них говорится обо всем, что связано с бракосочетанием родителей Гиляровского

A photograph of a page from a metrical book (метрической книги) from the Pokrovskaya Church in Vologda. The page is titled 'МЕТРИЧЕСКОЙ КНИГИ НА 1854' (Metrical Book for 1854). It contains columns for 'Счетъ виновника' (Account of the offender), 'Место виновника' (Place of the offender), 'Печать референты' (Seal of the referee), 'Завещ. имя, отчество в крестах' (Name and patronymic in crosses), and 'Завещ. имя, отчество в печати' (Name and patronymic in seal). The text in the columns is handwritten in cursive script. The date '12 сентября 1854' is clearly visible in the fourth column.

Запись в метрической книге
Покровской церкви.

и его рождением. Вот цитата из первой статьи: «В метрической книге зафиксировано, что 12 сентября 1854 года состоялось бракосочетание канцелярского чиновника, служащего письмоводителем при полицейском приставе I стана 25-летнего Алексея Иванова Гиляровского с дочерью калязинского мещанина Тверской губернии Петра Иванова Мусатова девицей Надеждой Петровой, 21 года. Через год, 26 ноября 1855 года, у молодых родился первенец, сын Владимир. Обряд крещения совершается 29 ноября в той же церкви».

Ничего этого не было известно. Большое значение, конечно, имели работы о Гиляровском В.В. Гуры, В.К. Пудожгорского, но научная его биография в вологодском краеведении отсутствовала, то есть биографических данных, основанных на архивных материа-

лах, о нем самом, его родителях, родственниках, об их вологодской жизни не имелось. Во всех публикациях о Гиляе использовались лишь те сведения, которые он сообщил о себе в своей автобиографической повести «Мои скитания». А о ней он сам писал: «Это не автобиография, нет. Это не мемуары. Это правдивые кусочки жизни, моей жизни и окружающих». То есть только «кусочки жизни», а не сама биография, не мемуары, а автобиографическая повесть со всеми особенностями этого жанра. Но все же, где родился Гиляй? Пока было неизвестно.

Время рождения этой поездки-сенсации - 26 сентября 2005 года. В этот день, отправляясь в поездку по родным местам Гиляровского на редакционной машине «Красного Севера», я сказал главному редактору А.В. Торопову: «Еду за сенсацией. Конечно, может, и не получится. Но у меня есть предчувствие, что должно получиться. Моя цель - установить как можно точнее место рождения Гиляя».

В прекрасный золотой осенний день на редакционной машине «Красного Севера» еду по вологодским местам Гиляровского: Сяма - Березник - Горка Покровская. Со мной фотокорреспондент «Красного Севера» Анатолий Смолин и сотрудник Вологодского музея-заповедника Лариса Витальевна Гульнева. Останавливаемся в Кубенском - известном старинном селе. Впереди - уходящая вдаль гладь хорошо всем известного Кубенского озера.

Но Владимир Алексеевич в советское время о себе кое-что утаивал. В частности то, что его отец был связан с полицией. К тому же он был сыном дьякона и закончил Вологодскую духовную семинарию. Более того, и фамилию при поступлении в училище ему дали новую, вместо обычной фамилии - Петров (преподаватель латыни), придумал ему от латинского слова «веселый» (*«hilaris»*) фамилию Гиляровский. Как бы предугадал преподаватель-семинарист в будущем веселый характер Гиляя. Но по «духовной линии» отец Гиляровского после окончания семинарии пойти не захотел, подался в охотники в Сяму. Там на охоте познакомился с управляющим лесным имением графа Олсуфьева. И стал его помощником. Гиляровский пишет об этом так: «Отец после окончания курса семинарии был помощником управляющего личным имением графа Олсуфьева, а управляющим был черноморский казак Петро Иванович Усатый, в 40-х годах променявший кубанские плавни на леса Севера и од-

новременно фамилию Усатый на Мусатов... Отец мой, новгородец с Белоозера, через год после службы в имении женился на шестнадцатилетней дочери его Надежде Петровне». А потом поступил на службу в полицейский участок в Кубенском.

Но все это были «некорошые» сведения в советское время, которые Владимир Алексеевич скрывал. И конечно, умолчал, что его отец Алексей Иванович, как пишет Л.Н. Мясникова, «карьеру чиновника начал с должности письмоводителя при полицейском приставе первого стана Вологодского уезда» в селе Кубенском, а потом был переведен на ту же должность во второй стан в селе Домшино. Про Домшино Владимир Алексеевич вспоминает, здесь многое связано с его детством. Конечно, бывал он у отца и в Кубенском.

И вот на автобусной остановке спрашиваю у пожилых людей, не знают ли они, где был полицейский участок. И одна из них, Инна Семеновна Николаева, говорит: «Да вот он, этот дом. Раньше, говорят, здесь была полиция с кутузкой для арестованных, потом - милиция». Значит, в этом здании, скорее всего, и служил отец Гиляровского.

Но это - только начало моего поиска. Вместе со своими спутниками едем далее, наш путь лежит в села Березник и Сяму и деревню Горка Покровская. Очень красивые места. Конечно, дремучих и глухих лесов давно нет, вырублены. Но природа прекрасна: Кубенское озеро, неоглядные дали, золотые по осени перелески, древний Сямский монастырь. Эти места вскормили три выдающихся таланта: Владимира Гиляровского, писателя и искусствоведа Ивана Евдокимова, великого авиаконструктора Сергея Ильюшина (его родная деревня Дилялево - рядом с Сямой). Но сегодня я интересуюсь в первую очередь Гиляровским. Где же все-таки он здесь родился?

Говорю с местными жителями: заместителем главы местной администрации В.М. Ячменновой, энергичной, инициативной; библиотекарем С.А. Зиминой, старейшими жительницами, в том числе с восьмидесятипятилетней Анной Андреевной Ярыгиной. И меня прежде всего интересует вопрос, где находился хутор, лесное имение графа Олсуфьева, поскольку именно здесь родился Гиляровский.

Свидетельницей местной истории последних десятилетий была 85-летняя Анна Андреевна Ярыгина. Она рассказывает мне о бывшем Сямском Богородице-Рождественском монастыре. Из истории я знаю, что монастырь был основан в шестнадцатом веке, его посещал

Иван Грозный, обитель пользовалась известностью, было немало паломников. Но в первые советские годы здесь создали коммуну, привезли переселенцев. И Анна Андреевна рассказывала: «Наша семья была бедняцкая, мы - переселенцы. Но осели здесь. Жили сначала хорошо. У кулаков тогда добро отбирали и в коммуну отдавали. А потом чего-то не получилось. Монастырь стали разрушать. Какая церковь была - истинная красавица, ничего от нее не осталось. И стены с четырьмя башнями исчезли, разрушены. Я раньше в Бога не верила. А теперь верю. И плачу, жаль мне монастырь. А про Гиляровского мы тогда не слыхали».

Ныне монастырь разрушен почти полностью. В 2003 году молния ударила в колокольню, крест с нее упал, был пожар. Фактически - это гибель. Об этом с горечью говорит В.М. Ячменнова, она и ведет меня в деревню Горка, к бывшей Покровской церкви, где крестили Гиляровского.

«Удивительной красоты, - рассказывает она, - была эта церковь. И расписана замечательными фресками. Наша школьная учительница говорила нам, ученикам: «Когда-нибудь эту красоту люди восстановят и фрески восстановят». Увы - не восстановили».

Но разрушенный храм, стоящий на пригорке, и сейчас очень красив, даже без купола, даже с зияющими провалами в стенах. И рядом - деревня Горка. На горе, с добротными строениями - домами, палисадниками, пристройками, она очень живописна. И возникает предположение: не это ли изменившийся, перестроившийся бывший хутор, бывшее поместье графа Олсуфьева, где родился Гиляй?

Косвенные доказательства у меня на этот счет уже есть. Гиляровский косвенно указывает на место своего рождения - «за Кубенским озером». Горка находится именно «за Кубенским озером». Это - ближайший населенный пункт здесь, у озера. Березник и Сяма чуть дальше. И если применять метод исключения, то Гиляй не мог родиться ни в Сяме, ни в Березнике. Березник - крупное поселение, а Сяма - это монастырь, монастырская слобода. Гиляй обязательно должен был с таким случае сказать о монастырской слободе. Но он об этом не говорит, потому что не имеет к монастырю никакого отношения. Значит, остается только Горка. И главный довод - здесь находится Покровская церковь, где он крестился. Несомненно, место его рождения было поблизости с Покровской церковью. Родители Гиляровского, по исследованиям Л.Н. Мясниковой, были активными прихожанами, крестными, воспреемниками. Значит, жили где-то рядом.

А единственное жилое поселение с незапамятных времен около Покровской церкви - именно деревня Горка. Не на пустом же месте она возникла? И еще доказательство. У Гиляровского сказано, что место его детства - на берегу реки Сямьи. Ныне это - река Крутец, где и находится деревня Горка, и именно она одна - при впадении ее в Кубенское озеро. Все совпало.

И екнуло сердце: вот оно. Интуиция подсказала: это - здесь. Здесь родился и подрастал маленький Гиляй.

Конечно, интуицией точно доказать ничего нельзя. У меня уже появились какие-то конкретные сведения, я мог сопоставлять, анализировать. Сведения необходимы, но интуиция дает толчок. Это - как внутреннее озарение. Подобное необъяснимо. Это и есть чудо открытия, чудо творчества. И в глубине души понимаешь: открытие совершено. Но его еще нужно доказать. Для всех других - это только версия. И, вернувшись в редакцию «Красного Севера», я сказал: место рождения Гиляя найдено. Но это пока лишь версия.

Со своей версией (чтобы подтвердить или, не приведи Бог, опровергнуть ее) я обратился к Л.Н. Мясниковой, серьезному архивисту, так

много уже сделавшему для созданий научной биографии Гиляровского. Любовь Николаевна проявила здоровый скепсис (поверить в то, что определено точное место рождения Гиляя, конечно, непросто), но охотно взялась за работу, за архивные изыскания. Поиск был очень непростой - по крупицам, по косвенным данным. Но она нашла то, что нужно. Выяснилось главное: около Покровской церкви в то время существовала деревня Горка. И здесь жила «чиновничья» семья, фамилия ее не названа, но все сведения точно совпадают с известными фактами о Гиляровских, в том числе и о рождении двух сыновей, причем зафиксировано, что младший сын вскоре умер. Все совпало. Это было в Горке. Архи-

В. Аринин вступает на родину Гиляровского - в д. Горка.

Покровская церковь, где крестили маленького Гиляя. Так она выглядит сегодня.

числе и место, где жила их семья. Но теперь мы точно знаем и год, и место его рождения. Отныне биография Гиляя должна начинаться в любом издании, в любой энциклопедии сведениями, которые впервые появились в «Красном Севере»: В.А. Гиляровский родился 8 декабря 1855 года в деревне Горка Покровская. Но он был слишком мал, когда его увезли отсюда в Вологду.

ГИЛЯРОВСКИЙ САМ ПРИДУМАЛ СВОЙ ЮБИЛЕЙ?

На родине Гиляя его земляки юбилей Владимира Алексеевича в 2005 году отмечали впервые. Рассказывает преподаватель русского языка и литературы Березниковской школы Галина Владимировна Кумзерова:

- Я - местная уроженка, но нам в школе никогда не говорили о Гиляровском, о том, что он - наш земляк. Мы просто этого не знали. Я узнала об этом, когда уже была студенткой Вологодского педуниверси-

вные документы, хотя и косвенным образом, но подтвердили мою версию: Гиляровский родился в Горке Покровской.

«Вы как в воду глядели», - сказала с удивлением Любовь Николаевна. Трудно сказать, почему Гиляровский не привел точного названия своего места рождения - деревня уже была, и название у нее тоже было. Но он почему-то назвал ее «лесным хутором». Гиляровский с логикой был не всегда в ладу. Видимо, не придал этому особого значения.

Но скорее всего он сознательно «засекретил» сведения об отце, его службе в полиции, в том

тета, - прочитала в книге Виктора Гуры о Гиляровском. Сначала даже поверить не могла, что он на самом деле наш земляк, родился где-то недалеко от Сямьи. Набралась смелости, позвонила Гуре, чтобы удостовериться. Спрашиваю: «Виктор Васильевич, это правда, что Гиляровский родом из нашей Сямьи?» Он заволновался и начал меня убеждать: «Конечно, из Сямьи. Конечно, он ваш земляк». Вот как было.

Ныне Галина Владимировна ведет большую краеведческую работу в своей школе, в родном селе. Она создала школьный музей, посвященный родному краю, школе, возглавляет краеведческий кружок, который активно собирает местные исторические материалы. И теперь большое место в музее занимает тема Гиляровского. Бывшая ученица Галины Владимировны Мария Новожилова, ныне студентка, написала в прошлом году большую работу под названием «Владимир Алексеевич Гиляровский - истинный вологжанин, русский чудо-человек». Это настоящее краеведческое исследование, в котором по крупицам собраны все сведения о Гиляе, относящиеся к его детству на Сяме. Но о том, что Гиляровский сам мог придумать свой юбилей, здесь, на его родине, не знают. Об этом (тоже своего рода сенсации) речь далее. А пока рассказ о раннем детстве Гиляя.

Родился он тоже, так сказать, сенсационно - в хлеву. Это было первым приключением Гиляя. «Самое мое рождение было приключением, - так писал он сам. - Я родился в хлеве, куда мать пошла доить свою любимую корову, и меня, всего занесенного снегом, принесла в подоле в кухню». Его матери было тогда всего семнадцать лет.

Написал он и про второе свое приключение: «Трех лет я свалился с моста в речку Сяма. Тетка меня отхлопала изрядно».

Речки Сямьи, во всяком случае сегодня, нет. Есть речушка Крутец, протекающая как раз рядом с Покровской церковью, где крестили маленького Володю Гиляровского. Ныне Крутец совсем обмелел. Но ранее это была полноводная река. Местные старожилы говорили мне, что по ней ходили из Кубенского озера баржи. Так что свалиться в такую реку было опасно. Но обошлось.

Третье детское приключение - первая встреча с медведем. В тот день маленький Володя с двоюродным братом деда Китаевым собирали малину. «Мне исполнилось 4 года. Недалеко от хутора в малиннике на буреломе около реки мы с Китаем собирали малину: я - в рот, а он - на пирог. День солнечный, ветерок из леса пахнет сосновой, смесью

малины и поляники, этой самой ароматной ягоды в мире. Вдруг дядя Китай (я так его звал) поднял голову, понюхал воздух и показал мне... Медведь невдалеке малину жрет. Как я закричу, и как рявкнет не своим голосом дядя Кит! Бросился медведь по лесу удирать. Только треск идет. А так с легкой руки и пошли мои приключения». И можно добавить: приключения с Гиляем продолжались всю его жизнь.

Как уже часто упоминалось, в 1928 году в журнале «Огонек» Гиляровский напечатал краткую автобиографию, озаглавленную так: «Мои семьдесят пять лет». Этот факт по-своему сенсационен: Гиляй неверно назвал год своего рождения (тогда ему было семьдесят три года). Но зачем ему это было нужно? Поговорим о том далее. А пока процитирую, что пишет Гиляй о своем раннем детстве:

«Детство - с восьми лет на охоте в дремучих вологодских лесах. Рассказы бабушки-казачки и деда, сына запорожца, бежавшего на Кубань после разгрома Екатериной Сечи. Там он обосновался и там родился мой дед, участник кавказских походов. Бабка и дед рассказывали о привольной и боевой казачьей жизни, а их дочь, моя мать, прекрасно пела песни чудные и читала по вечерам Пушкина, Лермонтова, а отец - запрещенные стихи Рылеева. Я, пятилетний, со слуха знал наизусть кусочки из произведений Войнаровского. Мне очень нравилась его звучная поэма. Кроме них, беглый матрос-кругосветник, друг отца, воспитывал во мне удалого охотника».

Речь идет о бывшем матросе Китаеве, с которым, как пишет Гиляровский, они «были неразлучны». Впрочем, Китаев являлся его деревенским прозвищем, за то, что он в былые годы побывал и жил в Японии и Китае, а настоящая его фамилия - Югов. Безусловно, он был необыкновенным человеком. Василий Югов - уроженец вологодской реки Юг, бывший крепостной, забритый по барской воле в матросы. Он был известен как первый силач и отчаянная голова во всем флоте. На фрегате «Паллада» (вместе со знаменитым писателем Иваном Гончаровым) совершил кругосветное путешествие в Японию и Китай. Был непокорен, буйствовал, постоянно дрался с другим знаменитым флотским силачом и садистом Фофаном. Однажды вступил ся за одного молодого матроса, которому грозила порка, и устроил крупную драку. Ему грозил даже расстрел. Гиляровский приводит его рассказ: «Бросили меня в люк, а я уснул. Расстреляют-то завтра, а я пока выплюсь. Вдруг меня кто-то будит: «Дядя Василий, тебя

завтра расстреляют, беги - земля видна, доплывешь». Гляжу, а это тот самый матрос, которого наказать хотели... Поцеловал я его, вышел на палубу, ночь темная, волны гудят, свищут, море злое, да все-таки лучше расстрела... Нырнул на счастье, да и очутился на необитаемом острове».

Так вологжанин стал русским Робинзоном Крузо и некоторое время прожил на необитаемом острове. Потом ушел в Японию с их рыбаками».

Из Японии попал в Китай и постепенно сумел перебраться в Россию. Добрался до родственников в глухие сямские леса, укрылся здесь и всю жизнь прожил под чужой фамилией. «Это был добротный человек как в ширину, так и вверх, с длинными, огромными обезьяиными ручищами и сутулый. Ему было шестьдесят лет, но десяток мужиков с ним не мог сладить: он брал их, как котят, и отбрасывал далеко, ругаясь неистово не то по-японски, не то по-китайски». Он ходил с ножом один на один на медведя и всех побеждал. Ударом ладони разбивал кирпичи, жонглировал бревнами. Я смотрел на Китаева как на сказочного богатыря, и он меня очень любил, обучал гимнастике, плаванию, лазанию по деревьям и некоторым невиданным тогда приемам, происхождение которых я постиг десятки лет спустя, узнав тайны джиу-джитсу». Вот какой был в детстве воспитатель у Гиляя.

И еще вспоминает Гиляй, говоря об их жизни на Сяме, что его дядя и отец проявили себя за время управления лесным имением Олсуфьева как справедливые, пользующиеся большим уважением у крестьян люди. «Никто не был телесно наказан, никто не был обижен,

*Галина Владимировна Кумзерова
рассказывает о своем школьном
краеведческом музее.*

хотя кругом свистели розги и управляющими, особенно из немцев, без очереди сдавались люди в солдаты, а то и в Сибирь ссылались... Жили по-казачьи, запросто и без чинов».

Когда ему было пять лет, в 1860 году, семья переехала в Вологду. В родные места, на Сямь, Гиляровский уже не вернулся. И, конечно, он не мог предположить, что почти полтора века спустя потомки по записи в метрической книге местной церкви откроют его обман с днем рождения.

Но снова повторю тот же вопрос: почему он это сделал, зачем ему потребовалось изменить свой год рождения, прибавив себе два года?

*Так выглядит сегодня
Сямский монастырь.*

Мы с Л.Н. Мясниковой обсудили этот любопытный (тоже сенсация) факт. Здесь возникает весьма логичная версия. В дореволюционной литературе дата его рождения указывалась верно - 1855 год. Что же произошло? В советское время лишь в Большой советской энциклопедии 1952 года и в воспоминаниях писателя Н. Телешова год рождения Владимира Алексеевича указан верно - 1855-й. Во всех других многочисленных изданиях советского времени дается неверная дата - 1853 год. Как же это получилось? Дело в том, что и в печати еще дореволюционного времени однажды ошибочно была названа дата его рождения - 1853 год, и не исключено, что Гиляй «воспользовался» такой

ошибкой. И свою короткую автобиографию, напечатанную в журнале «Огонек» в 1928 году, он озаглавил: «Мои семьдесят пять лет». То есть сам назвал свой год рождения как 1853. Но не мог же он не знать собственный год рождения! Но он не только не исправил ошибку, но, как предполагает Л.Н. Мясникова, сам ее «закрепил» и пустил ее в оборот в печати, «состарив» себя на два года. Но зачем ему это было надо?

Здесь надо искать психологическое объяснение. Можно предположить, что таким образом Гиляровский пытался привлечь к себе внимание и потому придумал преждевременный юбилей.

Ведь прежде, в дореволюционной России, он всегда был в центре внимания, его имя гремело на всю страну, в его доме на Столешниках собирались знаменитости, все «сливки» столицы, здесь рождались новые громкие проекты и новые художественные идеи... А в советской Москве, хотя Гиляй и пытался воспевать ее, он оказался в стороне, на обочине. Он даже писал поэтому о Ленине, но писать о вожде желающих и без него было предостаточно, никого этим было не удивить.

О Гиляровском, конечно, помнили, его ценили, но он как бы отстал от времени, во всяком случае, не совпадал с советским временем. О том, как и за что его оценят потомки, он знать не мог. Психологически смириться с потерей славы «короля репортёров» ему было трудно, может, даже невозможно. Он начал болеть. Вероятно, приходили мысли: вдруг не доживу до юбилея? И он мог пойти на отчаянный авантюрный шаг в своем же духе - прибегнуть к мистификации, приблизить юбилей на два года. И так вновь оказаться в центре внимания. Увы! Это ему не помогло.

Я сочувствую вам, Владимир Алексеевич. Мне горько за вас. И я не осуждаю вас за мистификацию. Литературная мистификация мне всегда по душе. И здесь еще о многом можно написать. Тем более что об этом никто не писал.

ВОЛОГДА И ВОЛОГЖАНЕ

Свое вологодское детство и вологодскую юность сам Гиляровский описал в книге «Мои скитания» (1928 год). В ней, помимо описания своей жизни, много говорится о вологодских нравах и быте дореволюционного времени. Первоначально Гиляровские жили на Калашной улице (ныне Гоголя), затем на Архангельской (ныне Чернышевского). Дом Гиляровских (Чернышевского, 26), правда, уже полуразвалившийся, сгорел всего несколько лет назад.

В «Моих скитаниях» достаточно подробно говорится о вологодской жизни Гиляя: ранняя смерть матери (она умерла, когда ему было девять лет, в день его рождения, 26 ноября 1864 года), женитьба отца на М.И. Разнатовской, жизнь маленького Володи в семье Разнатовс-

ких. Мачеха любила его, а вот новые тетеньки-дворянки мучили своим воспитанием, о чем он пишет не без иронии. Учеба в Вологодской гимназии. Учился он из рук вон плохо, оставался на второй год (хотели даже оставить во втором классе на третий год). Плохое поведение, бурный, непокорный нрав. Начало творчества - злые эпиграммы, «пакости на наставников». И первые лирические стихи, и переводы с французского (зануды-тетеньки все же обучили французскому). Бурное увлечение охотой: в четырнадцать лет убил матерого волка, а потом и медведя, чем заслужил известность по всей Вологде. Любовь к театру, а потом к цирку. Когда в Вологде появился «Цирк араба-ка-била Гусейна Бен-Гамо», юный Гиляровский решил стать циркачом и «стал недурным акробатом и наездником». Однажды в гимназии, делая сальто-мортале, перепугал законоучителя-священника, решившего, что в гимназиста вселилась нечистая сила.

В «Моих скитаниях» есть некоторые, так сказать, описания в духе Гиляровского. Но какими для него являются вологодские сенсации из его юности? Вот одна из них. Летнее время юный Гиляровский обычно проводил в имениях своих новых родственников Разнатовских - в Светелках и Несвойском. В Светелках он познакомился с приезжавшим из Петербурга Николаем Разнатовским. «Отставной гусар, удалец и страстный охотник. Он меня обучал верховой езде и возил в имение своей жены, помнится, Несвойское, где были прекрасные конюшни. Она тоже обожала охоту и была страстной наездницей. Носились мы как безумные». Амазонка Наталья Васильевна Разнатовская была красавицей. «Красавица в полном смысле этого слова, стройная, с энергичными движениями и глубокими карими глазами, иногда сверкающими блеском изумруда». И вот однажды между супругами Разнатовскими, Натальей и Николаем, произошла какая-тоссора. Пили большой компанией кофе. Но что-то произошло. Николай выхватил пистолет. И Натали, вскочив со стула, закричала: «Стреляй! Ну, стреляй!» Он выстрелил... Мы замерли от страшной неожиданности. Кто-то в испуге крикнул: «Доктора!», входивший лакей что-то уронил и выбежал из двери.

- Не надо доктора! Я только ухо поцарапал, - и Коля бросился к жене, подавая со стола салфетку.

А она, весело улыбаясь, зажала окровавленное ухо салфеткой, другой рукой обняла мужа и сказала:

- Я, милый Коля, больше не буду! - и супруги расцеловались.

Что значит это «не буду», так до сих пор никто и не знает. Дело разбиралось в Петербургском окружном суде, пускали по билетам».

Красавица Натали сама защищала мужа на суде, заявляя, что ее муж является превосходным стрелком, потому он не хотел ее убивать, а только отстрелил кончик уха в пылу ссоры. Демонстрируя свое искусство стрелка, муж на глазах всего суда «всадил четыре пули в четырех тузов» на расстоянии десяти шагов. И суд оправдал его. «Супруги поселились в вологодском имении, вот тогда-то я у них бывал». Такова одна из вологодских сенсаций в описании Гиляровского. «Историю этого уха знала вся Вологда и знал Петербург». Вот какие были страсти, какие нравы.

Описаны Гиляровским и сценки из жизни гимназии. Гиляровский с иронией описал многих преподавателей и гимназистов. В том числе некоего Забоева, зырянина (коми) по национальности. Этот Забоев, «четырехугольная фигура, четырехугольное лицо», прославился тем, что шесть лет сидел в первом классе из-за плохой неуспеваемости. Но начальство все же его не отчисляло, боясь, видимо, быть обвиненным в русском шовинизме. Наконец, случай для отчисления представился: первоклассник Забоев, уже взрослый человек, «пьяный ночью побросал с соборного моста в реку патруль из четырех солдат с ружьями».

А вот еще одна вологодская сенсация, описанная Гиляровским. Она произошла с вологодским полицмейстером А.Д. Суворовым. «Бывший кавалерист, полковник в отставке, страстный охотник, он признавал лишь охоту, лошадей, пирушки с жженкой и пуншем». И еще одна страсть была у него - театр. И вот однажды, когда он в февральской темноте через реку Вологду ехал в театр, «в его сани вскочил волк (они стаями бегали по реке и окраинам). Лихой охотник, он схватил ловко волка за уши, навалился на него, приехал с ним во двор театра, где состроили его, поручил полицейскому караулить и как ни в чем ни бывало звякнул шпорами в зрительном зале и занял свое обычное кресло в первом ряду». Давали «Гамлета». Серьезная премьера. Но в антракте публика узнала про волка и хлынула во двор смотреть его. Зал опустел. Премьера была сорвана. Последний акт смотрел один Суворов в пустом зале.

«Ну, какое дело Суворову до ссыльных? Если же таковые встречались у собутыльников за столом среди гостей, то при встречах он раскланивался с ними, как со своими знакомыми».

Гиляровский много пишет о политссыльных в Вологде. В юности он испытал их влияние. Они бывали в доме Гиляровских, юный Гиляй бывал на их встречах, слышал их споры, читал их книги.

И в том, что в шестнадцать лет он бежал из дома, видимо, есть доля их влияния. Начитался запрещенного романа Чернышевского «Что делать?», подражал его герою Никитушке Ломову. Видимо, бежал и потому, что провалился на выпускном экзамене в гимназии, оставил короткую записку отцу и скрылся из дома, где его любили. Почти без денег. Без паспорта. Навстречу своим приключениям и сенсациям.

РАДИ «ПРОСТОРА И РАЗГУЛА»

Он множество раз мог погибнуть, его могли застрелить, зарезать, задушить. Он воевал, сталкивался лицом к лицу с головорезами, был в притонах, воровских «малинах», местах катастроф, в очагах холеры.

Но его ничего не брало - ни пуля лазутчика, ни нож бандита, ни смерч, в который он однажды попал, ни холера. Судьба как будто берегла его во время многих скитаний.

Бродячая жизнь Владимира Гиляровского длилась около десяти лет. Она достаточно подробно описана им самим в автобиографической повести «Мои скитания», и повторяться нет нужды. Есть ли в «Моих скитаниях» литературный вымысел, моменты мистификации? Думаю, что есть. Хотя в целом Гиляровский - правдивый документалист. В основном он описывает то, что было на самом деле. Но точно отделить документальность и литературный вымысел у Гиляровского невозможно. Во всяком случае, его газетные публикации абсолютно документальны.

Во время своих скитаний он исходил тысячи верст по России, побывал во множестве городов и сел, пережил невероятное число приключений, опасностей, самых неожиданных ситуаций. Сменил множество профессий.

Начал с того, что в шестнадцать лет примкнул в Ярославле к партии бурлаков и выдержал, будучи еще юношей, непосильную лямку бурлака, непостижимый бурлацкий быт.

Землячка Гиляровского, уроженца Сямы, юная исследовательница его жизни Мария Новожилова составила алфавитный словарь профессий, которые он сменил во время своих скитаний. Вот что полу-

чилось: актер, акробат, бурлак, борец, гимнаст, истопник, крючник (грузчик), медвежатник (охотник), объездчик лошадей, пожарник, рабочий, табунщик, уборщик, цирковой наездник, юнкер. Список не полон - всего не перечислишь. И во всех этих профессиях Гиляровский проявлял талант или умение, огромную силу, смелость (если требовалось), жажду деятельности, жадный интерес к любому проявлению жизни. «Ну, фигура!» - сказал о нем Горький. Фигура невероятная, очень русская, неуемная. Душа его требовала «простора и разгула». За годы скитаний он ненадолго вернулся в Вологду. Это было после русско-турецкой войны. Он ушел на эту войну в 1877 году из актерской труппы добровольцем. Ему было интересно и повоевать. Воспал в «охотниках» на Кавказе, это нечто вроде нынешнего спецназа. Охотились за турецкими лазутчиками в горах, головорезами-бashiбузуками. «Бashiбузуки наводняли горы, и приходилось воевать с ними в одиночку в горных лесных трущобах, ползая по скалам, вися над пропастями. Мне это занятие было интереснее, чем сама война. Охота за бashiбузуками была увлекательна».

Представляете - охота за головорезами, тогдашними террористами, смертельные поединки с ними были для Гиляя увлекательны! Непостижимая натура!

Вот после окончания войны Гиляровский приехал в Вологду по-видаться с родными. Отец подготовил для сына подарок. Это была книжечка гимназических сочинений, изданная учителем литературы Прохницким, и среди них стихотворение Гиляя «Листок». Нет, не все плохо было для него в вологодской гимназии. Он был искренне рад первой своей публикации, его тянуло писать. И первая публикация, как он вспоминал впоследствии, «еще больше зажгла во мне уверенность писать».

Тогда в Вологде произошел и курьезный случай, о котором с улыбкой написал Константин Паустовский: Гиляй решил похвастаться перед отцом - «желая показать свою силу, завязал узлом кочергу. Глубокий старик отец не на шутку рассердился на сына за то, что тот портит домашние вещи, и тут же в сердцах развязал кочергу». Таковы были «традиции» Гиляровских.

Гиляй впоследствии вспоминал многие вологодские встречи, назвал несколько фамилий и семей, с которыми он общался. Но для меня является загадкой, почему он не назвал Зубовых, соседей Гиля-

ровских по Архангельской улице. Они жили совсем рядом - Гиляровские и Зубовы. И не могли не знать друг друга.

Особняк Зубовых, в прошлом великолепный дом-дворец, сгорел совсем недавно, три-четыре года назад. Замечательное строение могло простоять еще века. Я много писал о нем, пытаясь его спасти. Увы! Хозяев не нашлось. И брошенное на произвол судьбы пустующее здание было уничтожено пожаром. Нынче здесь пустырь, а чуть поодаль какие-то новые русские возвели свой богатый особняк.

Зубовы - замечательный дворянский род, давший России немало крупных личностей. И как курьез - последнего любовника великой Екатерины II, красавчика Платона Зубова, но это другая родовая линия.

А во времена Гиляровского в роду была замечательная личность - Юлий Михайлович Зубов. Кстати, он был в родстве с Евпраксией Вульф-Бревской, той самой пушкинской Зизи, воспетой гением: «Зизи, кристалл души моей, предмет стихов моих невинных». Зубов очень гордился этим и считал свою дальнюю родственницу прототипом Татьяны Лариной. Будучи помещиком Кадниковского уезда, Юлий Михайлович сумел стать знаменитым путешественником, объехал полмира. Увлекался авиацией, делавшей тогда первые шаги. И однажды, уже в Вологде, произвел сенсационный скандал. Писатель Сергей Марков пишет об этом так: «Юлий Зубов путешествовал по дальним странам, побывал даже на Канарских островах. Он был еще где-то на островах в Океании и якобы привез оттуда таитянку, и был страшный скандал, когда губернатор пригласил его на бал. Когда в швейцарской с таитянки сняли плащ, то она оказалась в первозданной красоте, и ее пришлось вместе с Зубовым удалить с бала».

Что стало потом в Вологде с прекрасной таитянкой, мне неизвестно. И самое главное, я не понимаю, как и почему не пересеклись в Вологде пути соседей, двух таких незаурядных личностей, как Зубов и Гиляровский.

После Вологды - опять бродячая жизнь, смена профессий. Но более всего Гиляровский связан с театром. Он - актер, начинал играть в мелких труппах, которые вели полунищенскую жизнь, когда приходилось спать в степи под телегами или завернувшись в театральный ковер, воровать по ночам картошку на огородах. Потом он входил в

известные провинциальные труппы, играл вместе с крупными актерами, иногда прилично зарабатывая. Но страсть к литературе и журналистике все более и более захватывала его. Вот, оказалось, в чем его истинное призвание. В августе 1881 года популярный журнал «Будильник» печатает его стихотворение о Волге («Все мне грезится Волга широкая»), что приводит автора в подлинный восторг. С осени того же года Гиляй начинает свою газетную деятельность, сначала пишет всякие газетные «мелочи» в «Русской газете» («убогой», по его словам), затем в «Московском листке», где дебютирует крохотными публикациями о театре за характерной подписью - «Театральная крыса». И началось! И поехало!

«Театральная крыса» вскоре показала свои крепкие, острые зубы. Быстро выяснилось, что никто не способен соперничать с Гиляровским по части добывания новостей о происшествиях, крушениях, убийствах, пожарах, кражах и прочей уголовной хроники. Гиляй запросто сходился с людьми «дна»: ворами, бродягами, бандитами, проститутками, картежниками и тому подобными. Они первыми сообщали ему, где что случилось, и Гиляй посмеивался над полицией, говоря: «Мои агенты лучше ваших». Профессиональную работу журналиста в «Московском листке» начал в 1882 году. «На мне лежала обязанность вести хронику происшествий - должен знать, что случилось в городе и окрестностях, и не прозевать ни одного убийства, ни одного большого пожара или крушения поезда». И Гиляй не зевал, он неизменно опережал всех.

Но что было его первой сенсацией? Считаю, что это была его корреспонденция из Орехово-Зуева в мае 1882 года о страшном пожаре в рабочих казармах из-за отсутствия элементарных жилищных условий. Во время пожара было много жертв. А тут еще «горячий» рассказ в газете о трагедии, правда, анонимный, без указания фамилии автора. Среди рабочих началось волнение, фабриканты в ярости пожаловались генерал-губернатору: мол, корреспондент вызвал бунт. Генерал-губернатор вызвал редактора: «Ваша газета заварила бунт! Кто писал?» Редактор сумел отговориться. А потом сказал Гиляровскому: «Ну, зварил ты кашу, Гиляй. Сидеть бы тебе в пересыльной...»

Но в тюрьму Гиляй не попал: корреспонденция была признана верной, условия в рабочих казармах улучшены. Такова была первая сенсация Гиляя. Но она была еще анонимной.

Затем, в июне 1882 года, последовала вторая сенсация, уже за подписью автора. Дело было так. Однажды Гиляй ужинал в компании

вместе с управляющим Московско-Курской дороги. Внезапно ужин прервался, курьер принес управляющему ужасную весть: «Под Орлом страшное крушение - московский почтовый поезд провалился под землю».

Гиляй бросился на Курский вокзал, задними воротами пробрался к закрытой платформе, где стоял уже готовый к отъезду к месту катастрофы поезд, и спрятался под пустой состав. Когда поезд тронулся, Гиляй вскочил на ходу на подножку министерского вагона, где ехало начальство. К счастью, дверь оказалась не запертой. Гиляй вскочил в туалет и заперся в нем. Так и ехал в туалете, доставив большие неудобства начальству, которое никак не могло понять, почему уборная все время занята. Так и приехал на место катастрофы. Здесь спросил у первого встречного, что за местность. Тот ответил, что рядом деревня Кукуево. И Гиляй послал в газету первую корреспонденцию, назвав ее «Кукуевская катастрофа». Под таким названием это крушение вошло в историю.

Что же случилось? Оказалось, что небывалой силы ливень размыл насыпь, образовав огромную грязевую пещеру, куда и рухнул почти весь поезд. И большинство вагонов мгновенно засосало в грязь.

Две недели шли раскопки. «С момента раскопок от рассвета до полуночи я не отходил от производящих раскопки рабочих... Я присутствовал на работах ночью, дремал, сидя на обломках, и меня будили при каждом показавшемся из земли трупе. Я пропах весь трупным запахом и более полугода страдал галлюцинацией обоняния и не мог есть мясо». Во время этих ужасных раскопок Гиляй регулярно посыпал корреспонденции в газету.

В таком ужасном виде увидел его оказавшийся здесь брат писателя Всеволода Гаршина Е.М. Гаршин - обросшим, загоревшим дочерна на солнце, пропахшим трупным запахом. Ужаснувшись, он увез Гиляя в соседнее имение Спасское-Лутовиново, усадьбу великого Ивана Тургенева. Там Гиляя отмыли, наодеколонили, переодели, привели в нормальный вид.

А корреспонденции Гиляя про кукуевскую катастрофу уже читала вся Россия. Б. Есин в книге «Репортажи В.А. Гиляровского» пишет: «Эти знаменитые репортерские отчеты о кукуевской трагедии - первое крупное выступление журналиста в русской печати, которое сделало известным его имя. Он опередил все газеты».

Так появился в России «король репортеров» Владимир Гиляровский.

НА ВСЮ РОССИЮ И ВЕСЬ МИР

И возникает соблазн предположить: не Гиляй ли первым написал про «птичий грипп»? Во всяком случае, им описано печальное событие на полустанке Терпиловка: «У кур в это время была повальная болезнь, от которой они кружились по двору и падали мертвыми». Ведь даже про эпидемию (про холеру в России) Гиляй мог написать так, что его корреспонденциями интересовались крупнейшие газеты мира.

А вот курьез. В Большом театре дается сотый спектакль «Демона», которым дирижирует сам Антон Рубинштейн, где присутствует вся Москва «в бриллиантах и фраках». Гиляровский должен описать представление, но у него нет билета. Его все знают, пропускают в театр без билета, но у него нет места. Узнав про это, знакомый Гиляю полицмейстер подзывает к себе какого-то разнарядженного франта и приказывает ему отдать свой билет Гиляю. Оказывается, что это знаменитый московский вор Пашка Рябчик, и он безоговорочно отдает свой билет Гиляровскому. И Гиляй напишет про сотого «Демона». А вот еще случай. Гиляй присутствует на роскошном балу у нефтяного короля Асадулаева, но у него выработан инстинкт - всегда держаться близ телефона (вдруг что-то произойдет). И на самом деле раздается длительный звонок, Гиляй снимает трубку первым, и неизвестный взволнованный голос просит позвать к телефону градоначальника: на станции Лосиноостровская - вооруженное нападение на банк, идет перестрелка. Гиляй бросается на вокзал, вскакивает в первый попавшийся ночной поезд, но оказывается, что он не останавливается на Лосиноостровской. Тогда Гиляй на полном ходу спрыгивает с поезда и спешит к месту происшествия, чтобы уже на следующий день дать в газету сообщение: бандитское нападение на банк отбито.

Были у него, так сказать, и неудачи. Так, однажды он должен был описать полет воздушного шара над Москвой - один из первых полетов. Воздухоплавателем был немец Берг, а его русский подручный Степанов, как выяснилось, перед самым полетом напился и заявил, что на этой «тряпке» не полетит. И тогда Гиляй прыгнул в корзину шара и полетел вместе с Бергом. Но шар ветром отнесло далеко от Москвы, и Гиляровский не смог сообщить о полете в газету. И горестно переживал это: «За всю мою репортерскую деятельность был единственный случай такого упущения». Зато он летал потом над Москвой на первом летательном аппарате Уточкина, его брал с

собой «знаменитый тогда мой старый друг и мой ученик по гимнастике авиатор Уточкин». Став уже журналистом номер один, он пишет в автобиографии, что таковым его сделало знание «дна» жизни: «Бродяжная жизнь, полная самых отчаянных приключений, и война турецкая выработали все необходимые качества для репортера. Я не знал усталости, а слова «страх» и «опасность» не существовали в моем лексиконе, и я то и дело командировался газетами на рискованные расследования».

Его темы - сенсационные происшествия, катастрофы, эпидемии, пожары, громкие преступления, природные катаклизмы. И постоянная защита униженных и оскорбленных, обездоленных простых людей. В 1885 году Гиляровский напечатал в газете «Русские ведомости» ставший знаменитым очерк «Обреченные», в котором рассказал о том аде, который творился на белильной фабрике Копейкина в Ярославле. Хозяин принимал на работу самых бесправных, обездоленных людей, и они, вдыхая пропитанный свинцовой пылью воздух, обычно не выдерживали более двух-трех лет. Они были обречены на смерть. Это был своего рода «урановый рудник» того времени. Очерк потряс многих. Взволнованный до слез Глеб Успенский отозвался так об очерке: «Ты ведь из глубины вышел, где никто не бывал, пиши, пиши очерки жизни, пиши, что видел... Этого до тебя еще никто не сказал».

И Гиляровский начинает писать «очерки жизни», работая как бы на стыке журналистики и литературы. Так рождается его первая книга «Трущобные люди» (1887 г.) о «бомжах» (говоря современно) того времени: бродягах, бедняках, нищих, бездомных, все потерявших, спившихся деклассированных обитателях трущоб и подвалов. Книга, уже отпечатанная, была запрещена цензурой и весь тираж сожжен в полицейском участке на Сущевке. Никогда не опаздывавший Гиляй на этот раз опоздал. Когда он на лихаче примчался на Сущевку, его книга уже была предана огню. Но несколько экземпляров книги все же сохранилось, и она была издана только 80 лет спустя, в 1957 году.

Но обратившись к литературным жанрам, к очеркам, рассказам, стихам, Гиляй много сил и души отдавал и репортёрству. Его репортажи разнообразны по темам. Но он много и часто писал о страшном. А самый страшный его репортаж сделан в мае 1896 года - о Ходынке, ужасной трагедии, произошедшей во время коронации Николая II в Москве. Это было как жуткое предзнаменование трагического царствования последнего императора.

Гиляровский писал: «Около двухсот русских и иностранных корреспондентов прибыло к этим дням в Москву, но я был единственным из всех, проведшим всю ночь в самом пекле катастрофы, среди многотысячной толпы, задыхавшейся и умиравшей на Ходынском поле». Перед тем Гиляю пришлось пережить и описать страшный случай, когда на похоронах московского богача Губкина во время раздачи беднякам подарков произошла давка, и погибло, было затоптано несколько человек. Но это сравнить с ходынской трагедией по своему масштабу было невозможно. Ходынка превратилась в «праздник над трупами». Огромное Ходынское поле, застроенное праздничными балаганами и будками для раздачи бесплатных подарков, превратилось в массовое кладбище. Во время раздачи подарков многотысячная толпа устроила давку, в которой погибло более тысячи человек. Видимо, подобное Москва пережила впоследствии во время похорон Сталина, когда без всяких подарков было затоптано и раздавлено множество народу. Но никто из советских журналистов не описал этой трагедии. А вот Гиляй описал Ходынку, он сам оказался в этой обезумевшей толпе, сам задыхался и был сжат со всех сторон. Но все же не погиб. Но все же описал все это! «Снизу лезли на насыпь, стаскивали стоящих на ней, те падали на головы стоящих ниже, кусались, грызлись. Сверху снова падали, снова лезли, чтобы упасть; третий, четвертый слой на головы стоящих. Это было именно то место, где я сидел с извозчиком Тихоном, и откуда ушел только потому, что вспомнил про табакерку». Речь идет о любимой табакерке, которую Гиляю подарил в Вологде его отец и которую он забыл тогда в одном из павильонов. Потому, выбравшись из гущи толпы, пошел искать табакерку и уцелел, не пострадал. Вологодская табакерка впоследствии вторично спасет ему жизнь - уже в Сербии, о чем я писал в первой главе своего повествования.

Так появился знаменитый репортаж Гиляя «Катастрофа на Ходынском поле». Владимир Алексеевич стал единственным журналистом, описавшим эту русскую трагедию. Его репортаж читала с замиранием сердца вся Россия, его перепечатали все крупнейшие газеты мира.

Затем, через три года, оказавшись в Сербии во время реакционного антирусского переворота в Белграде, он написал об этом, рискуя жизнью, такие корреспонденции, которые тоже читала вся Европа, которые способствовали падению белградского режима.

Гиляровского теперь знали вся Россия и весь мир. И не перечислить всего, что сделал, о чем сенсационно написал Гиляй.

В 1902 году вышла его книга «На родине Гоголя», в которой и предшествующих ей газетных публикациях Гиляровский, объехавший гоголевские места на Украине, точно установил дату и место рождения великого писателя. Ему «принадлежит заслуга установления точной даты и места рождения Гоголя» («Русские писатели. Библиографический словарь. «Советская энциклопедия», 1989 г.). И это тоже была сенсация. Уже только за это Гиляй должен был войти в литературу.

Но сама природа натуры Гиляровского была репортерской. И он становился в какие-то переломные моменты как бы частицей природы. Увлеченно он пишет о солнечном затмении, которое наблюдала вся Москва. А 16 июня 1904 года описывает смерч, налетевший на Москву. Причем пишет, что по счастью (и это надо подчеркнуть - другой бы написал «к несчастью») он оказался в центре смерча в Лефортове. Видел страшные разрушения, гибель многих людей. Но опять уцелел. И опять написал про виденное и пережитое первым.

Таковы некоторые газетные сенсации Гиляя. Их было много. Я сказал только о самых главных из них.

Вершина славы Гиляя - начало прошлого века, предреволюционные годы. Он становится живой достопримечательностью Москвы, а его дом в Столешниках превращается чуть ли не в крупнейший центр московской литературной, журналистской и художественной элиты. Гиляй знаком (а подчас и дружен) с Л.Н. Толстым, А.П. Чеховым, И.А. Бунином, М. Горьким, И.Е. Репиным, А.И. Куприным, Ф.И. Шаляпиным, А.А. Блоком, В.Я. Брюсовым, Л.Н. Андреевым, М.И. Ермоловой, К.С. Станиславским - всех не перечислить. «Ах, дорогой дядя Гиляй, крестный мой отец в литературе и атлетике, скорее я воображу Москву без царя-колокола и царя-пушки, чем без тебя», - писал о нем Куприн.

Но настал переломный момент в судьбе Владимира Алексеевича - революция. Ее он встретил восторженно и наивно. Он был бунтарь по натуре, любимым его героем являлся Стенька Разин, о котором он написал поэму. В революции он видел, по словам К. Паустовского, «разворот русского бунтарского духа», искал «ее истоки в разиници-

не, пугачевщине, крестьянских бунтах». Он не мог представить, что несет революция для народа и для него самого. А она несла конец его журналистике. Сенсации Гиляя после революции кончились. Конечно, он продолжал печататься во многих изданиях. Но советской журналистике он уже стал не нужен. Она была совсем другой по духу и темам. Правда, наступил как бы новый творческий этап в жизни Гиляя: он продолжил писать книги. И это было более значимо, чем текущая репортерская работа. Одна за другой выходят его книги: «От Английского клуба к музею Революции» (1926), знаменитая «Москва и москвичи» (1926), «Мои скитания» (1928), «Записки москвича» (1931), «Друзья и встречи» (1934) и посмертные: «Люди театра», «Москва газетная», «На жизненной дороге» (издана в Вологде в 1959 г.). Но все эти книги - о прошлой, дореволюционной жизни. Советским журналистом и писателем Гиляй так и не стал, хотя пытался это делать. И внутренний конфликт между ним и советской журналистикой, о чем никогда не говорилось, существовал и рос. Именно в этом смысле надо, на мой взгляд, трактовать воспоминания К. Паустовского о резких словах Гиляя в адрес молодой советской журналистики: «Я знаю русский народ. Он еще вам покажет, где раки зимуют... Да от одного народного слова вас хватит кондрашка! Тоже народники! Прощайте! Другим разом зайду. Сейчас что-то неохота с вами балакать!»

Владимир Алексеевич считал себя москвичом. Но в последние годы жизни воспоминания о родной Вологодчине все чаще и чаще приходили к нему.

Эта открытка хранится у вологжанина, издателя Ю.П. Малоземова.

«Иван Васильевич Федышин!

Откуда название Вологда?

Отбрасывая все средние объяснения, я думаю, что от слова «волок».

- Далеко ли Вологда?

- Волок да волок, да Вологда.

- Далеко ли Ватланово?

- Шолда да Шолда, да Ватланово.

Здесь вместо «и» часто говорят «да». Волок - лес. Шолда - мост, старина Вологодская.

Влад. Гиляровский.
1926 год. Москва».

Вот какую открытку написал Владимир Алексеевич в Вологду замечательному реставратору и собирателю древностей Ивану Васильевичу Федышину. В его судьбе Гиляровский сыграл большую роль.

Внучатая племянница Владимира Алексеевича Екатерина Георгиевна Киселева в книге «Гиляровский и художники» пишет:

«В начале 900-х годов к В.А.Гиляровскому пришел как-то мальчик. Смущаясь и краснея, он назвал себя: Ваня Федышин. Мальчик приехал с Севера в Москву к своему дяде И.Я. Житкову, служащему Казанской железной дороги, - уж очень хотелось Ване стать художником. Затаенной мечтой мальчика было училище живописи. Но как много надо знать, чтобы поступить в него, и как хочется попасть туда! Дядя и племянник были земляками В.А. Гиляровского, и И.Я. Житков послал Ваню к писателю - кто ж быстрее откликнется?

- Поступиши, Ваня, подготовишися к экзамену и поступиши, - сказал Владимир Алексеевич, посмотрев его работы. На подготовку ушел не один год. В течение этого времени В.А. Гиляровский неотступно следил за развитием мальчика. И Ваня Федышин закончил училище живописи. В 1920 году, будучи преподавателем рисования, И.В. Федышин писал В.А. Гиляровскому: «Учитель жизни моей, Владимир Алексеевич! Памятую Ваш завет любить человека. Двадцать лет назад я пришел к Вам в Москву из Соловков мальчуганом, а теперь учу Вашим заветам учеников». Обо всем этом в свое время в «Красном Севере» написал журналист Александр Сушинов.

А представитель третьего поколения славного рода Федышиных, реставратор Иван Николаевич, говорит сегодня:

- В нашей семье всегда существовала вера, что Гиляровский сыграл исключительно важную роль в судьбе деда. Мальчику из крестьянской семьи из Верховажья никогда было бы не поступить в училище в Москве, если бы не рекомендация Гиляровского. И мы, Федышины, навсегда благодарны Владимиру Алексеевичу.

Дружба между Гиляровским и Федышинами продолжалась долгие годы. В домашнем архиве Федышиных долгое время, кроме указанной открытки, хранились автографы стихотворения Гиляровского «Памяти Пушкина» и эпиграммы «Султанову». Впоследствии они были переданы в вологодский музей.

В фондах Вологодского музея-заповедника хранятся также автографы двух писем Гиляровского писателю из Шенкурска А.Н. Зуеву, в них Владимир Алексеевич вспоминает свое вологодское детство: «Мне

грезится мое детство беззаботное среди северных вологодских лесов. Радостно вспоминаются наши лыжные зимы и ягодные, жаркие и короткие лета... И с той поры я больше не видел прекрасного, то тихого, то грозно-морозного Севера...» В письме есть и стихотворение Владимира Алексеевича о вологодском Севере, оно заканчивается словами:

«Там детство я провел.

Там родина моя».

А во втором письме звучат мотивы грусти и прощания: «А я, дорогой мой, скучаю, ах как скучаю». Так заканчивалась жизнь неукротимого Гиляя. Письмо написано в 1934 году, а в ночь с 1 на 2 октября 1935 года Владимир Алексеевич скончался.

Не перестаю удивляться Гилюю. Многое в нем и удивительно, и невероятно. Поразительно то, что столько лет Гиляй мистификовал, «обманывал» всех со своим годом и местом рождения.

Памятник В.А. Гиляровскому на Новодевичьем кладбище в Москве с указанием неверной даты рождения, 1853 год (нужно 1855).
Снимок вологжанина Н.И. Федышкина.

И многие поколения, как бы завороженные его именем, словно не замечали этого. По мистифицированные «хитрости» Гиляя разгаданы. И это открылось только сегодня.

Я рад и горд, что мне посчастливилось полтора века спустя после рождения Гиляровского установить место его рождения. Повторюсь: видимо, он «засекретил» это, потому что утаивал сведения об отце, его службе в полиции и месте этой службы. Но вот теперь место рождения Гиляя - деревня Горка Покровская - найдено, установлено, что документально подтверждено. Отныне это навсегда должно войти в его биографию.

Вероятно, это и есть последняя сенсация Гиляя.

Л.Н. МЯСНИКОВА,
зам. директора по науке Госархива Вологодской области

РОДИНА ГИЛЯРОВСКОГО – ДЕРЕВНЯ ГОРКА

Ни в одной из автобиографий писателя нет указания на населенный пункт, в котором он появился на свет. Это либо «лесной хутор за Кубенским озером», либо «глухие сямские леса». Возможность приоткрыть завесу таинственности дают лишь архивные документы, позволяющие с очень высокой долей вероятности заключить, что местом рождения будущего писателя и «короля репортеров» является сельцо Горка Вологодского уезда. Эта версия, впервые высказанная Владимиром Арининым в его публикациях в «Красном Севере», ныне подтверждена документально.

Сельцо Горка находится на высоком берегу речушки Крутец, в 66 верстах от Вологды и в 38 верстах от села Кубенского (административного центра I полицейского стана). Вплотную к нему примыкал Покровский Сямский погост с каменной церковью Покрова Богородицы. Возводить ее начали в 1813 году, вскоре после Отечественной войны с французами. В 1817 году одноэтажная церковь с колокольней была достроена и с тех пор служила украшением округи, ибо по утверждению документов, «благолепие» этот храм «имел приличное». В нем было три святых престола: в холодной части главный - во имя Покрова Божией Матери, в теплой - Обретения Главы Честного Славного Пророка Предтечи Крестителя Господня Иоанна (правый) и во имя Святителя Василия Великого, архиепископа Кесарийского (левый).

В описи церковной утвари значится и «купель медная для крещения младенцев». В нее на третий день жизни, 29 ноября 1855 года, приходской священник Евграф Подстаницкий погрузил новорожденного младенца, нареченного Владимиром, и передал затем воспремнику (крестному отцу) - деду по матери, калязинскому мещанину Петру Ивановичу Мусатову.

Что же позволяет с уверенностью полагать, что именно сельцо Горка является родиной В.А.Гиляровского? Ведь никаких списков его обитателей за тот период не сохранилось и приходится довольствоваться лишь скучными статистическими сведениями о количестве дворов и «душ», их населявших, приводимыми в разделе «О прихожанах» клировых церковных ведомостей.

Согласно им само сельцо, как и подавляющее большинство (18 из 23) приходских деревень, принадлежало к вотчине тайной советницы и генеральши Марии Васильевны Олсуфьевой. На момент рождения В.А. Гиляровского в нем насчитывалось семь дворов да неподалеку на церковном погосте стояли четыре двора служителей церкви.

Из череды крестьянских дворов в сельце выделялся один двор, в котором жили дворовые люди М.В. Олсуфьевой. В нем в 1853 году поселяются «мещане» (в 1853 г. мужского пола - пять, женского - тоже пять). В 1855 году появляются и «чиновники», сначала два лица - мужского и женского. В 1856 году «чиновников» становится больше: три мужчины, одна женщина. А в 1858 году сельцо покидают семьи и «чиновников», и «мещан».

Если сопоставить эту нехитрую арифметику с метрическими свидетельствами из жизни семьи Гиляровских (делая скидку на то, что церковники не всегда вовремя вносили в клировые ведомости изменения, произошедшие в конце года), то станет ясно, что за скучными цифрами о «чиновниках», проживавших в сельце, скрываются члены именно этого семейства.

Так, 12 сентября 1854 года письмоводитель при становом приставе I стана «канцелярский чиновник» Алексей Иванович Гиляровский вступает в брак с дочерью калязинского мещанина П.И. Мусатова Надеждой Петровной, и в клировой ведомости за 1855 год появляются данные о двух «чиновниках», но родившийся 26 ноября 1855 года

Деревня Горка - родина Владимира Гиляровского.

их сын Владимир остается неучтенным. 7 октября 1856 года в семье Гиляровских рождается второй сын - Николай, так что в ведомости фиксируется «чиновников» мужского пола уже три - очевидно это сам А.И. Гиляровский и два его сына - Владимир и Николай.

13 марта 1857 года последний умирает «от неизвестной болезни», сведения о «чиновниках» за этот год отражают и этот факт.

В то же время дочь калязинского мещанина девица Надежда Петровна Мусатова, а затем она же в ранге жены «канцелярского чиновника» А.И. Гиляровского неоднократно участвует в обрядах крещения дочерей местного священника и дьякона (9 февраля 1853 года, 30 июня 1854 года, 19 февраля 1855 года) в качестве восприменицы (крестной матери). Не преминул выступить в этой роли и ее супруг, ставший крестным отцом сына государственного крестьянина Н.И. Шахова из дер. Липигино, что находилась близ Кубенского озера и относилась к другому церковному приходу (1 июля 1856 года). Столь регулярное участие четы Гиляровских в церковных обрядах дает повод предположить, что они были близкими знакомыми родителей новорожденных и что их, вероятно, не слишком обременяла дорога к храму.

К тому же в клировых ведомостях о церкви, священнослужителях и прихожанах Покровской церкви, что на Сяме, за 1855-1857 годы ни в каком другом приходском селении, кроме сельца Горки, наличие чиновников не зафиксировано.

В 1858 году семья чиновника А.И. Гиляровского и мещанина Н.И. Мусатова переезжают в Вологду и поселяются неподалеку от Антипинской церкви, построенной в 1840-е годы. Ее здание со сферическим куполом и крупной ампирной с декоративными арочками колокольней некогда украшало заречную часть города (ныне, к сожалению, оно имеет весьма непривлекательный вид). Отныне служители этой церкви исправно заносят сведения об этих семьях в исповедные ведомости.

Для установления места рождения В.А. Гиляровского эти архивные данные имеют определяющее значение: они, хотя и косвенно, но подтверждают: он родился в Горке.

Таинственный ВСАДНИК

Всё о тебе
с любовью
Для начальника
Ф. Гурьев

- ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ И ТРАГЕДИЯ ПОЭТА
- БЕЗ ПРИКРАС – ПРАВДА О РУБЦОВЕ

*«...Промчался какой-то таинственный всадник,
Неведомый отрок, и скрылся в тумане полей.*
Николай Рубцов».

Вероятно, на рубеже ХХ и ХХI веков Николай Рубцов стал самым популярным и любимым в русском народе современным поэтом. Произошел своего рода феномен Рубцова. В то время, когда влияние поэзии в России катастрофически падало, когда вместе с советской литературой ушла в прошлое и исповедавшая народность и сельскую тему литературная «вологодская школа», широко известная в 60-80-е годы, рубцовская лирика становилась все популярнее, его стихи множество раз переиздавались и в столице, и в провинции массовыми тиражами.

Трагическая гибель поэта (убит женшиной, с которой жил), порождавшая множество легенд и досужих вымыслов, тоже содействовала росту интереса к Рубцову и стала предметом многих спекулятивных публикаций (в Вологде это прежде всего публикации В. Есипова).

О Рубцове ныне написано много, особенно в Вологде. И это закономерно. Вологжане гордятся своим выдающимся поэтом-земляком. Во многом судьба Рубцова схожа с судьбой Есенина. И поэзия тоже. О Рубцове сегодня написано много интересного. И вместе с тем немало нелепого, наивного, примитивного, даже в своем роде мифологического. Преувеличены оценки, сдвинуты акценты. «Наш духовный отец», «великий поэт», «пророк-мыслитель», «великий патриот»... О Рубцове пишется подчас то, к чему он не имел ни малейшего отношения. Вот один из примеров. Прозаик Сергей Багров, говоря о сталинской теме в литературе, неожиданно противопоставляет меня, автора антисталинских публикаций... Рубцову. И таким образом обличает меня и мою книгу о Сталине. Багров пишет: «Особенно неприятно, когда автором разудалого опуса является перестроившийся из заурядного в храброго человека посредственный литератор. И все-таки, кто же имеет особое право на воспроизведение трагических фактов нашей истории? Да только тот, кто прошел через них. Или знает об этих фактах как человек, глубоко компетентный. Пример тому - Варлам Шаламов, вологжанин, мученик, за плечами которого 17 лет лагерей. Примером тому - Николай Рубцов, кто любил нашу Вологду, как, может быть, самое сердце России, но был не понят и уничтожен временем, в котором господствовали безверие и цинизм».

Вот так. Опровергать Багрова не имеет ни малейшего смысла. Напомню, что первым о Варламе Шаламове в Вологде, где он долгое время был совершенно неизвестен, начал писать именно я. Но при чем тут Рубцов? Все, что написано в этом случае - свидетельство полнейшего примитивизма, мифологических представлений и размышлений автора, в том числе и о Рубцове.

Я хорошо знал Рубцова и имею право на свой взгляд на него. И хочу написать о нем правду, в чем абсолютно уверен.

Но начну с неожиданно возникшей для меня самого темы о первой любви Рубцова. В этом, на мой взгляд, интересно раскрывается сам облик Рубцова в юности и молодости, которого я не знал, но могу судить по узнанным мною фактам.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ ПОЭТА

Поселок Шуйское. Просторный сельский дом на берегу быстрой полноводной Сухоны.

Мы с Татьяной Ивановной Решетовой пьем чай в ее доме, и она рассказывает о Рубцове. За столом также предприниматель Леонид Васильевич Комаров и фотокорреспондент газеты «Красный Север» Анатолий Смолин.

В жизни все так перемешано, взаимно связано. Покойная жена Л.В. Комарова Нина Арсеньевна родом из Шуйского и, видимо, училась у Татьяны Ивановны Решетовой, которая много лет преподавала в местной школе. Так что, скорее всего, пересекались дороги. А Л.В. Комаров - один из спонсоров вологодского поэтического фестиваля «Рубцовская осень».

О Татьяне Ивановне, первой любви Рубцова, в последнее время в печати появились публикации. Не всем она довольна, не со всем согласна. Татьяна Ивановна сама написала воспоминания о Рубцове. И в этой публикации я помещаю многие фрагменты из них.

Родилась она и выросла в деревне Космово, что рядом с Шуйским. Отец погиб в 1942 году на войне. В доме она, семилетняя Таня, была старшей, в семье было четверо детей. «Матери наши, почти все вдовы, работали в колхозе от зари до зари, не получая за свой труд ничего, кроме трудодней на бумаге. Пахали землю женщины, впряженаясь в плуг, косили вручную, жали хлебные поля серпами - все делали их руки. С малых лет и мы, дети, привыкли к нередко непо-

*Т.И. Решетова-Агафонова
в молодости и сегодня.*

сильной работе на земле. Все выдержали, выжили.

В 1950 году Татьяна Агафонова поступила в педучилище в Тотьму. Жить и здесь было трудно. Из деревни помочь быть не могло, там еле-еле сводили концы с концами. Стипендия маленькая. Но Таня была сильна своей волей, жизнерадостна. И к тому же очень красива.

В Тотьме в шестнадцать лет она и познакомилась с Николаем Рубцовым, учившимся тогда в лесотехническом техникуме. Это произошло на вечере танцев в техникуме. «Меня вел в танце улыбчивый паренек, темноволосый, небольшого роста, одетый, как и большинство его ровесников, в комбинированную хлопчатобумажную куртку, черные брюки. Все было отглажено, сидело ладно. Красивое лицо с глубоко посаженными черными глазами - все это привлекло мое внимание. А главное, он все время что-то говорил улыбаясь и неплохо танцевал».

Таня чувствовала, что сразу очень понравилась Николаю. Он стал бывать у них в общежитии, приходил к ней. Это был 1952 год. «Коля настойчиво добивался моего внимания, но безуспешно. Весной я получила от него открытку, на обратной стороне которой были написаны стихи, я поняла, что это его стихи. Но такие обидные для меня, злые. Он не жалел ядовитых эпитетов, характеризуя меня, называл гордой, самовлюбленной, вздорной, высокомерной. Резкие очень стихи были. Мне показалось, что Николай несправедлив ко мне, и в гневе я тут же порвала открытку. Теперь я уже демонстративно не замечала Колю». И он уехал из Тотьмы, учился в техникуме в Кировске. Но Таню он забыть не мог и начал писать ей письма. И она отвечала ему. И в этих письмах, как вспоминает Татьяна Ивановна, были признания в любви. Бывший однокурсник Рубцо-

ва Л. Тантаренков вспоминал: «Рубцов получил однажды письмо от девушки с ее фотографией и заявил: «Она мой идеал!» Потом, делая многозначительную паузу, добавил: «А я - ее». Мне это особенно врезалось в память, во-первых, потому, что слово «идеал» было не из нашего лексикона... Все мы по-хорошему завидовали ему и восхищались им - еще бы! Такая замечательная девушка его любит да еще считает своим «идеалом».

А летом 1954 года Рубцов снова приехал в Тотьму. И как раз тогда, когда Таня закончила педучилище и был выпускной вечер. А у Тани был уже другой поклонник, который всюду ходил за ней по пятам. Но в тот вечер она предпочла встретиться с Рубцовым. «Он был непривычно смущенный и, кажется, немного растерянный. В лице радость, надежда, восхищение, в руках цветы. Он каким-то образом приехал поздравить меня с окончанием учебы. Это и сразило меня. Только он один провожал меня с выпускного вечера, с ним бродили мы по берегу Сухоны, дожидаясь ночного рейса парохода на Вологду. И теперь уже кто-то другой шел сзади нас и мешал нам».

Об этом вспоминает Рубцов в стихотворении «У церковных берез» (1969):

*У церковных берез, почерневших от древности,
Мы прощались, и пусть, опьяняясь чинариком,
Кто-то в сумраке, злой от обиды и ревности,
Все мешал нам тогда одиноким фонариком.
Сколько лет пронеслось!*

*Сколько выиг отсвистело и гроз!
Как ты, милая, там за березами?*

Это прощание отразится в рубцовских стихах «Отплытие», «Тот город зеленый» и других.

*Глаза моей девочки нежной
Во мгле, когда гаснут огни...
Как я целовал их поспешно!*

По распределению Татьяна Агафонова с середины августа должна была поехать на работу в Азербайджан и ненадолго приехала в родную семью в деревню Космово. И тут неожиданно в Космово приехал Рубцов.

Ничего предосудительного в этом никто не видел. Это еще были годы, когда сохранялись простые нравственные отношения. Была любовь, секса не было и быть не могло.

«Когда мама узнала, что он сирота, то окружила его материнской любовью и заботой. Называла его Коленькой. Коля как-то быстро вошел в круг молодежи. Тогда деревенские парни и девчата в Космове жили большой дружной семьей».

Николай восхищался местной природой, он гостили у любимой девушки и был счастлив. Но произошла ссора. «По какому-то поводу мы поссорились с Николаем. Слово за слово, а потом и сами забыли, с чего началось, но каждый считал себя правым. Почувствовав мое отчуждение, Коля уехал».

Вот так они и расстались. Когда Таня уже уезжала, чтобы попасть в Азербайджан, оказалось, что Рубцов бросился вслед за ней и оказался в том же поезде. «Я очень боялась, что Николай поедет за мной в Азербайджан, где меня ждала неизвестность. Я уже поняла, что чувства мои к Коле были неглубоки, что это было очередное увлечение. А он еще продолжал надеяться, но когда понял, что не вернуть уже ничего, сказал мне на перроне вокзала в Москве: «Не переживай, я с тобой не поеду».

Сам же он, видимо, нелегко пережил отъезд Тани и их разлуку.

Я опечален, но вершина

Крута. А ты на ней одна -

И азиатская чужбина

Бог знает, что за сторона.

Еще он долог по селеньям,

Мой путь к морскому кораблю

И, как тебе, цветам осенним

Я все шепчу: «Люблю, люблю...»

А Таня Агафонова встретила свою любовь. «По приезде в Междуречье в свой первый трудовой отпуск летом 1955 года я повстречала местного парня Юрия Решетова, влюбилась сразу. Посчастливилось нам обоим - судьба подарила нам взаимное светлое чувство, а я впервые узнала, что это такое: не только быть любимой, но и любить самой. Эта любовь была проверена разлукой на несколько лет. Лишь в 1958 году мы снова встретились и поженились. Муж построил дом в селе Шуйском, я работала в школе. Письма и фотографии, полученные когда-то от Рубцова и от других поклонников, были по собственной инициативе сожжены».

А Николай Рубцов продолжал помнить свою первую любовь. И летом 1958 года снова приехал в Космово. Таня была уже замужем, жила в Шуйском. И ее мама «отсоветовала Коле встречаться со мной, так

Река Сухона в Шуйском.

как беспокоилась о мире в моей семье. А ведь он на что-то надеялся, приехал специально, чтобы повидать меня. Маме Николай дал слово, что уедет, не повидав меня. Слово он сдержал». Рубцов был благородный человек.

И все же Космово, где он был когда-то счастлив, продолжало манить его

к себе. И летом 1963 года Николай Рубцов снова приехал сюда, в гостеприимный дом Агафоновых. «Мама обрадовалась его приезду, расспрашивала о жизни. Николай говорил, что учится в Литературном институте в Москве, что холост, что друзей хороших у него много, а деньги его не любят». С Таней он так и не встретился, а общался с ее сестрой Ольгой. Особенно сердечные отношения у него сложились с ее мамой - Анной Алексеевной. Можно представить, что у него тогда было на душе. Приезжал в дом той, которую любил, а даже не увидел ее.

«Но судьба подарила нам с Колей неожиданную встречу в Вологде летом 1969 года. До этого мы не виделись пятнадцать лет. Я заочно заканчивала педагогический институт. Торопилась на последнюю консультацию перед госэкзаменом. Смотрю, по улице мне навстречу идет, опустив голову, Коля Рубцов. Я уже прошла мимо, но оглянулась и невольно окликнула: «Коля!» Он обернулся, узнал меня, предложил присесть на скамейку в скверике, который был рядом. Он очень волновался. По внешнему виду его было понятно, что живется ему непросто. Я очень спешила, но он успел мне сказать, что пишет стихи, что многие написаны о нашей юности».

Татьяна Ивановна сказала мне, что Рубцов говорил тогда, в краткие минуты их последней встречи, что все любовные стихи, написанные им, посвящены именно ей.

И оказалось, что это их прощальная встреча. А через нескользко лет она была потрясена трагической смертью Николая Рубцова. Все Агафоновы тяжело пережили эту трагедию.

«До слез жалею, что короткой оказалась жизнь Николая Михайловича Рубцова, с которым я была не просто знакома, а любима им. Преклоняюсь перед его талантом, перед его памятью».

Дом в Космове с мемориальной доской памяти Рубцова.

Прошли многие годы. По совету известного исследователя творчества Рубцова В.С. Белкова Татьяна Ивановна написала свои воспоминания о нем, имеющие, несомненно, историко-литературное значение. Они напечатаны в журнале «Пятницкий бульвар». Имя Т.И. Решетовой стало известно поклонникам рубцовской поэзии. И к ней в гости приезжают многие. Гостила в ее доме и директор Московского музея Рубцова М.А. Полетова, подарившая созданному в Шуйской школе музею поэта ценные материалы. Педагог Т.Ю. Краснова, в прошлом ученица Татьяны Ивановны, и ее дочь Полина Краснова написали интересное литературно-исследовательское повествование «Повесть о первой любви», в котором около двух десятков рубцовских стихов связывают с Татьяной Агафоновой (в том числе «Букет», ставший популярной песней). И это очень важно, так как до последнего времени любовная лирика Рубцова была мало исследована. В частности, в этом повествовании говорится: «Стихи Н. Рубцова о первой любви проникнуты глубоким чувством и нежностью. Ровесники Т.И. Решетовой, знавшие ее в молодые годы, так говорят о ней: «Это была жгучая брюнетка с большими черными глазами, белозубой улыбкой и прекрасной фигурой... Неудивительно, что Рубцов полюбил ее - она была красавицей. В своей

любовной лирике ни одну из женщин не наделял такими эпитетами и такой нежностью: «золотое имя Таня», «дорогая, любимая», «милая», «нежная», «сей образ прекрасного мира». На бывшем доме Агафоновых в Космове в честь Рубцова установлена мемориальная доска.

МОЕ ЗНАКОМСТВО С РУБЦОВЫМ

История первой любви Рубцова, на мой взгляд, свидетельствует: он был наивным и чистым человеком в молодости. А потом? Мы с ним познакомились в шестидесятые годы. И я уверен - несмотря на все свои скандалы, дебоши, пьянки он «до конца, до смертного креста» остался «чист душою». Хотя за ним - много всего...

Итак, шестидесятые годы. Я работаю ответственным секретарем газеты «Вологодский комсомолец». Ко мне часто приходят авторы, в том числе начинающие поэты. И вот как-то пришел молодой человек, а на висках уже залысинки. Дешевое, старенькое пальто, шарфик. Представился: «Николай Рубцов... Поэт». Он показался мне каким-то обиженным, неуверенным. Вероятно, боясь, что ему не поверят, будто он поэт, показал в журнале «Молодая гвардия» (если мне не изменяет память) свою крохотную стихотворную публикацию, сказал, что уже немного печатался в «Вологодском комсомольце». После протянул стихи. Они, признаюсь, мне не слишком понравились. Но и отказывать не хотелось. Я как-то сразу почувствовал: ему нужно помочь, он очень в этом нуждается.

Тогда в «Вологодском комсомольце» работала литконсультант-том поэтесса Ольга Фокина. Зайдя к ней в другую комнату, я сказал примерно так:

- Оля, ко мне пришел начинающий поэт Николай Рубцов. Знаешь ли ты его? (Ольга Фокина ответила, что прекрасно знает по Литинституту). Так вот... он принес мне стихи, просил напечатать. Но мне, признаюсь, стихи не понравились. Я пошлю его к тебе. Ты с ним поговори и попроси - может, у него есть что-то другое, поудачнее?

Так оно и произошло. А через некоторое время Ольга Фокина позвала меня к себе. Протянула листок, исписанный красивым, аккуратным почерком (Рубцов был, можно сказать, каллиграф), и голос ее дрогнул:

- Володя, прочитай - это же чудо.

Так я впервые прочитал:

В горнице моей светло.

Это от ночной звезды.

Матушка возьмет ведро,

Молча принесет воды.

И казалось, что особенного в этих стихах? И о чем они, собственно?

О том, что светит звезда, что матушка в ведре принесет воду, а где-то в садике засохли цветы, и на мели гниет лодка. И о том, что автор будет поливать цветы, мастерить до ночной звезды себе лодку и думать о своей судьбе. Изложение в прозе «Горница» звучит почти пародийно. Но в рубцовском стихотворении происходит чудо творчества, и все эти незатейливые строки внезапно превращаются в поэзию. И стихи поражают нас как чудо... Так я понял: это настоящий поэт. С того дня мы виделись уже довольно часто. А «Горница» пошла сразу в печать, и я горд, что впервые напечатал этот рубцовский шедевр.

Беру подшивки «Вологодского комсомольца», листаю их. И словно погружаюсь в прошлое.

Вот первое рубцовское стихотворение, попавшее мне на глаза. Подборка «Стихи молодые». И в ней - «Вечер на сенокосе». Это 12 июля 1964 года.

Листаю далее. 2 сентября 1964 года. «Вологодский комсомолец» печатает два рубцовских стихотворения: «Березка» и «Ось». 11 октября напечатана «Родина». Один из рубцовских шедевров. Но тогда это так не воспринималось. Вроде бы самое обычное стихотворение, неплохое, как казалось - на фоне тех стихов, что печатались тогда. Теперь же многие из нас знают рубцовскую «Родину» наизусть.

23 октября в «Вологодском комсомольце» появились «Есть пора» и «Душа моя».

Но когда же произошла моя первая встреча с Рубцовым? Вот подборка из четырех стихотворений, 10 февраля 1965 года. Значит, это произошло в начале 1965 года. Вероятнее всего - в январе.

Это было трудное время для Николая Рубцова. Он отчислен из Литературного института. Ему негде жить. Он скитался от одной случайной квартиры к другой, кто приютит. Очень нуждался. Чтобы помочь ему, мы подготовили тогда в «Вологодском комсомольце» его первую значительную подборку, куда входили «Цветы»,

«Зимняя песня», «Мечты» и другие. Я заказал к подборке рисунок Генриэтте Бурмагиной. Она, в будущем известный мастер, тогда была начинающим художником и работала в штате «Вологодского комсомольца». Ее судьба тоже сложилась трагически. Погиб в автокатастрофе ее муж, известный вологодский график Н. Бурмагин. Она, пережив его на восемь лет, умерла от рака еще молодой. В Вологде ныне есть улица Бурмагина.

Но вернусь к Рубцову. В «Вологодском комсомольце» было напечатано большинство лучших стихов поэта и, как правило, при моем участии.

Постепенно у нас сложились своеобразные отношения с Рубцовым. На то была и своя прозаическая причина: его постоянно мучило безденежье, и он у меня постоянно занимал деньги. Но Николай был деликатным человеком и сразу, «напрямик», попросить в долг стеснялся. И, смущаясь, обычно заводил какой-либо другой разговор. А о чем мы с ним могли говорить? Ведь житейски никак не были связаны друг с другом. Об одном - о литературе, о поэзии. Рубцов обнаружил во мне любителя поэзии, и если сначала все это было лишь предлогом, чтобы в конце разговора попросить очередные три рубля, то постепенно мы привыкли друг к другу, и нам стало интересно друг с другом. И это стало уже привычным: придя в редакцию, он заходил ко мне и уже не просто просил взаймы, а уже искренне говорил о самом главном, самом волнующем для себя - о поэзии и своих стихах.

Я мог бы многое написать об этих беседах. Но память коварна, невольно что-то подзабыв, можешь быть неточен, а иногда исказишь истину. Поэтому не считаю, что имею моральное право писать обо всем подробно. Скажу лишь кратко: Рубцов верил в свое высокое предназначение и считал себя великим поэтом.

Рассуждал он примерно так:

- Я пишу мало. И ничего, кроме стихов, писать не могу. А вот Пушкин все мог и писал так много. Потому что - гений. Но ведь и Тютчев был гений, а писал мало. Почему так? Потому что Пушкин - как Вселенная, и ему надо было написать обо всем. А вот Тютчев писал о человеческой душе. И это тоже великий путь в литературе. И я этим путем иду. Но писать о душе постоянно и много нельзя. Писать можно, когда чувствуешь особое состояние души. А ведь это - редкие моменты.

Он помолчал, потом продолжил как бы сам с собой:

- Да, я учусь у Тютчева. Он писал так глубоко, но и так просто.

Вот вслушайся:

Через ливонские я проезжал поля,

Вокруг меня все было так уныло.

- Чувствуешь, вроде бы просто едет человек, описывает, что видит, а получается поэзия.

Через некоторое время он принес мне свое новое стихотворение:

*Въезжаем в рощу золотую, в грибную бабушкину глушь,
Лошадка встряхивает сбрую и пьет порой из теплых луж.*

Вот показались вдоль дороги поля, деревня, монастырь.

А там - с кустарником убогим унылый тянется пустырь.

- Это от Тютчева, - улыбнулся он. - То есть что-то от Тютчева, немного. В самом начале.

Но я спросил его, знает ли он о философских взглядах Тютчева и философии его поэзии. Он сказал, что не знает. И поинтересовался: что же это такое - философия поэзии Тютчева? Я попытался, как мог, объяснить ему, что знал - о шеллингианстве и пантегизме Тютчева, о темном, родимом хаосе в его поэзии, о смертельном «поединке роковом» в любви.

Он с удивлением слушал меня и спросил:

- А откуда ты это все знаешь?

- Интересовался, читал. И жена у меня защищает кандидатскую о философских взглядах Тютчева.

- А... Ну, это не мое.

Он не был интеллектуалом. Ему не хватало культуры и начитанности. Во многом он был наивен. Он вышел из низов. Трудности, скитания, среда невысокого уровня. Культуры и знаний неоткуда было набраться. А во время учебы в Литинституте уже начались попойки, скандалы. Учился, можно сказать, урывками. Это не содействовало его интеллектуальному росту. И отразилось на поэзии.

«У меня нет плохих стихов», - самонадеянно и наивно как-то раз сказал он мне. Он ошибался. Это приводило его к поэтическим провалам. «Взглянул на кустик - истину постиг» - это тоже пародийно. И плохую услугу памяти поэта оказывают те, кто сегодня канонизирует и все то, что было неудачно в его творчестве.

Вот, к примеру, «Приезд Тютчева». Итак, присмотримся к этому стихотворению.

*Он шляпу снял, чтоб поклониться
Старинным русским каланчам.*

Что же мы видим? Аристократ, интеллектуал, каламбурист Тютчев представлен в облике какого-то прямо-таки деревенского деда, впервые попавшего в столицу и в растерянности кланяющегося всем ее «каланчам».

*А после дамы всей столицы
О нем шептались по ночам.*

Ну, впрямь, светские дамы, получается, шептались, как деревенские девки шепчутся о приезде в деревню на побывку матроса с Северного флота. А далее - подлинная пародия, которую и спародировать невозможно.

*А он блистал, как сын природы,
Играя взглядом и умом,
Блистал, как летом
блещут воды,
Как месяц блещет
над холмом.*

Выходит, Тютчев - сын природы, блистал, как воды и как месяц, притом еще играя умом и взглядом. Нарочно не придумаешь.

Но Рубцову был дан от рождения великий талант. Возможно, свой талант он полностью так и не реализовал. Но тем не менее совсем уже неважно, что у него есть плохие, провальные стихи. Гораздо важнее, что он создал около трех десятков превосходнейших стихотворений, поэтических шедевров, которые навсегда останутся в русской поэзии.

И поднимаясь над средой, которая его окружала, над своим убогим бытом и постоянным пьянством, он превращался в таинственного всадника, неведомого отрока, который промчался мимо нас и навсегда скрылся во мраке полей.

Конечно, как большинство советских людей, он был неверующим. Но в его стихах нередко прорывается интуитивно религиозное чувство.

*А туча шла гора горой!
Кричал пастух, металось стадо.
И только церковь под грозой
Молчала набожно и свято.*

Прочитав это впервые, я восхитился и сказал ему:

- Коля, твоя молчащая под грозой церковь - это ведь символ, религиозный образ.

- Верно, - ответил он.

Рубцов подарил мне небольшую иконку - медный складень. И пояснил:

- В земле нашел, в деревне.

- Не могу взять.

- Бери, ты же мне помогал.

К сожалению, складень я не сохранил - передарил его умиравшему от рака человеку.

Я стремился, насколько мог, житейски помочь Рубцову. При моем содействии его приняли на работу в «Вологодский комсомолец», на полставки, в качестве литконсультанта. Работник он был, прямо скажем, никакой. Работать не только не хотел, но и не мог.

Большинство его заметок в «Вологодском комсомольце» написано при моем участии. Статья «Подснежники» - об Ольге Фокиной, вошедшая во многие издания, написана по моему настоянию. Сначала он это писать не хотел. «Чего о ней писать? Ее власти лелеют и любят. А меня...»

Но потом все-таки написал, увлекся. Ведь писать или говорить о поэзии и поэте - это было для него хлебом духовным. Он жил поэзией. Мы в газете все это понимали и старались закрывать глаза на многое. Его жизнь состояла из стихов и водки.

«Я, Николай Михайлович Рубцов, возможность трезвой жизни отрицаю». Он пил каждый день. Единственное различие было в степени: либо пьян, либо сильно пьян, либо «выпимши». Чаще всего он бывал в этой степени - «выпимши». И нередко становился агрессивен, способен был на любую выходку. И вот однажды...

Редакция «Вологодского комсомольца» тогда располагалась в одном здании с горкомом партии. И, естественно, столовая была одна, общая, и мы питались вместе с горкомовцами.

И вот сижу я в столовой, обедаю, за столом один. За соседними столиками - горкомовцы, среди них секретарь горкома Болонин (кстати, человек он был неплохой, ныне уже покойный).

Вижу, заходит, покачиваясь, Рубцов. В состоянии «выпимши». Направляется ко мне. Садится рядом. Спрашивает, что нового.

Я говорю, что получил комнату (это была первая «собственная» комната в моей жизни).

- У тебя до сих пор не было жилья? - удивляется Рубцов.

- Не было, - отвечаю, забыв, что жилье - это больная тема.

И вот тогда Рубцов встает из-за столика, выходит на середину столовой и громко, с вызовом кричит:

- Вы!

В столовой устанавливается полная тишина. Рубцова не знают. Но все понимают, что происходит нечто необычное, вызывающее.

- Вы! - продолжает Рубцов. - Вы все имеете жилье и хорошую еду. А вот он (показывает на меня, я готов сквозь пол провалиться), он, труженик газеты, до сих пор не имел жилья! А вот я, поэт Николай Рубцов, до сих пор не имею жилья!

Первым посчитал своим долгом прервать все это секретарь Болонин. Он подскочил к Рубцову и закричал:

- Вы кто такой? Прекратите это безобразие! Немедленно прекратите!

Но Рубцов уже не помнил себя, он прервал Болонина:

- А ты кто такой? Я знаю, кто ты! Ты - клоп. Ты сидишь на теле народа и сосешь его кровь. И все вы клопы! А я - великий поэт Николай Рубцов. И ты, клоп, еще будешь гордиться, что говорил со мной!

Скандал получился невиданный. Вызвали милицию, забрали Рубцова (впрочем, сразу выпустили).

А в редакцию вскоре поступил негласный приказ из обкома партии - уволить из редакции. Так Рубцов был уволен.

Он позвонил мне, просил о защите. Но я ничем не мог помочь ему. Он, видимо, обиделся на меня. И наши отношения с ним прервались. И, как выяснилось, уже навсегда.

ИСПОВЕДЬ РУБЦОВА

Но перед тем, как нам суждено было разойтись навсегда, у нас с Рубцовым была одна событийная встреча, и мне довелось выслушать его исповедь, которая столько лет особым грузом лежит у меня на душе, и я сам всегда колебался - предавать мне гласности то, что я услышал от Рубцова, или сохранить все в тайне. Конечно, делясь со мной своим тайным, очень личным, Рубцов не предлагал, что я буду писать об этом. Но ныне очевидно, что все, что я знаю о Рубцове, важно для истории и литературы. И потому не должно остаться неизвестным.

Потому, при всей спорности услышанного от Рубцова, я все же решился написать об этом. Должен сказать, мне выпала доля выслушать две исповеди в Вологде от крупных мастеров - Рубцова и Астафьева. Никакой моей заслуги в том нет, это произошло по воле обстоятельств. Конечно, дружеских, близких отношений у меня не было ни с Рубцовым, ни с Астафьевым. Но подобное в жизни случается. Иногда доверяются личные тайны даже случайному попутчику в купе поезда. А тут были еще некоторые обстоятельства. В.П. Астафьев чувствовал свою вину передо мной и «исповедовался» мне, как бы стремясь смягчить, загладить то, что совершил против меня. Об этом - особый рассказ. А вот Рубцов откровенничал со мной в тот вечер, потому что у него были какие-то неприятности, накопилось на душе, и это надо было излить, и надо было не просто выпить, а напиться: «Поэт, как зверь, напьется натощак...». Для того нужны были деньги, и побольше трех рублей. И их можно было получить именно от меня.

А как раз накануне я виделся с поэтом В. Коротаевым, и он был крайне раздражен на Рубцова. Что-то у них произошло. Коротаев в тот день в сердцах сказал мне (у меня с ним тогда были еще нормальные отношения), чтобы я был поосторожнее с Рубцовым, тот совсем развинтился, способен совершить любое. Вспоминая В.В. Коротаева, я скорблю о ранней смерти этого талантливого человека. Но тогда мне пришлось услышать его резкие слова о Рубцове. Разумеется, Коротаев сказал мне это в гневе, под влиянием какой-то ссоры и какого-то поступка Рубцова (через некоторое время они наверняка помирились). Более того, в последующие годы Коротаев называл Рубцова своим другом и много сделал дляувековечения его литературного наследия. Но тогда это была крупная ссора. А под вечер того же дня ко мне пожаловал и Рубцов. В редакции уже, кажется, никого не было, и я уже собирался уходить домой, как внезапно пришел Рубцов, находящийся в крайнем раздражении на Коротаева. Свою исповедь он начал как раз с обличения Коротаева. Говорил он примерно следующее (разумеется, полностью и точно по памяти его слова воспроизвести невозможно, но я буду стараться передать смысл его монолога как можно точнее). Он говорил: вокруг нет ни правды, ни совести, ни ума, ни понимания литературы. Вот взять для примера Виктора Коротаева. Кто он - Виктор Коротаев? Провинциальный в сущности поэт. А преуспел. Печатается без

конца - книжка за книжкой. Все имеет - хорошую квартиру, хорошие деньги. У начальства - авторитет, на виду и уважаем. Вот так. А вот он, Николай Рубцов, - великий поэт, но это не понимают. И он ничего не имеет: ни признания, ни денег, ни жилья. Бедствует, ночует, где придется. А ведь давно уже в Вологде могли бы оценить, понять. Но это в Вологде невозможно. Вот другой пример - Ольга Фокина. Недавно приехала в Вологду - пожалуйста, Олечка, квартирка тебе. А Фокину на руках носят. Объявили ее народной поэтессой, в пример ставят: вот, мол, как надо писать, ее в «Правде» печатают. В этом много политики. А поэзия - это боль души. А душа человеческая больна. И уже, наверное, неизлечимо. И жить нормально нельзя. Настоящий поэт не может жить нормально, потому что вокруг все - ненормальность.

Я, впервые услышав от него такие выпады против Коротаева и Фокиной, которых я всегда ценил, спросил: какого же он мнения о Вологодской писательской организации?

Он ответил, что это лучшая и самая сильная в стране писательская организация. Потому что есть Белов. Вот Белов - это классика. Вася Белов - это совесть. И, конечно, Астафьев. Тоже классик. Но мужик хитрый и вредный. И они в Вологде не уживутся, как две медведицы в одной берлоге. А он, Рубцов, выше и Белова, и Астафьева. И настанет время, когда в России это поймут: «Даже если Белова и Астафьева читать перестанут, меня будут читать всегда».

Я спросил его: есть ли у него в Вологде друзья? Он ответил, что друзей у него нет. Когда-то в молодости всех вокруг принимал за друзей. Теперь никого. Вокруг - пустота. Только лица. А друг? Пожалуй, только Саша Вампилов.

- Но ведь Вампилов в Иркутске, а ты в Вологде.

- Все равно друг - только Саша. Хороший драматург он и хороший друг.

Я чувствовал, что это был глобально одинокий человек, полностью отдаленный незримо в силу своего выдающегося таланта от окружающей его среды.

- А как же Багров, Чулков, Елесин? - снова спросил я его тогда.

Он ответил, что они хорошие ребята, и ему много помогали. Но уж больно уровень у них невысок. Когда он умрет (а жить ему, так и сказал, осталось немного), они, наверное, всякие глупости в своих воспоминаниях про него будут писать. Но от чистого, наивного сер-

дца. И за то спасибо. Поэту это надо. Жизнь настоящего поэта - это трагедия. Он, как собака, нуждается в добром слове. Вот про него только что в «Красном Севере» Юра Ратников по-доброму написал. И это - поддержка. Ведь выживать как-то надо.

- А женщины? - спросил я его.

- Какие там женщины, - вздохнул он. - До женщин я охоч. Мне женщина всегда нужна - любая, хоть какая, все равно. Лишь бы была она - женщина. А в семье жить не могу. Семья с поэзией не совмещается. Живу поэзией, только ею. Ты мне дай сегодня, пожалуйста, пять рублей...

УБИЙСТВО ПОЭТА

Когда я узнал о гибели Рубцова, то был потрясен. Но - увы! - не удивился. Хотя его материальное положение к этому времени улучшилось, он получил квартиру и, самое главное, уже много печатался и к нему приходила слава, все равно образ жизни, который он вел, добром кончиться не мог. Что-то должно было случиться. Это чувствовали многие... И он сам предчувствовал свою смерть и даже точно предсказал ее время: «Я умру в крещенские морозы».

Но обстоятельства его гибели поразили всех. 19 января 1971 года он был задушен женой, своей любовницей - поэтессой Людмилой Дербиной.

Что же произошло? Об этом уже много написано. Согласен с точкой зрения Роберта Балакшина, что к самому факту убийства поэта следует подходить совестливо, проявляя большой тикт. Бестактно публиковать фотографии убитого, с истерзанным горлом Николая Михайловича, делать на этом имидж и сенсацию.

Но воспоминания и версию Дербиной все же знать надо - это единственное свидетельство трагедии. Хоть верить полностью ее словам трудно. Можно предположить, что какое-то мужское увлечение у Рубцова Дербиной-Грановской было. Уверен, что, будучи одиноким человеком, Рубцов был рад, когда к нему приехала и поселилась в его квартире молодая женщина, поэтесса, поклонница его поэзии. Рекомендовал к изданию ее стихи. Но вскоре по Вологде пошли разговоры: у Рубцова ничего к лучшему не изменилось, живут плохо, все время скандалы. Да и женщина оказалась отнюдь не с нежным сердцем: жесткая, сильная,

крайне тщеславная. Своего рода «Сальери в юбке». Она сама себя называла ведьмой, волчицей, медведицей (характерные признания). Она сама признавалась, что способна в «пылу азарта» взвиться «ведьмой из трубы», «отколоть номер», «перепутать все карты», была способна на все ради самоутверждения. А Рубцов в быту был трудным человеком, способным вызвать раздражение. Так и произошло это убийство.

Вот как описывает сама Людмила Дербина то, что произошло в ту роковую ночь, в своих воспоминаниях о Рубцове - «Все вещало нам грозную драму» (Вельск, 2001):

«- Я раскрою тебе череп!

Он был страшен. Стремительно пробежав к окну, оттуда он ринулся в ванную. Я слышала, как он шарит под ванной рукой, ища молоток. Меня всю трясло, как в лихорадке. Надо бежать! Но я не одета! Однако животный страх кинул меня к двери. Он увидел меня, мгновенно выпрямился. В одной руке он держал ком белья (он взял его из-под ванны, когда искал молоток). Простыня вдруг развилась и покрыла Рубцова от подбородка до ступней ног. «Господи, мертвец!» - мелькнуло у меня в сознании. Одно мгновенье - и Рубцов кинулся на меня, с силой толкнул меня обратно в комнату, роняя на пол белье.

Теряя равновесие, я схватилась за него, и мы упали на пол. Та страшная сила, которая долго копилась во мне, вдруг вырвалась, словно лава, ринулась, как обвал. Набатом бухало сердце. «Нужно усмирить! Нужно усмирить!» - билось у меня в мозгу. Рубцов тянулся ко мне рукой, я перехватила ее своей и сильно укусила его руку, тыльную сторону ладони. Другой своей рукой, вернее, двумя пальцами правой руки, большим и указательным, стала теребить его за горло. Под палец попадала тоненькая жилка, которую я и приму за дыхательное горло в силу своего дремучего невежества в медицине. Он крикнул мне: «Люда, прости! Люда, я люблю тебя! Люда, я тебя люблю!»

Если он смог прокричать три фразы подряд, значит, его настоящее твердое, ребристое дыхательное горло было свободным. Я только оцарапала над ним кожу. Сейчас я думаю, что в потасовке ему стало плохо с сердцем и он испугался, что может умереть. Поэтому и закричал, чтобы остановить меня. И тут я увидела его лицо с синюшным оттенком. Вдруг неизвестно отчего рухнул стол, на котором стояли иконы, прислоненные к стене. Все иконы рассыпались по полу вокруг нас».

Так ли все было - тому свидетелей нет, но очевидна попытка Дербиной обелить себя, доказать, что она не убивала Рубцова, у него стало плохо с сердцем. Эта версия подхвачена некоторыми газетчиками. Но вспомним суд.

Суд признал Дербину виновной и приговорил ее к восьми годам тюрьмы. И она признала сама свою вину.

Выйдя из тюрьмы и уехав из Вологды, Дербина напечатала много стихов о Рубцове и воспоминания о нем. Эти воспоминания были прочитаны известными литераторами - Виктором Боковым, Евгением Евтушенко, Федором Абрамовым. И они в известной мере отнеслись к ней сочувственно, но ведь они исходили из слов самой Дербиной.

В последние годы Л. Дербина усиленно создавала миф о высокой, «исступленной, трагической любви» (боковские слова) между нею и Рубцовым. Так ли это? Была ли такая любовь?

Даже время вряд ли разрешит тайну этой трагедии. Моя личная точка зрения такова. Женщина, даже совершившая преступление, заслуживает если не прощения, то во всяком случае жалости и снисхождения. И, несомненно, за эти годы она много настрадала.

Но я не верю в создаваемый Дербиной миф о роковой любви- страсти. И на то есть, на мой взгляд, доказательство. Когда к поэту приходит любовь, он не может не писать об этом. Даже если это и «поединок роковой». Вспомним знаменитый «денисьевский цикл» Тютчева с его «опасными» строками: «О, как убийственно мы любим...» Но никакого «дербинского цикла» у Рубцова нет.

Его муга о том молчит. И вряд ли это случайно.

Вот о Тане Агафоновой у Рубцова стихов много. А о Дербиной - ничего.

Я далеко не все написал о Рубцове, что знаю. О некоторых моментах, некоторых его высказываниях я все же сознательно умолчал. Возможно, когда-нибудь напишу. Во всяком случае, о наших с ним откровенных разговорах никогда не забуду.

И мне приятно, что когда-то он подарил мне первую то- нюсенькую книжечку стихов «Лирика» с такой надписью: «Володе Аринину - с любовью на память. Н. Рубцов».

ЖЕСТОКИЙ ДАР (исповедь В.П. Астафьева)

К своим воспоминаниям о Н.М. Рубцове хочу добавить и воспоминания о В.П. Астафьеве. Взаимоотношения этих двух больших мастеров нашей литературы - особая тема. Но в воспоминаниях о Рубцове я упомянул и об исповеди Астафьева. Кратко расскажу об этом.

Виктор Петрович Астафьев жил в Вологде с 1969 по 1980 год. Здесь написаны “Царь-рыба”, “Пастух и пастушка”, “Затеси” и другие его известные произведения. Его первые пьесы “Черемуха” и “Прости меня” с успехом шли на вологодской сцене. Вернувшись на родину, в Красноярский край, писатель неоднократно обращался к вологодским темам.

Обстоятельства позволили мне услышать от него такие откровенности, на которые я не мог даже рассчитывать. Возможно, я был в числе первых, кто услышал от него подобное.

Было это, вероятно, в 1979 году (или на год позже). До этого я неоднократно встречался с Виктором Петровичем, брал у него интервью, публиковал в газетах свои материалы о нем. Все было нормально. Но вот в 1978 году у меня из-за нашей с В.А. Кошелевым пьесы о Батюшкове произошло резкое столкновение с руководством Вологодской писательской организации. Некоторые наши ведущие писатели выступили тогда против постановки пьесы в Вологодском драмтеатре. Астафьев первоначально вроде бы был нейтрален. Но однажды на худсовете театра публично разнес пьесу в пух и прах. Мол, это - не драматургия, не пьеса, это ставить нельзя. Я был морально убит. Выступление известного писателя казалось для пьесы смертным приговором.

Но каково было мое удивление, когда на следующий день Виктор Петрович позвонил мне и пригласил к себе в гости. Я ничего не понимал. Как же так - вчера он мне нанес удар, а сегодня приглашает к себе. Зачем?

Прихожу в его квартиру на Ленинградской улице. Он дома один. На столе - коньяк, закуска. И он - сама любезность. Встречает меня радушно и приветливо. Я решительно ничего понять не в силах. Но садимся за стол, пригубили коньячку. И начинается разговор. Говорит преимущественно Астафьев. Я жду: он сейчас объяснит, чем и почему ему не понравилась наша пьеса. Но, к моему полному не-

доумению, он не произносит о пьесе ни слова. Взамен я слышу образный, страстный, почти исповедальный, с крепкими словечками монолог Астафьева о том, что он хотел бы написать о волнующем его сегодня.

Говорил он примерно так: цель моей жизни - написать ужасающую правду о войне. О том, что наша победа добыта морем крови и горами трупов. Немцы воевали лучше нас. Мы просто завалили их миллионами трупов.

Астафьев говорил почти неистово. О подобном я не слышал ни от одного фронтовика. О таком не писал ни один советский писатель.

Впоследствии он действительно будет так писать и так говорить публично. Но я-то слышал такое впервые.

“Если я напишу свою ужасную правду, меня могут посчитать предателем. Но я не предатель. Я - солдат, заплативший за эту правду своей искалеченной молодостью, своей кровью, своими ранами. И Солженицын не предатель, никакой не литературный власовец. Он тоже говорит правду”. И это было смело сказано для того времени, когда обличать Солженицына считалось за правило и обязанность.

Затем Виктор Петрович обрушился на некоторых ведущих волгоградских писателей. И мне он сказал тогда: “Мой совет - держись от них подальше. Я их слишком хорошо знаю”. И это были последние слова, которые я слышал от Астафьева.

Все же я ушел от Виктора Петровича в недоумении. Что же все это значило? Почему человек, так жестоко и несправедливо уничтоживший мою пьесу, затем в определенной мере исповедовался передо мной?

Все прояснилось лишь спустя некоторое время. Одна моя хорошая знакомая была дружна с дочерью Виктора Петровича Ириной (рано умершей). И незадолго до своей смерти Ирина рассказала ей, что же произошло.

- Как-то вечером отец, - рассказывала Ирина, - пришел домой расстроенный и взвешенный. “Ирка, налей мне водки”. Выпил стакан. “Налей еще”. - “Что с тобой, отец?” - “Да вот, понимаешь, сейчас зарезал пьесу Аринина. Грех попутал. А ведь его пьесу я не читал”.

Все стало понятно. Астафьев “зарезал” пьесу, не читая ее, сделал это с чужих слов. Моя знакомая все это рассказала мне.

Междуд тем судьба пьесы определилась, и вполне удачно. Ее высоко оценили в Министерстве культуры России, в первую очередь

человек, заведовавший тогда всей драматургией - И.П. Скачков. Пьеса понравилась также известному нашему земляку, знаменитому композитору Валерию Гаврилину. Он написал после прочтения пьесы чудесный романс “О, память сердца” и Батюшковский вальс. И, наконец, пьесу взялся поставить в Вологде крупный театральный деятель, народный артист СССР Игорь Горбачев. Но когда премьера 21 марта 1982 года в Вологде состоялась, Астафьева давно уже не было в Вологде.

А поступок его я объясняю так. Виктор Петрович был совестливым человеком. И совесть восстала в нем. Пригласив меня к себе, он как бы извинился передо мной и потому одарил своей откровенностью. Таким он и остался в моей памяти - и грешным, и способным к покаянию. И сам сказал мне приблизительно так: “Все люди грешны. И я грешен. Но не согрешишь - не покаешься. Литературный талант - жестокий дар”.

В.П. Астафьев обладал большим и жестоким даром.

Уже после Вологды, в последний период его жизни талант Астафьева достиг наивысшего расцвета. Астафьев все время шел вверх, его широко читали, особенно то, что он написал о войне. Многие фронтовики проклинали Астафьева, а в интеллигенции говорили, что именно Астафьев написал самую страшную правду о войне. Вокруг Астафьева шли споры, оценки были неоднозначны. И примечательно, что в своей антологии “Русские цветы зла” (М. 1997 г.) Виктор Ерофеев, наряду с вологжанином Варламом Шаламовым, относит Виктора Астафьева к современным апологетам зла. Не идейным апологетом, а как бы невольным, интуитивным. “Астафьев предоставил злу такую свободу самовыражения, что перспективы борьбы с ним плачевны”, - пишет Ерофеев.

Это спорная трактовка. Достаточно сказать, что В.П. Астафьев в последние годы стал глубоко верующим человеком. Но глобальное зло, которое постоянно ощущаешь в его книгах и которым он мучился, прежде всего, на мой взгляд, и выражено им в военной теме.

И еще одна цитата из Ерофеева: “То, что Россия - “большая зона”, продолжение ГУЛАГа с его безжалостными законами, видно в прозе Виктора Астафьева”. О ГУЛАГе, в том числе и вологодском, и его создателе И.В. Сталине - в моем следующем повествовании.

Тень ГЕНЕРАЛИССИМУСА

- ВОЛОГОДСКАЯ ССЫЛКА ИОСИФА ДЖУГАШВИЛИ
- МОЛОДОЙ СТАЛИН И СЕВЕРЯНКИ,
ЕГО ЛЮБOVНЫЕ ПОХОЖДЕНИЯ
- ВОЛОГОДСКИЙ ГУЛАГ

ПОЕЗДА

Вместо предисловия

Мне снятся эти поезда... Я - мальчик, живу на маленькой станции. Как и все дети той далекой послевоенной поры, часто повторяю крылатую фразу: «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство...»

Детство у меня, как и у всех других ребят, полуголодное: мы после уроков постоянно стоим в очередях за хлебом, крупой, какими-то скучными продуктами. У меня есть мечта: один раз досыта наесться белым хлебом. Белый хлеб - лакомство. Но мы тем не менее верим, что у нас счастливое детство. Об этом нам постоянно говорят в школе, пишут газеты.

Правда, я краем уха слышал: на востоке, за нашей станцией, есть какие-то страшные лагеря... Это мне непонятно. Но вот поезда, состоящие из теплушек, на окнах - решетки, я вижу почти каждый день. Движущиеся тюрьмы.

Насколько я теперь понимаю, наша станция была одной из этапных. В больших городах такие поезда никогда не стояли. А на нашей станции Абдулино они останавливались, здесь проводилась проверка, выдавалась еда, по теплушкам разносился кипяток.

Вот прибывший состав останавливается. Поочередно к каждой теплушке подходит конвой, несколько солдат с автоматами и овчарками. Распахиваются двери. Конвой поднимает автоматы, и в переполненном чреве теплушек открывается спретое человеческое месиво. Клубок тел - мужчины, женщины, старики, иногда дети. Начинается проверка... Кто эти люди? Что они совершили?

Мы, взрослые и дети, смотрим молча на все это.

...Выносят из теплушек умерших, лают овчарки, на сгрудившихся возле дверей людей нацелены автоматы. Сострадание к этим несчастным заполняет мое детское сердце, и я начинаю плакать.

До сих пор снятся мне эти поезда...

I. ИОСИФ ДЖУГАШВИЛИ НА ВОЛОГОДЧИНЕ

«Я – Иосиф-чудак»

(из разговоров Джугашвили с вологжанкой Пелагеей Ануфриевой).

«ДОМ СТАЛИНА»

Мне кажется, что этот дом на улице М.Ульяновой (ранее Осоавиахима) хранит память о своем давнем квартиранте. Рядом - парадное, самое высокое в Вологде административное здание областной администрации, вологодский «Белый дом».

На его белобетонном (под мрамор) фоне «дом Сталина» кажется особенно приземистым, почерневшим от времени.

Существует какая-то неуловимая связь между людьми, предметами и событиями. Может, это только воображение? И тем не менее взглядитесь в этот старый дом, особенно в вечернюю пору, в сумерках. Обойдите его, всмотритесь в окно на втором этаже между крыльями флигелей - и что-то мрачное так и пахнет на вас.

Здесь жил Сталин. И здесь впоследствии был создан Дом-музей Сталина, просуществовавший до 1956 года. После XX съезда партии он был преобразован в Дом-музей революционной деятельности большевиков в вологодской ссылке, а затем и совсем закрыт.

Впрочем, здесь планируется открыть музей вологодской ссылки, что вполне логично.

Иосиф Джугашвили прибыл в вологодскую ссылку в 1909 году. Трижды совершал побеги.

«Дом Сталина» в Вологде (снимок 50-х годов).

Дважды неудачно, то есть арестовывался и насильно возвращался обратно. В 1912 году бежал в третий раз. И теперь уже в Вологду не возвращался никогда. Правда, свой побег он совершил не из этого дома, а из другого, находившегося поблизости (ныне не сохранился). Так называемый побег носил фарсовый характер. Во всяком случае и, так мне кажется...

Было так. 9 февраля 1912 года находившийся в Вологде ссыльный Иосиф Джугашвили «скрылся из Вологды неизвестно куда» (цитата из документа Вологодского жандармского управления). Уже в советское время его квартирная хозяйка М.К. Гаврилова вспоминала об этом:

«В день побега Джугашвили вернулся домой в 11 часов вечера и сразу же собрался уходить... Уходя, Иосиф Виссарионович попрощался и попросил запереть за ним двери. А я заметила, что он держит в руках свою подушку, завернутую в одеяло, и сразу обо всем догадалась. Я спросила у него: «Вы что, уезжаете совсем?» После некоторого раздумья он ответил: «Да». После моего замечания, что я должна об этом заявить в полицию, Джугашвили спросил: «Когда вы думаете заявить в полицию?» Я ответила: «Завтра». Немногое помолчав, Иосиф Виссарионович сказал уже с порога: «Завтра? Ну что же, заявляйте завтра». И вышел на улицу» (это я цитирую документ из фонда Сталина бывшего Облпартархива, ныне Вологодского архива новейшей политической истории, к материалам которого я буду обращаться и впредь).

Разумеется, в советское время никто не смел даже помыслить, будто в побеге товарища Сталина из Вологды может быть что-то фарсовое.

Но можно представить, что это был за побег. Государственный преступник Джугашвили забрал одеяло и подушку, затем вышел на улицу и «под жесточайшим надзором царских шпиков», как писали в литературе сталинской поры, сел в поезд и спокойно уехал.

Спустя многие годы, представив себе Сталина с подушкой и одеялом, я могу только посмеяться над этим. Даже трагедия может включать в себя что-то комическое и фарсовое. И об этом я еще буду писать...

А сегодня моя цель - писать объективную, стоящую над политическими страстями книгу о вологодской ссылке молодого Сталина. Это не просто повтор моей книги «Тень генералиссимуса», вышедшей в Северо-Западном издательстве в 1991 году, а новый ее вариант (в сокращенном виде).

«Тень генералиссимуса» была написана в раскаленной политической обстановке конца 80-х - начала 90-х годов ныне уже ушедшего ХХ века. И это не могло не сказаться. Я был тогда вместе с теми, кто атаковал КПСС, выступал против коммунистического строя. Поэтому моя книга в какой-то мере политизирована, тогда решалось, кто кого. Признаюсь, что, обличая Сталина и сталинизм, я фактически выступал против коммунистического строя. Не случайно в вологодском КГБ мою книгу (тогда еще рукопись) посчитали «антисоветским сочинением», на меня было заведено дело. Ныне все это в прошлом.

Но ведь исторически тема вологодской ссылки Сталина не исчерпана. Stalin, как бы его ни оценивали, крупная фигура в мировой истории. О нем написана уже целая библиотека. И о нем, несомненно, будут писать, вне зависимости - «надоели» ли это или нет.

На мой взгляд, существует тайна Сталина, которая до сих пор не открыта, не разъяснена со всей полнотой и объективностью, и каждый автор, пишущий о Сталине, будет по-своему разрешать и объяснять ее. И я тоже пытаюсь в меру своих сил осознать эту великую трагедию, именуемую сталинщиной, дать ей свое объяснение.

Но прежде всего, повторюсь, на первом плане моя цель - конкретно и насколько возможно полнее рассказать о вологодской ссылке Иосифа Джугашвили. В гигантской Сталиниаде, начиная с А. Солженицына, В. Шаламова и кончая Э. Радзинским, вологодская ссылка Иосифа Джугашвили до сих пор «белое пятно».

Фактически об этом, кроме меня, не писал никто. Но моя книга «Тень генералиссимуса» (1991 г.), раскупленная на Вологодчине мгновенно, до центра, до Москвы, так и не дошла. И тема о вологодской ссылке Джугашвили осталась для столицы и всей страны мало известной.

Меж тем Вологда, как никакой другой город, сохранила архивные материалы, связанные с Иосифом Джугашвили, которые по-своему интересны и имеют определенное историческое значение. Не в политическом, а скорее в бытовом плане. Вологодские материалы о молодом Сталине в какой-то мере позволяют взглянуть на то, каким он, будущий генералиссимус, был тогда, как держался с людьми, как складывались его отношения с женщинами и как постепенно человек, хотевший в юности стать священником, превращался в страшную личность, которой все позволено. На мой взгляд, это стало проявляться в нем уже во время вологодской ссылки.

К тому же после выхода моей книги «Тень генералиссимуса» в 1991 году ко мне стали обращаться люди, чьи старшие родственники знали Сталина по вологодской ссылке лично. И рассказывали мне то, что им было известно от старших, и постепенно у меня накапливался своего рода никому не известный материал. Так я решил под прежним названием и используя уже то, что писал и печатал ранее, написать новый вариант своей книги.

А толчком к написанию ее, пожалуй, послужил приезд в Вологду в начале 2003 года крупного кинодокументалиста, соратника Романа Кармена по известному фильму «Великая Отечественная», лауреата многих международных фестивалей и Ленинской премии И.А. Григорьева, который работал тогда над своим двухсерийным документальным фильмом о личной жизни Сталина.

Игорь Андреевич нагрянул со своей съемочной группой ко мне на квартиру, взял у меня интервью, и в фильме «Сталин. Личная жизнь в революции» кратко воспроизвел мой рассказ о пребывании Джугашвили в Вологде и о вологодских материалах на эту тему.

Я мог убедиться, что эти материалы вызывают интерес, что и послужило для меня толчком для написания нового варианта. Но была и главная причина - внутренняя потребность; я снова, как в далекие 80-е годы, пришел к мысли, что должен написать такую книгу, включив в нее и раннее собранный, и новый материал, который известен только мне. Так Stalin снова вошел в мою жизнь.

Я не испытывал и не испытываю ни малейшей недоброжелательности к тем, кто и сегодня, невзирая ни на что, продолжает верить Сталину. Особенно куважаемым ветеранам войны, которые шли с его именем в бой. Некоторый рост сталинистских настроений в стране тоже понятен. Это прежде всего реакция на распад и унижение великой страны, мечта о порядке и твердой руке. Stalin и сегодня влияет на умы миллионов. Тень его еще отчасти падает на огромную страну.

И этому надо противостоять, что я в меру своих возможностей и способностей пытаюсь делать.

И снова, и снова я прихожу к «дому Сталина», будто невидимый магнит влечет меня сюда. И гляжу на окно комнатушки, где он жил. И мне кажется, что за окном возникает тень генералиссимуса. Иглядит на меня. Эта тень грозит мне пальцем из темноты, как грозил он умирая. Это был его прощальный жест людям.

СОЛЬВЫЧЕГОДСКИЕ ДЕЛА И СТРАСТИ

25 марта 1908 года Иосиф Джугашвили был арестован в Баку по обвинению в подпольной революционной деятельности и заключен в Байлловскую тюрьму. Об этом впоследствии, в сталинскую эпоху, будут писать много.

Решение о ссылке Джугашвили в Вологодскую губернию было подписано 29 сентября 1908 года самим председателем Совета Министров П.А. Столыпиным. А вологодским губернатором являлся в то время А.Н. Хвостов, будущий министр внутренних дел и шеф корпуса жандармов.

…После восьми месяцев заключения Сталин отправляется по этапу в Вологодскую губернию. Путь в ссылку по этапу, безусловно, был трудным.

В январе 1909 года этап добрался до Вологды. И Сталин оказался в вологодской тюрьме. Можно представить, что для Сталина это было такое непростое время: он под арестом, болен. К тому же южанин - на Севере, в непривычном климате...

Из вологодской тюрьмы его отправили в далекий глухой Сольвычегодск, входивший тогда в Вологодскую губернию и насчитывавший всего две тысячи населения. Но здесь была крупная по тем временам колония ссыльных: примерно два десятка человек.

Сталин поселился на окраине города. Но долго пребывать здесь, как выяснилось, был не намерен. В июне 1909 года он бежит из Сольвычегодска.

Кандидат исторических наук С. Шубин в статье «На Севере знали другого Сталина» (Internet) пишет: «Свой первый побег из Сольвычегодска 29-летний ссыльный совершает с помощью учительницы Мокрецовой, переодевшей его в женский сарафан и в этом одеянии проводившей беглеца до лодки, на которой он «уплыл на большую землю».

Вологда. Здание бывшей пересыльной тюрьмы, где содержался Иосиф Джугашвили.

Джугашвили добрался до Баку и принял за то же самое - подпольную революционную деятельность.

В марте 1910 года Сталин вновь арестован. Снова процитирую статью С. Шубина: «Бакинский градоначальник, между прочим, в июне 1910 года предлагал по отношению к Джугашвили принять высшую меру взысканий - высылку в самые отдаленные места Сибири на пять лет». Сталин, узнав об этом, 29 и 30 июня обращается с прошениями:

«...Не понимаю такой суворой меры, считаю необходимым заявить, ... что при задержаниях за мной ничего предосудительного не находилось». «Ввиду имеющегося у меня туберкулеза легких... прошу применить возможно меньшую меру пресечения. Одновременно прошу разрешить вступить в законный брак с проживающей в Баку С.Я. Петровской» (еще одна загадка)».

Два месяца спустя канцелярия наместника на Кавказе удовлетворяет прошение Иосифа Виссарионовича:

«Принимая во внимание, что И.В. Джугашвили из места высылки - Вологды скрылся... признать необходимым отправить его в место прежней ссылки». По поводу загадки, упомянутой С. Шубиным, следует сказать, что ничего в отношениях С.Я. Петровской с Джугашвили, как рассказывается в фильме И. Григорьева «Сталин. Личная жизнь в революции» загадочного не было. Она тоже одна из подпольщиц, тоже отбывала ссылку в Сольвычегодске, но жила постоянно в Баку. И Джугашвили, пытаясь избежать суворого наказания, готов даже жениться, чтобы только не попасть в Сибирь. Причем готов был даже венчаться.

Но Сибири не будет, и Джугашвили отказывается от женитьбы. Он готов вернуться в Сольвычегодск, это его устраивает. Его возвращают на Север, он снова оказывается в вологодской тюрьме. А затем знакомая дорога в Сольвычегодск. Вот такие большие маршруты, большие жандармские хлопоты, и никаких особых последствий: просто вернули в тот же Сольвычегодск. Конечно, в то время он еще не называется этим именем - Сталин. Он - Джугашвили. Партийные его клички - Иванович, Сосо, Коба.

Должен сказать, что материалов о сольвычегодском периоде ссылки Джугашвили в архиве Вологодского жандармского управления сохранилось немного, хотя этот период в жизни молодого Сталина освещен в печати более подробно, чем вологодский. Я ставлю своей целью из этих разрозненных материалов создать нечто цельное, бо-

лее подробное. Потому прибегаю к публикациям сталинского времени, в них есть некоторые фактические данные и по-своему любопытна их психология. Вот, к примеру, что пишется в статье А. Осипова в журнале «Пропагандист» (1940, № 17-18):

«Маленький и далекий городок Сольвычегодск. Сюда по распоряжению вологодского генерала-губернатора был вновь водворен товарищ Сталин, когда он прибыл по этапу в Вологодскую губернию осенью 1910 года. Здесь в условиях непрерывных придиорок полицейской слежки жил, работал и боролся товарищ Сталин. Полиция ухитрялась из положенных казной на содержание «гласно надзорного Джугашвили» 7 рублей 40 копеек в месяц некоторую часть удерживать в свою пользу.

Этих денег едва хватало на уплату за крохотную комнатушку, на кринку молока в пять стаканов и пару булок - обычную пищу товарища Сталина на два-три дня».

Далее у Осипова - сплошной панегирик. Разумеется, о том, что на самом деле происходило в жизни будущего вождя, не могло быть и речи.

В Сольвычегодске у Джугашвили возникает интимная связь с хозяйкой дома, где он квартировал, - Матреной Кузаковой. Об этом стало известно много лет спустя. В советское время воспоминания М. Кузаковой были опубликованы, но, разумеется, ни о чем личном в них не было ни слова. Она тогда воспоминала о молодом ссыльном, прибывшем в Сольвычегодск из вологодской тюрьмы: «Жилец он был аккуратный, вежливый. Пригляделась я к нему - очень у него изнуренный вид. Это понятно. До того сидел в тюрьме, маялся по этапу. Питался очень скучно».

И молодая одинокая женщина пожалела молодого ссыльного. Поженски.

Тайна раскрылась много лет спустя. Газета «Аргументы и факты» (№ 39, 1995 г.) опубликовала интервью с К. Кузаковым, который впервые публично признался, что он является незаконным сыном Сталина, рожденным во время его вологодской ссылки. О самом К. Кузакове газета писала так:

«Его карьера была головокружительной даже для сталинского времени стремительных взлетов и падений. Из беспартийного вузовского преподавателя он за семь лет превратился в заместителя начальника управления пропаганды ЦК ВКП(б) и одновременно - первого заместителя министра кинематографии. Секрет его успеха был

одновременно и одним из тщательно скрываемых секретов государства. В его документах были скорректированы место и время рождения... И члены семьи Сталина не без основания считают Константина Степановича своим родственником».

В годы репрессий никто, даже родственники Сталина, не был застрахован от расправы. И в один момент карьера К. Кузакова рухнула, его жизнь висела, видимо, на волоске. Его исключили из партии, сняли со всех постов, ему грозил арест. Но отцовские чувства, видимо, все же взяграли в Сталине, и он спас сына, сказав Берии: «Для ареста Кузакова я не вижу оснований».

В интервью К. Кузаков говорит, что его мать «была женщиной доброй, хотя и с железным характером, и одновременно гордой». На вопрос сына, правда ли, что Stalin является его отцом, ответила: «Ты - мой сын, но об остальном ни с кем никогда не говори».

Ныне в Сольвычегодске, четырехтысячном северном городке, имеется (вернее сохраняется) в бывшей избе Матрены Кузаковой мемориальный музей Сталина, посвященный его сольвычегодской ссылке. И это теперь - местная достопримечательность.

Разумеется, и в его сольвычегодской ссылке существует много «белых пятен», неясностей и противоречий.

Но то, что не вызывает сомнений, - это его партийная активность. Джугашвили был в Сольвычегодске политически весьма деятелен. И сольвычегодские ссылочные, возглавляемые им, вели активную подпольную деятельность. Сохранился даже почти детективный, с убийством, сюжет, о котором пишет вологжанка С.П. Крюкова в своих воспоминаниях:

«Иосиф Виссарионович строго следил за работой каждого члена группы и требовал отчета о проделанной работе. Были среди этой группы люди-изменники, и с такими расправлялись по-своему. Например, был ссылочный по имени Мустафа, а фамилии я не помню, лет ему было 27-30, он был среднего роста, черноватый, он-то и оказался изменщиком. По словам второго их товарища по имени Карл, фамилии я не знаю, был утоплен под большим углом р. Вычегды. Карл имел лет 20-23. Он принес купленного на базаре барана и просил его зажарить всего, говоря: это будет тризна по Мустафе. Справив тризну вечером по Мустафе, Карл в эту ночь бежал из Сольвычегодска».

Откровенно говоря, я считаю этот сольвычегодский «детектив» психологически любопытным, когда измена карается убийством (его

приводит в своей статье С. Шубин), но маловероятным. А к воспоминаниям С.П. Крюковой я тоже еще вернусь, остановившись на них весьма подробно.

Но Джугашвили, действительно, сначала пытался в Сольвычегодске как-то действовать. И даже написал две довольно крупные статьи. Это «Август Бебель, вождь германских рабочих» и «Письмо в ЦК партии из сольвычегодской ссылки». В статье о Бебеле молодой Stalin рисует нам образ вождя, уже, вероятно, задумываясь о своей роли в партии.

Работа начинается так: «Кто не знает Бебеля, маститого вождя германских рабочих, когда-то «простого» токаря, а теперь знаменитого политического деятеля, перед критикой которого, как перед ударами молота, не раз отступали «коронованные особы», патентованые учёные, слову которого, как слову пророка, внимает многочисленный пролетариат Германии?»

Stalin ставит вопрос, как и почему Бебель добился всего этого. И утверждает, что нищета и лишения, которые Бебель испытал в юности, «закалили его волю, усилили жажду знания, зародили в нем вопросы...»

Думается, Stalin как бы определяет свой путь, ищет пример для себя. «Бебель, борясь и побеждая, преодолевая шаг за шагом окружающие его препятствия, - выбирается, наконец, из рабочих низов, превращается в вождя...» За счет чего? За счет того, что ему свойственна «умелая беспощадная атака», что «жизнь Бебеля сливается с жизнью партии, его печали и радости - с печалями и радостями партии». В трудные для партии времена он стойко переносит «упреки, насмешки, презрение», для него характерны «особая стойкость и беспримерная прозорливость».

«Конечно, были у Бебеля и ошибки - у кого их не бывает (только мертвые не ошибаются), - но все мелкие ошибки бледнеют в сравнении с крупными заслугами перед партией».

Итак, главное - иметь заслуги. Имея их, не следует бояться ошибок - «только мертвые не ошибаются».

Таков облик вождя, рисуемый Stalinом. Но у партии есть вождь, и в «Письме в ЦК партии из сольвычегодской ссылки» Stalin подчеркивает это и пишет, что «линия блока (Ленин - Плеханов) единственно правильная». О Ленине им сказано уважительно: «умный и знает, где раки зимуют».

Далее Stalin рассуждает о блоках, о том, что надо уметь на раз-

ных этапах вступать в союз с разного рода попутчиками и, умело блокируясь то с одними, то с другими, следует использовать всех в своих интересах. А действовать придется «неуклонно и беспощадно». Вот видите - беспощадно, по-сталински.

В одном из секретных полицейских документов говорится: «По сведениям агентуры Джугашвили совместно с другими ссылочными... стремился организовать в городе Сольвычегодске с.-д. фракцию, устраивал собрания, на которых читались рефераты и обсуждались политические вопросы. Эти собрания имели своей целью выработать опытных пропагандистов».

Но сам Сталин не удовлетворен своей деятельностью. Сохранилось его письмо учительнице Бобровской, тоже участнице революционного движения, жившей в Харькове. Жандармы это письмо перехватили, скопировали, и благодаря этому оно дошло до наших дней. Вот выдержки из него: «Пишет вам кавказец Сосо, помните?.. Хотелось бы отбыть срок (легальному больше размаха)... А у нас здесь душно без дела, буквально задыхаюсь». Далее - намек на возможный побег.

Жандармы всполошились. Слежку за Сталиным усилили. Он был «арест при полицейских камерах в течение трех дней».

Но постепенно политическая активность Сталина заканчивается. Наступает словно какой-то перелом. Во всяком случае, полиции уже не в чем его упрекнуть. Полицейские подозрения вызываются скорее его прошлым, чем настоящим.

Обыски полиции в комнате Сталина ничего не давали. «В помещении, занимаемом Джугашвили, в комнате с прихожею ничего противоправительственного не найдено» (из донесения исправника Цивилева).

Новый побег Сталин не предпринял и отбыл срок ссылки без особых происшествий. Теперь, в июле 1911 года, он мог выехать в любой другой город, кроме столиц, где жительство ему было запрещено. Сталин попросился на жительство в Вологду.

«ВЫНУЖДЕН ОСТАНОВИТЬСЯ НА Г. ВОЛОГДЕ»

Сохранилось его краткое заявление на имя вологодского губернатора.

Сталин пишет: «Пользуясь же предоставленным мне правом выбора местом жительства любого города Российской империи (за ис-

ключением столичных городов и Кавказа), я вынужден остановиться на г. Вологде».

Власти ответили согласием.

«Вологодскому полицеймейстеру. Секретно.

Разрешить окончившему 27-го минувшего июня определенный срок ссылки и гласного надзора полиции в гор. Сольвычегодске и выбывшему оттуда 6-го сего июля в гор. Вологду... Иосифу Виссарионовичу Джугашвили согласно его о том ходатайству, оставаться временно на два месяца в гор. Вологде...

Губернатор Шрамченко.

19 июля 1911 г.».

Почему же Сталин выбрал Вологду? Видимо, его привлекала относительная близость города к обеим столицам.

Через много лет о пребывании его здесь газета «Красный Север» (от 21 декабря 1934 года) писала так:

«И.В. Сталин (Джугашвили) прожил в Вологде в общей сложности 117 дней. Он прибыл сюда из сольвычегодской ссылки 19 июля 1911 года. В течение первых пяти дней товарищ Сталин жил в доме Бобровой на Малой Козленской улице, где проживал в это время ссыльный М. Чернов... С 25 июля, как выясняется из архивных данных, жил в доме Новожилова по Калашной улице. Дом этот не разыскан, возможно, он снесен. С 26 августа тов. Сталин живет в доме Беляевой по Малой Екатерининской улице...»

Как видим, он часто менял жилье в Вологде. Из всех домов, в которых жил Сталин, сохранился лишь один, о нем и шла речь в начале.

Разумеется, вологодская полиция сразу же установила наблюдение за Сталиным. Первое фильтровское донесение о нем датировано 21 июля 1911 года: «Роста среднего, около 33-35 л., брюнет, небольшая бланже-бородка, продолговатое, со следами натуральной оспы лицо или веснушки, волосы на голове короткие, черные, правильного теплосложения, походка ровная, одет в черную в полоску пару, черная мягкая шляпа. Тип грузина. Кличка ему дана «Кавказец».

* * *

Ах, вологодские провинциальные шпики, малограмотные, наивные фильтровцы, знали бы вы, за кем следите! Ведь ваш поднадзорный, в слежке за которым вы позволяли себе иногда недостаточное служебное рвение, этот «тип грузина» через некоторое время будет возненавидеть вас.

сен несравненно выше государя императора, а ваши жизни и судьбы превратятся в совершенное ничто по сравнению с его фантастической судьбой.

В архивах я перечитал ваши, господа филеры, безграмотные донесения о «Кавказце» (их сохранилось несколько десятков) и за время своей работы как бы заочно познакомился с вами, господа филеры - Мухин, Шибалов, Ильчуков. Пытался даже представить вашу внешность, ваши усики и котелки (непременные атрибуты царских шпионов в советских фильмах), далее мое воображение не пошло.

В конечном счете, ваши донесения при всей их ненадежности - единственный бытоописательный источник о жизни Сталина в Вологде.

Конечно, порой вы «халтурили» (бывало и такое). Но ведь тому же Ильчукову удалось впоследствии выследить ночной побег Сталина из Вологды. И Ильчуков, и Мухин сразу же взяли на заметку П.А. Чижикова, с которым Stalin вступил в контакт в Вологде.

Вот донесение от 1 августа 1911 года:

«В 8 час. вечера неизвестный человек, который встречался неоднократно с «Кавказцем», был взят из магазина Ишмемягова и проведен в дом № 12. ...Будет дана кличка «Кузнец». Приметы его: роста среднего, шатен, лицо продолговатое, не полное, усы и бороду бреет, но не чисто, лет около 26. Одет: черная рубаха, широкий кожаный пояс, черные брюки навыпуск, соломенная коричневая, с прямыми полями шляпа.

Ильчуков, Мухин».

А вот для примера еще один типичный образчик филерского «творчества».

«14 августа 1911 года, с 9 ч. 20 м. утра до 9 ч. 25 м. вечера. В 12 ч. 30 мин. «Кавказец» вышел из своей квартиры и пошел в Александровский сад, к нему через 15 мин. пришел «Кузнец» и пошли в дом Бобровой по М. Козленской ул. (во дворе), где пробыли 50 м., вышли и пошли на Дворянский бульвар, погуляли 30 мин., расстались и проведены в свои квартиры.

В 7 ч. 10 м. вечера «Кавказец» вторично вышел и проведен в дом № 12 Беспалова (во дворе) в квартиру «Кузнеца», через 35 м. «Кавказец» вышел и пошел домой, где и оставлен.

Шибалов, Мухин».

«Проведен» на полицейском жаргоне означает «негласно сопровожден». А упоминаемый в филерском донесении «Кузнец» - это

полицейская кличка П.А. Чижикова. С ним Сталин общался более всего.

Впоследствии в одном из жандармских документов указывалось, что Чижиков находится в «непрерывной связи с состоящим под гласным надзором полиции одним из видных работников партии с.-д. крестьянином Тифлисской губернии Иосифом Виссарионовичем Джугашвили». Любопытно, что Сталин здесь назван крестьянином.

А что известно о Чижикове? Немного. Петр Алексеевич Чижиков родом из крестьян Орловской губернии. В молодые годы работал в Луганске. Сослан в Вологодскую губернию за принадлежность к Луганской организации РСДРП. В Вологде служил приказчиком фруктового магазина Ишмемягова. Скорее всего, у него со Сталиным не было равных, товарищеских отношений, просто Сталин пользовался его услугами.

В 1912 году Чижиков уехал из Вологды. Как сложилась его дальнейшая судьба, точных сведений нет. По одной версии - он вскоре умер, по другой - погиб во время гражданской войны.

Фамилия вологодского знакомого Сталина промелькнула в работе Волкогонова. Речь идет о найденном письме Чижикова Ленину и о приписке на нем, сделанной Сталиным. Вот эти документы:

«В.И. Ленину, через Крупскую, в Krakow 7 марта 1912 г. Транспорт литературы около двух пудов привезли. Средств у нас ни копейки. Сообщите, куда следует, пусть посылают смену людей или щлют денег...

С товарищеским приветом Чижиков».

Сталин ниже на документе приписал: «Письмо Чижикова - не мое письмо, хотя я и ходил одно время под фамилией Чижикова».

В письме речь идет о каком-то значительном факте, но о нем ничего не известно. А приписка Сталина, пожалуй, лишний раз свидетельствует о полном его равнодушии к своему бывшему знакомому.

С кем еще общался Сталин в Вологде? Как говорится в заведенной на него в полиции анкете, «в г. Вологде имел связь с ссылочным Абрамом Исаковичем Иваницким, Меером Абрамовичем Черновым, Николаем Петровичем Татариновым, мещанами Афроном Бейрохом и Марией Барковой-Гершенович и тесную связь с ссылочным Моисеем Лешевичем, Петром Заславским» и невыясненным «Филей»...

Что это за люди? О них ныне ничего не известно.

А. Антонов-Овсеенко в книге «Сталин без маски», вышедшей в 1990 году, подробно рассказывает о странной, не вполне понятной

истории, связанной с А.И. Иваняном, сосланным в Вологду за участие в социал-демократическом движении в 1910 году. Иванян был отличным математиком, и вологодский генерал-губернатор нанял его в качестве преподавателя для своих детей. За это ссыльному преподавателю платилась крупная сумма, но он раздавал деньги на нужды других ссыльных.

По словам Иваняна, он лично в Вологде Сталина не знал. Напротив, Сталин утверждал, что он знал Иваняна и что тот присвоил 70 рублей, которые якобы были посланы ЦК партии для побега Сталина из Вологды. Такое обвинение он выдвинул в 1926 году, будучи всесильным генсеком. Иванян был тогда исключен из партии. Группа видных большевиков, находившихся в 1910-1911 годах в вологодской ссылке, выступила в защиту Иваняна, считая, что тот просто оклеветан, что присвоение им 70 рублей «совершенно невозможно». Но это Иваняну не помогло.

В 1936 году Иванян был арестован, сослан в Вологду, затем увезен в Москву и расстрелян. Его судьбу повторили и другие бывшие вологодские политссыльные. Во всем этом виден типичный сталинский почерк.

В вологодской ссылке Stalin очевидно не находит общего языка с видными деятелями партии, стоит в стороне от их дел.

Так чем же все-таки занимается Stalin в Вологде? Вологодскую жандармерию этот вопрос весьма волнует.

Живет он очень бедно, почти убого. Последнее его жилище - крохотная комната в сохранившемся ныне доме. Когда Stalin бежал из Вологды, полицейским приставом была сделана опись брошенного им имущества: одна простыня, одна наволочка, одно полотенце, поношенный шарф и т.д.

Stalin и к людям относился как к вещам, определяя лишь, нужны они ему или не нужны.

А как же женщины?

В Вологде бытовало немало слухов о любовных похождениях будущего генералиссимуса. Но в филерских донесениях, имеющих отношение к Stalinу, встречается лишь одна женщина (филеры дали ей кличку «Нарядная»). Все эти донесения находятся не в деле Джугашвили, а в деле Чижикова. И не случайно.

Обстоятельства таковы... Однажды в Вологде появилась какая-то приезжая барышня, которая поселилась в квартире Чижикова. Она сразу же попадает в филерские донесения:

«21 августа 1911 года.

В 11 ч. утра в квартиру «Кузнеца» пришел «Кавказец», через 45 мин. вышел с «Кузнецом» и неизвестной барышней. И все трое пошли в Детский сад, посидели 50 мин., пошли на Красный и Новый мосты и, дойдя до государственного банка, расстались. «Кузнец» и «Кавказец» пошли на Соборную горку без наблюдений, а барышня проведена в дом Беляева по М. Екатерининской ул.

...Приметы барышни: роста среднего, лет 23, интеллигентна, темные густые волосы, чистое лицо, правильного телосложения, походка ровная. Одета в черный полусак, черная юбка, модная спереди, красная сзади, черная отделка шляпы, особых примет нет.

Шибалов».

«22 августа.

«Кавказец» и барышня пошли под наблюдением Шибалова. «Нарядная» проживает, по-видимому, в доме Беспалова - в квартире «Кузнеца» и должна, видимо, быть приезжая.

Шибалов».

«23 августа 1911 года.

В 10 ч. 15 мин. «Кавказец» вышел из дома, проведен в д. Беспалова по Кузнецкой ул., где проживает «Кузнец», где пробыл 1 ч. 15 мин., вышел «Кавказец» и «Нарядная» и пошли в дом Бобровой... В 7 ч. вечера «Кавказец» вышел из своей квартиры и вторично пошел в квартиру «Кузнеца», в 7 ч. 30 мин. вечера «Кузнец» пришел в свою квартиру под наблюдением Шибалова».

«26 августа.

Пошли в дом Беспалова в кв. «Нарядной», где пробыл 4 ч., вышел «Кавказец» и «Нарядная» и пошли в Детский сад...»

«31 августа 1911 г.

В 10 ч. 40 мин. утра «Кавказец» вышел из своей квартиры и пошел в дом Беспаловой по Кузнецкой ул., в квартиру «Нарядной» и «Кузнеца», через 2 часа вышел с «Нарядной» и пошел в дом Бобровой по М. Козленской (видимо, обедать), через 15 мин. туда же пришел «Кузнец», где пробыл 40 мин., вышли все трое. В 7 час. вечера «Кавказец» вышел вторично из своей квартиры и проведен в дом Беспаловой в квартиру «Нарядной» и «Кузнеца», через 1 час 30 мин. в свою квартиру пришел «Кузнец». «Кавказец» пробыл 2 ч., вышел и пошел домой, где и был оставлен.

Шибалов».

Итак, к Чижикову приехала неизвестная молодая, модно одетая женщина. Но тут появляется Сталин. Он начинает приходить к «Нарядной» каждый день, а то и по два раза в день. Так как Чижиков работает приказчиком и его целыми днями нет дома, Сталин и «Нарядная» все чаще встречаются в его отсутствие. Они также много гуляют вдвоем. А фильтры фиксируют все их встречи.

Таких фильтрских донесений о «Кавказце» и «Нарядной» около трех десятков.

Чем же все это кончается? Собственно, ничем. Как уже говорилось, 6 сентября 1911 года Сталин предпринимает свой первый неудачный побег из Вологды.

А «Нарядная»? Она вскоре отбыла из города, уплыла на пароходе.

В фильтрском донесении Мухина сообщается:

«11 сентября 1911 г. в 8 ч. вечера «Кузнец» и «Нарядная» вышли, взяли извозчика и поехали на пристань Северного пароходства общества, где «Нарядная» взяла билет и отправилась на пароходе «Яренск», но билет узнать не представляется возможным...»

И все, казалось бы: уплыла «Нарядная», растворилась в неизвестности, не обессмертила своего имени отношениями со Сталиным. Но уже в советское время в Вологде возникли многочисленные слухи о местном любовном романе Сталина. И власти решили секретно расследовать это «дело».

В 1948 году были предприняты энергичные меры по сбору сведений о том, кто такая «Нарядная». В результате это было установлено и зафиксировано в такой справке:

«Нарядная». Пелагея Георгиевна Ануфриева (после 1917 г. Фомина).

Под кличкой «Нарядная» значится по документам Вологодского жандармского управления в 1911 г. В ряде донесений фильтров в жандармское управление сообщается о ее встречах с И.В. Сталиным. Ануфриева в 1911 г. – ученица Тотемской гимназии. Участвовала в революционном движении. Была близким другом Чижикова Петра Алексеевича в период, когда Чижиков отбывал ссылку в гор. Тотьме. И когда Чижиков жил в Вологде, Ануфриева приезжала к Чижикову и жила у него. В это время она встречалась с И.В. Сталиным и таким образом попала в сферу наблюдения фильтров, наблюдавших за И.В. Сталиным.

После революции 1917 года Ануфриева вышла замуж, изменила фамилию и совершенно прекратила участие в политической деятельности.

В 1948 году ее муж осужден на 15 лет за контрреволюционную деятельность.

Научный работник облархива Лысанова».

Сохранилось и сообщение директора Тотемского музея И. Черницина и научного сотрудника В. Величутина в обком партии: «В результате проведенной работы по выявлению личности Пелагеи Ануфриевой нами установлено следующее: Ануфриева Пелагея Георгиевна, действительно, училась в Тотемской гимназии в 1910-1911 гг. и квартировала у граждан Копытовых в доме № 6 по Дмитриевской улице (ныне улица Молотова, д. № 6).

Ануфриева Пелагея Георгиевна родом была из Сольвычегодского уезда, из местности Ягрыш (очевидно, Ягрышской волости), из деревни Усть-Рги. Происходила она из зажиточной крестьянской семьи: отец ее был торговец. Ануфриева П.Г. с молодых лет сочувственно относилась к политическим ссыльным и сама была человеком революционно настроенным. За такое поведение Пелагею Георгиевну ее родители притесняли. Эти обстоятельства заставили ее уехать из родных мест получать образование в город Тотьму, в тотемскую гимназию.

Пелагея Георгиевна была человеком начитанным, ее культурный и политический кругозор был во многом значительно шире, чем у всех остальных учениц гимназии. Пелагея Георгиевна не ладила с попами - преподавателями «закона божия» Николаем Петрушевым и Марком Вознесенским. Известно, что Пелагея Георгиевна имела связи с политическими ссыльными г. Тотьмы и с тов. Сталиным по Сольвычегодску и Вологде. За революционные настроения Пелагею Георгиевну преследовали полиция и начальство гимназии. В результате преследования Пелагея Георгиевна вынуждена была оставить тотемскую гимназию и переехать в г. Вологду. Чем занималась она в Вологде, нам неизвестно.

10/VII-48 г.»

Существуют также сведения, что Сталин якобы подарил Ануфриевой книгу «Очерки по истории литературы» с надписью, а также прислал ей в 1912 году письмо из Петербурга и что эти «реликвии» она передала сотруднику ИМЛ в Москву.

А «итоговый» документ об Ануфриевой выглядит так:

«Секретарю Областного Комитета ВКП(б) тов. Дербинову от на-

П.Г. Ануфриева-Фомина (слева) в Вологде с родными. 30-е гг.

вала о том, как тов. Сталин готовился к побегу из Вологды...

После всех разговоров на эту тему я ей задала ряд вопросов о том, как она живет. Она ответила: «Очень плохо. Вот нас пять человек семьи: дочь, и у дочери двое маленьких детей, и сын, приехавший на каникулы (студент Ленинградского железнодорожного института), живем в одной комнате на совместном жительстве: двое хозяев и пять человек семья Ануфриевой-Фоминой». На мой вопрос: «Почему у вас нет квартиры?» - Фомина ответила, что они жили в квартире нефтесклада, после ареста мужа, которого осудили на 10 лет по 58 ст. п. 10, их с квартиры выселили и вот временно приютили здесь.

Виновность мужа она категорически отрицает. В общем, настроение у нее очень плохое. В разговорах проскальзывала мысль, что вот не писала, но, может, и соберусь написать, хотя ясно она это не говорит. Получается, по-моему, у ней так, что она, видимо, обдумывает это дело. Обо всем этом считаю необходимым поставить Вас в известность.

Лысанова.

23/VII-1948 г.».

учного работника Облпартархива Лысановой.

Несколько дней тому назад с целью более полного изучения о пребывании тов. Сталина в Вологодской ссылке мною были предприняты меры к розыску личной знакомой тов. Сталина Ануфриевой Пелагеи Георгиевны. Ануфриева фигурирует в документах жандармского управления по связям тов. Сталина под кличкой «Нарядная».

После некоторых поисков мне удалось установить, что она проживает в Вологде. 21 июля я пришла к ней на квартиру. В процессе беседы она рассказывала некоторые встречи с тов. Сталиным, разговоры с ним. И также рассказы-

Думается, эти документы очень характерны для сталинского времени. Обратите внимание: у Ануфриевой репрессирован муж, она живет в тяжелых условиях. Но к Сталину не обращается. Видимо, боится.

Можно себе представить то трагикомическое положение, в которое попало вологодское обкомовское начальство. С одной стороны, вроде бы есть повод бить в колокола: нашлась личная знакомая великого Сталина. А с другой - полный конфуз: живет она в ужасных условиях, и, главное, муж ее - «враг народа». Сюжет, достойный отдельной трагикомедии!

Хотелось бы обратить внимание на еще один документ, относящийся к Чижикову и хранящийся в Вологодском областном архиве. Это его объяснительная записка вологодской полиции.

Появилась она при следующих обстоятельствах... Как уже говорилось, Stalin в 1911 году бежал в Петербург с паспортом Чижикова и жил некоторое время под его фамилией. Когда обман раскрылся, власти потребовали от подлинного владельца паспорта объяснения. Чижиков сначала заявил, что потерял паспорт. А затем в своей объяснительной записке (это и есть сохранившийся документ) пишет, что он не давал Джугашвили своего паспорта. Джугашвили, мол, сам незаметно взял его со стола.

Хочу подчеркнуть, что вовсе не утверждаю, будто Stalin украл паспорт Чижикова. Тот мог пойти на это обвинение, чтобы как-то оправдаться. Но само по себе это тоже характеризует и молодого Сталина. Его можно было обвинить... в воровстве.

Могла ли полиция предполагать, что Джугашвили устроит побег? Конечно. Начальник Вологодского жандармского управления писал в департамент полиции:

«Принимая во внимание, что Джугашвили очень осторожен и вследствие этого наблюдением легко может быть потерян, являлось бы лучшим производство обыска и арест его нынче же в Вологде, ввиду чего и прошу сообщить, не имеется ли в Вашем распоряжении таких данных о Джугашвили, которые могли бы быть предъявлены к нему по возбуждению о нем дела, и не имеется ли препятствий с вашей стороны к обыску...». И с озабоченностью добавил: «...на благоприятные результаты обыска у него в Вологде рассчитывать нельзя, ввиду его крайне конспиративного образа действий».

Итак, Сталин очень осторожен, он не дает полиции малейшего повода для обыска или ареста. Жандармы и хотели бы его арестовать, но не имеют права нарушить закон. Невольно сравниваешь с тем, что будет впоследствии: любой закон станет пустой фикцией для самого Сталина, который создаст мир полного беззакония и произвола. А пока в вологодской ссылке он находится под защитой законов Российской империи.

Но вот в августе 1911 года в Вологду из Москвы поступает важный документ, показывающий поведение Сталина вроде бы в совсем ином свете:

«МВД. Начальник отделения по охране общественной безопасности и порядка в гор. Москве.

17 августа 1911 г. № 26099, г. Москва.

В Волог. губ. жанд. управление. Совершенно секретно. Личное.

Согласно имеющихся во вверенном мне отделении повторных и заслуживающих доверия указаний секретной агентуры, в г. Вологде в настоящее время проживает отбывающий или уже отбывший срок административной высылки активный и весьма серьезный деятель Российской социал-демократической рабочей партии, носящий псевдоним «Коба». Названный «Коба» вошел в непосредственное сношение с заграничным партийным центром и ныне получил уже предложение приехать за границу для соответствующего инструктирования и исполнения обязанностей разъездного агента ЦК. Для сношения с названным «Кобой» служит следующий адрес: «Гор. Вологда, магазин Ишмемягова, Петру Алексеевичу Чижикову»; по этому же адресу будут высланы и необходимые для путевых расходов «Кобы» денежные средства. Тождественны ли «Коба» и «Чижиков», установить не представляется возможным. Сообщая о вышеизложенном на распоряжение Вашего высокоблагородия, прошу в случае выяснения личности «Кобы» сообщить все имеющиеся в Вашем распоряжении о нем сведения и, если представится, его фотографическую карточку».

Московская полиция не знает, «тождественны» ли Коба и Чижиков. Но в целом она знает больше вологодской полиции. По ее сведениям выходит, что Stalin, используя Чижикова, поддерживает связь с заграничным центром партии и, видимо, готовит побег за границу. Но верны ли эти полицейские сведения? Нет ли в них преувеличения? Они, конечно, не могли возникнуть на пустом месте. Указания секретной агентуры были на чем-то основаны. И по документам складывается впечатление, что Stalin действительно готовил побег, но только не за границу, а в Петербург. Таково мое предположение.

Видимо, Сталин считал, что бдительность полиции усыпана и наступил удобный момент...

И он бежит в Петербург (вспомним, что приезд в столицу ему был запрещен). Произошло это 6 сентября 1911 года.

Вот что доносил об этом вологодский филер Ильчуков:

«Кавказец» проживает в доме Беляевой на Екатерининской улице. В 3 часа 45 минут «Кавказец» пришел на вокзал с вещами - небольшой чемодан и узел с постельной принадлежностью, и вошел в вагон III класса в поезд № 3, отходящий на С.-Петербург, оставил означеный багаж в вагоне, а сам вышел на платформу. Тут же подошел к «Кавказцу» «Кузнец». Перед отходом поезда «Кузнец» простился с «Кавказцем» и ушел с платформы по направлению в город, а «Кавказец» с означенным поездом выехал в Петербург. На станции Чебсара во время остановки поезда «Кавказец» выходил из вагона с неизвестным мужчиной, на станции Череповец тоже выходил из вагона с тем же неизвестным. По приходе поезда в г. С.-Петербург «Кавказец» и неизвестный были переданы для дальнейшего наблюдения петербургскому филеру Полудеткину».

Так будущий генералиссимус под наблюдением вологодского шпика доехал до Петербурга.

Побег оказался неудачным. Жандармы шли по следу «Кавказца». Ему грозил новый арест.

СНОВА В ВОЛОГДЕ, СНОВА ПОБЕГ

Вологда, 25 декабря 1911 года. Что происходило в этот день в нашем городе? Обратимся к газете «Вологодский листок».

Наступил канун Рождества, и газета пишет:

«С завтрашнего дня Вологда вступает в сезон святочных развлечений. Последними пестрят афиши и объявления. Приняты все меры к тому, чтобы скучающий и страдающий «будничной» ипохондрией обыватель провел весело и приятно время святок. Доминирующее место среди развлечений занимают танцевальные номера. В Вологде танцевать любят, танцуют с увлечением, до упаду и не только ногами, но одновременно и сердцем...» Потому в залах Дворянского собрания бал с ужином в час ночи, а в обществе приказчиков три вечера подряд маскарад. Развлечений немало: в Вологду приезжают с гастролями известные артисты из Москвы и Петербурга.

И конечно, «Вологодский листок» пестрит рекламой гастрономических деликатесов. Об этом заметка «Немного статистики»:

«Судя по примеру прошлых лет, в первый день Рождества... будет истреблено 2500 бутылок водки и 5200 бутылок разного вина и съедено, не считая мелочи, 1000 окороков. Местные врачи потирают руки, предвкушая быстрое поднятие практики».

Естественно, все эти празднества, гастрономия, развлечения - для дворянско-чиновничьей и купеческой Вологды.

«Вологодский листок» сообщает также о приезде в город «на короткое время» известной хиромантки, определяющей судьбу по линиям рук... И никто, кроме жандармов, не знает, что именно в этот день, 25 декабря, в Вологду прибыл вновь под гласный надзор полиции политический ссыльный И.В. Джугашвили. И нет, не предскажет известная хиромантка, что именно ему, этому ссыльному, предстоит определить в будущем судьбу государства. Никто тогда не мог представить себе масштаб личности этого человека...

Как уже сообщалось, Сталин нелегально прибыл в Петербург 7 сентября 1911 года. В кармане он имел паспорт П.А. Чижикова и пытался укрыться под фамилией своего вологодского знакомого. Но жандармы уже следили за ним.

9 сентября Сталин был арестован и отправлен в Петербургский дом предварительного заключения. И последовал приговор: ссылка под гласный надзор полиции сроком на три года.

Сталину снова было предоставлено право выбора города. И он снова выбрал Вологду.

Донесение Вологодского полицмейстера начальнику Вологодского жандармского управления, 27 декабря 1911 года:

«Секретно.

Состоящий под гласным надзором полиции крестьянин Тифлисской губернии, Тифлисского уезда, села Диши-Лило Иосиф Виссарионович Джугашвили 25 декабря прибыл из С.-Петербурга в избранное место жительства гор. Вологду».

Итак, Сталин снова в Вологде. Но положение его изменилось: теперь он не только негласно, но и гласно под надзором. И из Вологды не имеет права выезжать целых три года.

Как же складывалась теперь его вологодская жизнь?

Вот воспоминания вологжанки С.П. Крюковой (они были опубликованы в тридцатые годы в газете «Красный Север»):

«В сентябре 1911 года я поступила учиться шить к вологодской портнихе А.А. Корпусовой. Хозяева арендовали второй этаж деревянного дома по Золотушной набережной (теперь улица Осоавиахима, № 4). В декабре этого же года хозяйка решила сдать маленькую комнату на втором этаже с одним окном, выходящим на двор. В тот же день, когда было вывешено объявление о сдаче комнаты, зашел мужчина среднего роста. Вошедший справился о сдаче комнаты и, осмотрев ее, сказал, что для него она будет хороша. Хозяйка спросила за комнату три рубля в месяц. Он согласился и поселился жить.

Квартирант сказал, что он является политическим ссыльным, зовут его Иосиф Виссарионович Джугашвили. Вещей у него было немного: постельные принадлежности и чемодан с книгами.

Целыми днями Джугашвили дома не было, он уходил в город и возвращался часов в 10-11 вечера. Мне часто приходилось работать до 3-4 часов ночи, и видела, что Джугашвили много читал, писал, ходил по комнате, раскуривая трубку. На маленьком столике в комнате у него всегда лежало несколько книг, которые он приносил из городской библиотеки, были книги и на грузинском языке».

Более подробно речь о том, как жил Сталин в квартире Корпусовых, каковы были его отношения с хозяевами, какими являлись бытовые условия, пойдет далее в воспоминаниях той же Крюковой. Прошу лишь обратить внимание на любопытную деталь - Сталин был квартирантом у жандарма.

Вологжанка Н.В. Донова сообщила мне, что ее мама Мария Мефодьевна в молодости дружила с дочерью Корпусовых, бывала в их доме, видела Сталина и даже общалась с ним.

Мария Мефодьевна рассказывала дочери, что она, бывая в доме Корпусовых у своей подруги, видела Сталина несколько раз. И он ничем особым не выделялся. Никакого особого впечатления не производил, и угадать в нем не только великого, но и даже выдающегося человека было невозможно. Говорил он немного и с большим грузинским акцентом. Однажды заступался за деревенскую девушку Софию (Софья Павловна Крюкова, о ней речь уже шла и далее еще пойдет), которая была взята в дом в качестве ученицы портнихи, но использовалась как прислуга, что, по мнению Сталина, было неправильно. Подробнее об этом будет рассказано в воспоминаниях самой Крюковой.

А как-то раз Сталин напросился к Марии Мефодьевне в компанию. Была ярмарка, которая всегда проходила в Вологде как праздник.

И девушки (Мария Мефодьевна и ее подруга, дочка Корпусовых) собрались на ярмарку. К Сталину зашел какой-то его знакомый. И Stalin сказал девушкам: «Дамочки, возьмите нас с собой». И девушки их с собой взяли.

Покатались на карусели, погуляли, Stalin ухаживал за своей спутницей. Но потом внезапно исчез. На этом их отношения и закончились...

То, что ее бывший знакомый стал великим вождем, Марию Мефодьевну не переставало удивлять до конца жизни.

Как ни странно, запись рассказов вологодских очевидцев, знавших Сталина, в основном была сделана уже после войны, и рассказы эти были засекречены. Рассказ же Марии Мефодьевны остался не записан. Возможно потому, что семья Доновых, известная в Вологде своими революционными и трудовыми традициями, в тридцатые годы была репрессирована.

Но вернемся к времени вологодской ссылки Сталина. После его побега в Петербург и вторичного прибытия в Вологду местная полиция начеку и ведет за ним усиленное наблюдение. Однако Stalin себя ничем не проявляет, в местной политической жизни не участвует, ни в одном из революционных действий не замешан. И филерам постепенно следить за ним становится даже скучно: невозможно отличиться. И по тону донесений видно - филеры начинают небрежничать.

Вот одно из донесений:

«4 января. Начато в 9 ч. 15 м. утра, окончено в 8 ч. 40 м. вечера.

«Кавказец» проживает по Золотушной набережной в доме № 27. В 11 ч. 10 м. наблюдаемый вышел из своей квартиры на Кирилловскую ул., на Гостинодворскую и на Московскую ул., ввиду невозможности вести дальнейшие наблюдения был потерян, - более наблюдающего не видели.

Мухин, Шибалов».

Чувствуется, что вологодские шпики Мухин и Шибалов вели наблюдение с ленцой, ни на что не надеяясь.

А вот более подробное донесение:

«8 января. Наблюдение начато в 10 ч. утра, окончено в 8 ч. 40 м. вечера.

В 11 ч. 20 м. дня «Кавказец» из дома вышел и проведен в дом Беспалова по Кузнецкой ул., где квартирует «Кузнец», где пробыл 1 ч. 15 м.,

вышли вместе с «Кузнецом» и пошли в почтово-телеграфную контору, через 10 м. вышли, «Кузнец» имел в руках газету или журнал, по-видимому, полученную с почты, проведены в дом Артемова по Засодимской ул., где продаются домашние обеды. Через 35 м. вышли и проведены в пивную лавку Воденко на Кирилловской ул., через 40 м. вышли и тут же были за невозможностью из виду утеряны. В 5 ч. 40 м. вечера «Кавказец» пришел домой. Ильчуков, Мухин».

В тот день за Сталиным следили более тщательно, но результатов также никаких нет. Stalin снова ничего сомнительного, с точки зрения полиции, не совершает, общается опять же главным образом с «Кузнецом», то есть с П. Чижиковым.

И подобных донесений сохранилось немало. Не дано было знать вологодским шпирам, что в жизни Сталина происходят важные события и что происходят они далеко за пределами Вологды. В январе 1912 года на шестой (Пражской) общепартийной конференции Stalin был кооптирован в состав Центрального Комитета партии большевиков. Он входит в так называемое Русское бюро ЦК, которое должно заниматься организацией практической революционной работы в России.

Но Stalin - в ссылке, в вологодской глупи, и Lenin запрашивает ЦК: «От Ивановича ничего - что он? Где он?»

Иванович - напомню, одна из партийных кличек Джугашвили. «Stalin находился в ссылке, - сказано в «Краткой биографии И.В. Сталина», - надо было организовать его побег. К Stalinу в Вологду приезжает Серго Орджоникидзе, информирует его о решениях Пражской конференции».

Приезд в Вологду видного деятеля партии Серго Орджоникидзе и встреча его здесь со Stalinом - крупное событие. А что же вологодская полиция? Прозевала приезд Орджоникидзе? Не поняла, кто приезжал в Вологду? Неизвестно. Во всяком случае, никаких документов об этом обнаружить мне не удалось.

Вот единственное донесение, относящееся к этому времени, о встрече Stalin с каким-то неизвестным. Возможно, это Орджоникидзе, но не исключено, что и не он (внешние приметы совпадают не вполне).

«18 февраля 1912 года «Кавказец» проживает в доме Гаврилова по Леонтьевскому ручью. С 9 ч. 30 м. до 8 ч. 40 м. вечера.

В 2 ч. 10 м. дня «Кавказец» с неизвестным мужчиной были взяты на Архангельской улице и пошли на Кирилловскую ул. на Красный

мост и, дойдя до торговых бань Назарова, вернулись обратно и про- ведены в Кавказскую виноторговлю.

Приметы неизвестного: роста среднего, около 28 лет, интеллигент, бороду бреет, небольшие усы, темный шатен, продолговатое лицо, правильного телосложения, одет в черное с барашковым воротником пальто, черные навыпуск брюки и на голове черный котелок...»

Кто этот неизвестный, осталось неясным. Непрофессионально работали вологодские фильтры: даже личность установить не могли.

А Серго Орджоникидзе впоследствии напишет Ленину о своей вологодской поездке: «Ездил к Ивановичу. Окончательно с ним столковались. Он остается доволен исходом дела. Извещение произвело великолепное впечатление».

Итак, на Сталина весть об избрании его в ЦК произвела «великолепное впечатление». И следует его новый побег из Вологды...

Вот донесение пристава 3-го участка в Вологодское городское полицейское управление от 29 февраля 1912 года:

«Состоящий под гласным надзором полиции в доме наследников Гаврилова на Леонтьевском ручье вверенного мне участка политический ссыльный из крестьян Тифлисской губ. Иосиф Виссарионович Джугашвили в ночь на сие число около 2 часов ночи, без надлежащего разрешения, забрав часть ценного своего имущества, выбыл из гор. Вологды неизвестно куда, будто бы по своим делам на одну неделю».

И донесение Вологодского жандармского управления начальнику Петербургского охранного отделения от 6 марта 1912 года: «Высланный из С.-Петербурга и подчиненный вновь гласному надзору полиции в избранном им месте жительства - городе Вологде, известный вверенному Вам охранному отделению крестьянин Тифлисской губернии и уезда, села Диди-Лило Иосиф Виссарионович Джугашвили 29 минувшего февраля скрылся из Вологды неизвестно куда, по предположению в одну из столиц».

Так оно и было. Stalin сначала бежал в Москву, а затем перебрался в Петербург.

Таким образом след Сталина был потерян. А дело в вологодской жандармерии на него было закрыто. Оно сохранилось до сих пор и за- канчивается обобщающей как бы анкетой о личности и деятельности политссыльного И.В. Джугашвили. Приведу эту анкету (в деле она называется «Сведения») с некоторыми сокращениями:

«Сведения

о лице, состоящем членом партии социал-демократов, имеющиеся в Вологодском Губернском Жандармском Управлении с 20 августа месяца 1911 года.

Фамилия, имя и отчество: Джугашвили Иосиф Виссарионович. Кличка наблюдения по городу «Кавказец».

Кружковое прозвище: «Коба», «Соко» и «Чопур». Звание: Крестянин Тифлисской губернии и уезда, села Диди-Лилю.

Занятие: определенных занятий не имеет (конторщик-бухгалтер).

Лет, вероисповедание: православного, лет 30-34-х.

Приметы: роста среднего, волосы черные, глаза карие, лоб низкий, нос прямой, большой, усы темно-русые, бороду бреет...

За революционную деятельность вновь выслан в Вологодскую губернию под гласный надзор полиции на три года, с 5 декабря 1911 года.

9 февраля 1912 года скрылся из г. Вологды неизвестно куда».

В этом документе удивляет неполнота сведений о Сталине. Ведь жандармы даже не знают, сколько точно лет Джугашвили, и это их не интересует.

О вологодской ссылке Сталина есть упоминание в знаменитом романе А.И. Солженицына «В круге первом».

Солженицын пишет об этом так: «Его, непримиримого, неутомимого бунтаря, загнали... в город Вологду, где он поселился на квартире полицейского и поездом за одну ночь мог доехать до Петербурга».

Здесь все у Солженицына фактически верно - до деталей. Верно и то, что Солженицын пишет о приезде к Сталину в Вологду Орджоникидзе: «Февральским вечером девятьсот двенадцатого года приехал к нему в Вологду из Праги младший бакинский его сотоварищ Орджоникидзе, тряс за плечи и кричал: «Соко! Соко! Тебя кооптировали в ЦК». Действительно, Орджоникидзе приезжал в Вологду именно в феврале и привез Сталину радостную для него весть о кооптировании в ЦК партии.

Но затем Солженицын пишет: «Утром они пошли на станцию и поехали в Петербург. Там схватили их». Вот это неточно. В действительности Орджоникидзе благополучно уехал в Петербург один. А Сталин бежал из Вологды 29 февраля в Москву и лишь затем перебрался в Петербург, где и был арестован.

Так что и у великого писателя могут быть неточности. В масштабных исторических повествованиях их практически не избежать. Не забудем - перед нами роман, не исследовательское, а художественное произведение. И главное, что в романе облик Сталина нарисован с огромной разоблачительной силой, с большим писательским мастерством.

И все же кое о чем с писателем можно поспорить. Солженицын считает (или по крайней мере считал) молодого Сталина и революционером, и агентом охранки одновременно. Такая версия существует. Ее придерживается и В.И. Белов в «Годе великого перелома».

Эта версия возникла давно, поддерживалась публикациями за рубежом и имеет некоторое отношение к северной ссылке Сталина. Впервые в советской печати с осторожностью о ней было сказано в материале А. Лабезникова «Линии судьбы». Автор писал, касаясь ранее запретной темы, что он имел «разговор с Борисом Ивановичем Ивановым, членом партии с 1904 года. В 1935 и 1936 годах комсомольцы Сольвычегодска совершили лыжный пробег Сольвычегодск - Москва. Лыжники пришли в «Комсомолку», принеся ворох материалов о пребывании Сталина в ссылке. В документах упоминался и питерский рабочий-булочник Б.И. Иванов. Тогда я обратился к нему - он был председателем ЦК профсоюза рабочих хлебобулочной промышленности, жил в Доме правительства. Показал ему документы и услышал:

- Действительно, я был в ссылке, жил в Курейке с Джугашвили. Все время, пока он находился там, в нашей маленькой колонии большевиков постоянно случались провалы. Мы решили поговорить начистоту, так сказать, по «гамбургскому счету». Назначили день собрания большевиков Курейки, но Джугашвили на него не явился. А назавтра мы узнали, что он исчез из Курейки - ушел в побег, а до первого поселения пятьсот верст. Такой побег можно было совершить только с помощью властей.

Эти слова ошеломили меня - они были сказаны в 1935-1936 годах» («Советская культура» от 16.VI, 1988 г.)

Но когда я в своих газетных публикациях в 1988 году попытался сказать о том же самом, то в Вологде это посчитали подлинной крамолой. Собственно, я не пытался доказать, что Stalin являлся агентом охранки, а написал о том, что такая версия существует. У меня возникли тогда серьезные неприятности, меня обвиняли в распространении ложных сенсаций. Но впоследствии в печати прошла

целая дискуссия об этом (журналы «Вопросы истории» и «Родина», газеты «Московская правда», «Комсомольская правда» и другие).

И хотелось бы сегодня, когда улеглись страсти, подчеркнуть, что я согласен с мнением большинства участников прошедшей дискуссии: какие-то неясности в биографии Сталина имеются, но доказать документально, что он был агентом охранки, нельзя.

А вологодские материалы ни малейшего намека на связь его с полицией не содержат. Более того, в этих материалах ссылочный Джугашвили неизменно рассматривается как политический противник, за которым тщательный полицейский надзор был необходим.

Казалось бы, вопрос можно считать исчерпанным, но я хотел бы обратить внимание на еще одну версию. Она высказана в статье историка А. Островского «Кто стоял за спиной Сталина?» (альманах «Из глубины времен» № 1, вышел в 1992 году в Санкт-Петербурге). Автор статьи несколько лет назад жил и преподавал в Вологде и для доказательства своей версии использует в том числе материалы вологодских архивов.

Какова же точка зрения А. Островского? Он считает, что в биографии Джугашвили, в период его арестов, имеются такие «белые пятна», которые «невольно рождают самые худшие подозрения и придают убедительность версии о связях Сталина с царской охранкой». Притом автор ссылается на документы вологодской ссылки. Он обращает внимание на какие-то непонятные льготы, которые имел Джугашвили в этой ссылке, а также на противоречивые факты о пребывании его в Вологодской губернии.

К примеру, когда в 1908 году в Баку Джугашвили арестовали, в полицию поступили многие сведения о его революционной деятельности: обнаружена подпольная типография, найдены партийные документы. «Означенные рукописи, - сообщил начальник Бакинского охранного отделения П.П. Мартынов, - послужат к изобличению арестованных мною ранее Спандаряна, Иосифа Джугашвили...». Но ротмистр П.П. Мартынов торжествовал напрасно» (А. Островский). Никаких изменений в ходе дела Джугашвили не последовало. Он не несет никакого наказания. Его, как уже говорилось, просто сослали в Вологодскую губернию, не проведя ни доследования, ни ужесточения мер.

Далее, в период его соловьевческой ссылки есть противоречивые сведения о пребывании Джугашвили в Петербурге. Далеко не все ясно с его пребыванием в Вологде. Когда 26 сентября 1911 года

Джугашвили бежал из Сольвычегодска в Петербург, его арестовали, ему грозила ссылка в Сибирь на пять лет. Однако его снова лишь возвращают в Вологодскую губернию. Не странно ли, что политссыльный пользуется такими «льготами»?

А. Островский выдвигает объяснение. По его мнению, в предреволюционный период в высших эшелонах власти и полиции уже имелись и отдельные лица, и целые «прослойки» лиц, тайно сочувствовавших революционерам. «Складывается впечатление, что у Сталина (он в этом отношении не одинок) имелись очень влиятельные покровители, которые хотя и не могли отводить от него сыпавшиеся удары, но зато имели возможность их парализовать».

Возможно ли подобное? Если сравнить с современными событиями, то это на самом деле выглядит логично. Вспомним на примере наших дней - даже в КГБ имелись работники, сочувствовавшие диссидентам и помогавшие им, а в высших партийных кругах постепенно складывалось ядро реформаторов, быстро пришедших к антикоммунизму.

И в этом плане точка зрения А. Островского кажется интересной и логичной. Но, безусловно, все это не объясняет полностью многих загадок, связанных со Сталиным.

Обращусь теперь к воспоминаниям современников, знавших Сталина по вологодской ссылке. Они записаны уже в советское время, в 30-40-е годы, хранятся в Вологодском архиве новейшей политической истории.

К ним относятся и уже приведенные материалы о П.Г. Ануфриевой. Правда, она сама лично ни строчки воспоминаний о Сталине не написала. Записи были сделаны с ее слов, и в них не столько о великом вожде, сколько о ней самой. Безусловно, П.Г. Ануфриева могла бы многое рассказать о Сталине, о встречах с ним, ведь, судя по материалам, была умна, грамотна. Но она не сделала этого.

А вот другая женщина, бывшая ученица и прислуга хозяйки дома, где жил Stalin, Софья Павловна Крюкова оставила для потомков обширнейшие воспоминания, которые составляют целое дело и могли бы быть по объему книгой.

До 1934 года С.П. Крюкова по своей малограмотности даже не знала, что великий Stalin и жилец, квартировавший в доме Корпусовых, - одно и то же лицо. Но узнав об этом и войдя во вкус, она с

помощью музейных работников неоднократно записывала свои воспоминания, все более и более расширяя их и приводя новые бытовые детали и подробности. Каждый раз это был как бы вполне самостоятельный рассказ, хотя и с повторами ранее сказанного.

По словам С.П. Крюковой, жизнь у Сталина в доме Корпусовых была весьма непростая:

«Хозяин, у которого жил тов. Сталин, ненавидел товарища Сталина. Я не раз слышала, когда он говорил своей жене, что не надо бы пускать сюда в комнату ссыльного, и называл тов. Сталина безбожником. Хозяйка ему говорила, что не твое дело, кого я пустила жить, он мне за комнату хорошо платит. Но все же этот хозяин часто заходил в комнату товарища Сталина. В комнате тов. Сталина был поставлен столик хозяина, на котором он ложил свои газеты, которые читал. Над столом была икона, которой хозяин-жандарм ходил молиться, под видом молитвы проверял у тов. Сталина, что было на столе».

Разумеется, к сведениям С.П. Крюковой надо относиться с определенной долей осторожности. Но сообщаемые ею бытовые подробности вызывают определенный интерес. Вот некоторые из ее сообщений:

«В комнате была большая русская печка... эту печку хозяйка занимала, сушила дрова, утюги ставила, вся печка была занята хозяйствкой посудой. Утрами хозяйка готовит на кухне, идет в комнату Иосифа Виссарионовича за утюгами, за ведрами, стучит, не стесняясь, что Иосиф Виссарионович много работал вечером. А мне хозяйка запрещала входить в комнату, говорила: «Когда жилец дома, не заходи. Поменьше надо разговаривать с жильцом»

«Условия были очень тяжелые для тов. Сталина в этом доме. Вечерами было так жарко за печкой в комнатке Иосифа Виссарионовича, что лампы гасли. Хозяйка готовила суп, хлеб пекла, угар был всегда, форточки в комнате не было.

Хозяин-жандарм все время косится, ворчит, зачем живет жилец, политический ссыльный».

С.П. Крюкова настолько увлеклась воспоминаниями, что решила написать личное письмо «дорогому Иосифу Виссарионовичу»... Письмо получилось весьма обширным, но наверняка оно не дошло до адресата. Видимо, его переслали в обком партии, так как копия этого письма-воспоминания сохранилась в деле Крюковой.

По моему мнению, оно является самым интересным документом в этом деле и очень показательным для сталинского времени. Предла-

гаю его полностью вниманию читателей, так как ранее письмо никогда не публиковалось, поскольку имело шифр «секретно».

«Дорогой Иосиф Виссарионович! Я вспоминаю то время, когда Вы жили в городе Вологде (конечно, не по своей воле, а по неволе) в декабре 1911 года по февраль 1912 года на Золотушной набережной (в данное время улица Осоавиахима, дом № 41). Хозяином этой квартиры был отставной жандарм, а жена его портнихой, у которой я в то время училась шитью, мне было тогда 16 лет. В 1911 году в декабре у хозяйки сдавалась маленькая комната с одним окном, выходившим во двор. Она мне приказала налепить бумажку на стекло, что сдается комната. Я как сейчас вижу, когда Вы шли, Иосиф Виссарионович, смотреть комнату и как были одеты. На голове черная высокая шапка, черное ватное пальто, на ногах ботинки с низкими калошами. Когда вы посмотрели в окно той комнаты, которая сдавалась, я слышала, как Вы сказали: «Как раз для меня будет хороша». За эту комнату Вы платили 3 рубля в месяц.

Я часто видела, как Вы долго вечерами, до поздней ночи, писали, а днем уходили в город. Когда я приходила в Вашу комнату делать уборку, видела книги, которые лежали у Вас на столе. Книги Вы брали из городской библиотеки, некоторые были даже на иностранном языке. Я часто смотрела эти книги и очень хотелось знать, что там написано. Как-то Вы читали, и я Вас попросила прочитать вслух из книги по-Вашему. Помню, когда Вы прочитали, я сказала, что ничего не поняла. Тогда Вы прочитанное перевели на русский язык.

Хозяйка мне запрещала с Вами разговаривать, а мне хотелось знать, за что Вас сюда сослали, это я узнала из разговоров с хозяином. Я спросила: «Иосиф Виссарионович, за что Вас сюда, в Вологду, выслали?» Вы мне ответили, как помнится сейчас: «Да вот в газете резко написал, за это меня и выслали сюда в Вологду на 2 года». А Вы были в этом доме всего 43 дня.

В январе 1912 года в воскресенье хозяева мои ушли в гости, а меня оставили нянчиться с девочкой. В 11 часов вечера кто-то постучал; когда я открыла дверь, вошли Вы, Иосиф Виссарионович, и, как всегда, сели за работу и начали писать и читать. Я с ребенком вышла на кухню, Вы тоже пришли на кухню и спросили меня: «А что вы делаете в этом доме?» Я сказала: «Учусь шить у хозяйки». - «А если шить учитесь, нянчиться не должны». Я ответила, хозяйка приказывает нянчиться. Вы пошли к себе в комнату, говоря: «Ах! Так не должно быть». Эти слова, которые Вы сказали, на всю жизнь останутся в моей памяти.

В 1912 году, в феврале, хозяйка меня отпустила домой в деревню на 2-е суток. Я пошла, Вы были в этом доме, а когда пришла, Вы уже выбыли из этого дома. Мне очень жаль того, что я не могла помочь Вам и поучиться у Вас многому.

Я долго не знала, что И.В. Джугашвили одно и то же лицо, что и И.В. Сталин, поскольку была малограмотная, при Советской власти я научилась грамоте и узнала, что в 1911-1912 году в городе Вологде жил вождь мирового пролетариата великий Сталин (Иосиф Виссарионович Джугашвили). Когда я прочитала, то вспомнила о Вашем пребывании и сразу же пошла в Вологодский горсовет поделиться своей радостью и спросить, сохранилась в таком виде комната, в каком была во время Вашего пребывания в Вологде. В горсовете мне сказали: «Сходите в архив». Когда я пришла в архив и рассказала о всем, мне показали вид домика, в котором Вы жили, и спросили, узнали Вы этот дом, я сказала: «Как же не узнать, когда в нем жила 3 года». Тогда я спросила, сохранилась ли комната, в которой жил Иосиф Виссарионович, мне ответили, что комнату не нашли, поскольку хозяева умерли, у которых жил И.В. Сталин, а последние жильцы точно не знают, где он жил. Меня послали в Вологодский краеведческий музей. Когда я пришла туда, мне сказали, что нам очень ценно, будем знать комнату, в которой жил И.В. Сталин.

В 1937 году к дню Октябрьской революции домик, в котором Вы жили, стали восстанавливать, а мне в деревню из горсовета прислали извещение, что не желаю ли я выехать работать в этом домике в качестве сторожа и технички, а главное – дать точное указание, как было в комнате во время Вашего пребывания. Я дала согласие и выехала в Вологду и с радостью приняла участие по восстановлению Вашей комнаты, так как это очень хорошо сохранилось в моей памяти.

С 1937 года я работаю в этом домике-музее техничкой и буду работать так, чтобы посетители отзывались о нашей работе только на отлично, а главное – следить, чтобы было чисто и культурно в этом домике и хранить его как зеницу ока. При посещении домика-музея посетители часто меня просят рассказать о том, как Вы здесь жили и что делали. Я с великим удовольствием рассказываю все то, что у меня осталась в памяти о Вас, дорогой Иосиф Виссарионович!

Примите мое наилучшее пожелание, Иосиф Виссарионович.
27/III-1940.

Крюкова Софья Павловна».

Вот так писала С.П. Крюкова. Но никто из видных ссыльных, например, Аросев, автор многих книг, пьес, воспоминаний о революции, не написал ни слова о вологодской ссылке Сталина; нечего, видимо, было писать. А вскоре и писать стало некому: все были уничтожены.

Имеются любопытные сведения о Сталине в Вологде в воспоминаниях Н.С. Хрущева.

«Очень мне в душу запало, - вспоминал Н.С. Хрущев, - как Сталин рассказывал о первой своей высылке. Я сейчас не могу сказать, в каком это году было. Он был выслан куда-то в Вологодскую губернию. Туда много было выслано политических и много уголовных. Он нам несколько раз об этом рассказывал. Говорил: «Какие хорошие ребята были в ссылке в Вологодской губернии из уголовных. Я тогда сошелся с уголовными. Это были очень хорошие ребята. Мы, бывало, заходили в питейное заведение, смотрим, у кого есть там рубль или три рубля. Мы приклеивали к окну на стекло деньги, заказывали и пили, пока все не пропьем. Сегодня я плачу, завтра - другие, и так поочередно. Очень хорошие артельные ребята были уголовные. А вот политики, среди них много было сволочей. Что же они устроили? Они организовали товарищеский суд и судили меня за то, что я с уголовными пью».

Я уж не знаю, какой там был приговор этого товарищеского суда. Никто его об этом не спрашивал, а только переглядывались.

Потом мы обменивались: «Видите, он еще в молодости имел склонность к пьянству. Видимо, у него это было наследственное».

Сталин рассказывал о своем отце, что отец его был сапожником и очень пил».

Что это - товарищеский суд, пьянство Сталина с уголовниками в Вологде - миф, реальность? Придумать подобное Хрущев наверняка не мог. Но документально подтверждается лишь то, что Сталин не ладил с другими политссыльными.

Он, как можно предположить, уже тогда в Вологде являл собой человека фанатичного, одинокого, подозрительного, безразличного к конкретным живым людям. Со временем на вершине власти все эти черты приняли глобальный характер: одиночество его стало абсолютным, подозрительность - болезненной, самолюбие - безмерным, жестокость и безразличие к людям - нечеловеческими.

Конечно, Сталин допускал, что у него, как у Бебеля, могут быть мелкие ошибки: «Только мертвые не ошибаются». Какая характерная сталинская фраза, сказанная еще в то время...

II. СТАЛИНЩИНА НА ВОЛОГОДЧИНЕ

То, о чем я писал и пишу - трагедия. И ничем иным быть не может. Конечно, прежде всего - вологодская трагедия, написанная на местном материале. Но это не может быть чем-то только местным, краеведческим. Во всем, что происходило на Вологодчине, отразилась национальная трагедия.

Конечно, о сталинщине ныне создана обширнейшая литература, уже давно созданы такие выдающиеся литературные полотна, как «Архипелаг ГУЛАГ» А.И. Солженицына и «Колымские рассказы» нашего замечательного земляка вологжанина В.Т. Шаламова. Для меня не существенны их личные разногласия, я поклоняюсь им обоим, их литературному подвигу. Их творения - образец для меня. Многое я читал еще в рукописях, в самиздате.

Но меня, пожалуй, не менее потрясли рассказы, эти наполненные болью исповеди совсем не писателей, а простых, обыкновенных людей, выживших и прошедших сталинский ад. У меня было множество встреч с такими людьми, уже никого нет в живых, все ушли. И я понимал еще тогда, в конце 80-х, что они скоро уйдут, и торопился записать их рассказы или привести в литературный порядок то, что они написали сами. Рассказов и записей было очень много, приходилось что-то выбирать. Так создавалось еще в конце восьмидесятых это повествование, все углублялось и расширялось. Так для меня из отдельных рассказов и записей, из отдельных трагедий складывалась общая картина народной трагедии. Я дополнял их документами сталинской эпохи.

ГОРОД-ДЕТОУБИЙЦА

Вот выдержки из некоторых документов 1930 года - времени раскулачивания. «Многоуважаемый Всесоюзный староста Михаил Иванович Калинин. Мы, украинцы-переселенцы, живем в Вологде. Жизнь наша очень тяжелая... Нас было помещено в каждую церковь до 2000 человек, где были устроены нары до 3-х этажей, так что случилось сильное воспарение. Мы все остались больные после такого воздуха и сквозняка, дети до 14 лет падали как мухи... За полтора месяца на вологодском кладбище скончили три тысячи детей».

Невозможно без содрогания читать письмо Калинину от полит-

заключенных вологодской тюрьмы. Они просят расстрелять их, но помиловать детей. Дети томятся в переполненных камерах вместе с родителями, болеют и умирают. Помилуйте детей, они не виноваты ни в чем!

А простые граждане Вологды пишут Калинину, что лучше уж пристрелить детей, чем их так мучить. «Это не принесет никакой пользы строительству социализма. В настоящее время в Вологде помещается 35 тысяч человек. Они находятся в ужасных условиях, благодаря чему дети беспощадно болеют разными болезнями - оспой, скарлатиной, корью и умирают... Поэтому ничего не будет удивительного, если вы в скором времени услышите, что померли не только дети сосланных, но и все дети г. Вологды».

И сегодня, когда я прихожу в вологодские храмы (многие из них восстановлены и в них идут богослужения), мне мерещатся из всех углов мученические лица детей-страдальцев, погибших здесь.

Конечно, никаких ответов от тов. Калинина в Вологду не поступило. Собственно, Калинин ничего и не решал. За всем происходившим стоял Сталин. Это его, сталинская коллективизация превратила Вологду в город-детоубийцу.

ТИФОЗНЫЙ ХРАМ

Вологда снова стала местом ссылки с конца двадцатых годов. И это была уже массовая, несравнимая с прошлым ссылка.

1930 год - вершина трагедии русского крестьянства, оставившей заметный след и в истории нашего города. Вот один из архивных документов... Из резолюции Северного крайкома ВКП(б) от 1 апреля 1930 года: «Утвердить план размещения кулацких семей: Архангельский округ - 23,6 тысяч, Вологодский - 15 тысяч семей... Севкрайком ВКП(б) считает, что в основу расселения должна быть положена сельскохозяйственная колонизация преимущественно необжитых и слабо заселенных районов... Признать необходимым отпускаемое для них минимальное питание...»

Слово-то какое - колонизация! Оно возникает «из политики ликвидации кулачества как класса и решительного подавления противодействия кулачества и контрреволюционных элементов деревни» (это уже из другого постановления Севкрайкома).

И начинают поступать в Вологду спецпереселенцы. Они идут потоком из Оренбургской, Киевской, Одесской, Полтавской, Курской

и многих других губерний. И начинается «колонизация». Возникает даже странное учреждение - Вологодская колонизационная партия.

Вот некий архивный документ от 14 июля 1930 года: «Настоящим Вологодская колонизационная партия сообщает, что гор. Вологда является центром пересыльных пунктов спецпереселенцев Северного края, которые следовали в разные округа».

Итак, Вологда - центр «колонизации». А что за всем этим?

Перехожу к рассказу очевидца - известного вологодского медика, почетного гражданина Вологды, профессора В.В. Лебедева (ныне покойного). Вот что он мне рассказал:

«Когда началась кампания по раскулачиванию, Вологда оказалась пересыльным пунктом для раскулаченных. Их скопилось в Вологде множество. Вероятно, речь шла о тысячах и тысячах. Особенно много было украинцев. Их высыпали далее, на север, в самые глухие, необжитые и гибкие места, а временно расселяли в вологодских церквях, большинство которых уже было закрыто для богослужения.

Там были построены нары, и людей битком набивали в церковные помещения.

И вспыхнул тиф. Началось страшное... Вызывают меня тогда в губернское ГПУ, и начальник говорит мне: «Не ликвидируешь тиф - расстреляю».

Я пошел к одной из церквей вместе с гэпэушниками. Стоит у церкви охрана. За дверьми - стон и крик. Открыли двери. А там - ад. Больные, здоровые, мертвые - мужчины, женщины, старики, дети. И живые кричат криком и тянут к нам руки: «Воды! Воды!». Много видел страшного в жизни, а такого не видел. И не выдержал, заплакал. А помогать-то как-то надо. Вернулся я к начальнику, чтобы доложить о виденном и попросить помочь. Не успел я ему все это рассказать, как приводят к нему в кабинет молодую украинку, очень красивую. И докладывают: «Вот, поймали. Бежала в третий раз». А он говорит: «Значит, расстреляем. Указ такой есть: за третий побег - расстрел». Я начал просить за нее. А он наставляет на меня револьвер и орет: «Ах ты, мать-перемать, контра... Да я тебя самого сейчас на месте расстреляю». Я испугался, вижу - он весь кровью налился, вижу он - больной, явно нервнобольной, на лбу у него жила вздулась. И я снова заплакал - уже от бессилья и страха... А потом, как в бреду, пошел с тифом бороться... Да, с тифом мы все же постепенно справились. Правда, людей погибло - тьма».

Конечно, я не мог дословно запомнить рассказ профессора, но он врезался мне в память, и я стремлюсь передать его как можно точнее. И облик тифозного храма стал для меня страшным символом.

Рассказ профессора Лебедева трагически дополняют письма многих вологжан, приславших мне свои воспоминания. Приведу отрывки из них...

Вологжанка М.В. Базова вспоминала:

«Я живая свидетельница сталинских репрессий и жестокостей периода сплошной коллективизации. В 1929 году мы жили у родственников на нынешней улице Маяковского, напротив церкви. Все, что происходило около нее, видно было как на ладони. В эту церковь, как и в другие, привозили раскулаченных украинцев. Среди них было много женщин, подростков и детей. Их никуда не отпускали, кроме как на луг около церкви. Сырое, холодное помещение было не приспособлено для жизни большого числа людей. Они сидели на полу, нар не хватало, освещение скучное. К нам приходила старушка (такой мне казалась эта женщина) за милостыней и какой-либо одеждой. У нее было трое детей: дочь 16 лет, два сына по 11-12 лет. У дочери что-то случилось с ногами, и она не могла ходить. Мать потому и отпускали, что она никуда не уйдет от детей.

Их отправили в лагерь на станцию Плесецкая. Я знаю об этом, потому что она еще раз приезжала в Вологду и заходила к нам за тем же. Говорила, что ребята ее два раза из лагеря убегали, но их ловили и возвращали обратно».

Из письма вологжанина Глебова:

«Начиная с 1929 года в вологодских деревнях началось раскулачивание, выселение. В Вологде появились люди, лишенные избирательных прав и продовольственных карточек. Город переполнили ссыльные, большинство с Украины. Был голод, особенно в 1933 году. Пустовавшие церкви были забиты ссыльными, женщины и дети содержались вместе с мужчинами. На окнах церквей были решетки и приколоченные доски, и нередко мы видели, как сквозь них протягивались детские ручонки, просившие хлеба. А хлеба в городе не было. Рано утром из церквей выносили трупы. Особенно высока была смертность в церкви Благовещенья, которая стояла между улицами Клары Цеткин и Батюшкова. Сейчас ее нет. Страшные сцены происходили и на вокзале. О себе я вспоминать не буду, это очень грустная, трагичная история, не хочу душу ворошить. Кратко скажу, был репрессирован в 1937 году, реабилитирован через 40 лет - в 1977 году. Главное, что остался жив, этим все сказано».

Ю.Ф. Дмитриевский из деревни Морозово Верховажского района вспоминал:

«Я культ Сталина и его опричников на местах испытал на своем горбу. Многолетний, искусственно созданный голод, страшная деревенская нищета - без хлеба, одежды и обуви, подростковый и детский труд в колхозе, несправедливые жестокости к родителям нашим - загон в колхозы с помощью нагана, непосильные налоги и «твёрдые задания», выявления и довываления «кулаков-мироедов», а их в наших местах не было. И быть не могло. По ленинским декретам передел земли в 1920-1921 годах был по самому справедливому, демократическому, гуманному принципу - по членам семьи, по едокам. А при Сталине под видом кулаков угнались в далекие края вместе с семьями и с малыми детьми обыкновенные трудолюбивые и умные крестьяне».

Старый вологжанин В.В. Сизов вспоминал:

«В нашей деревне в 1932 году раскулачивали двух зажиточных крестьян (кулаков тогда уже не было). Сказать, что зажиточные, по сегодняшним временам даже смешно. Лишние две пары овец, десяток кур, два плуга, три-четыре старых венских стула. И все это «лишнее» у некоторых крестьян было потому, что они не пили и не курили, трудились дни и ночи.

А раскулачивание провели активисты, которые постоянно пьянствовали, вечерами играли в карты, не хотели по-настоящему трудиться. По указанию сельского Совета у этих «зажиточных» конфисковали все «лишнее» и продали с молотка на торгах. Выгребли из амбаров зерно, не оставив хозяевам на посевную и на пропитание. Тяжело было смотреть, как работяга Калистрат Маслов плакал, когда, у него выгребли добытое трудом и потом зерно. Оба крестьянина были участниками гражданской войны. У одного из них сын служил в Красной Армии».

Приведу отрывок из воспоминаний украинца Малько, заброшенного в те годы на Вологодчину:

«Родом я из деревни Савицы, с Полтавщины. Мой дед Тимофея Филиппович Малько - полный георгиевский кавалер, участник русско-турецкой войны, приведшей к освобождению от турок Балкан, имел за храбрость личный подарок генерала Скobelева - именную саблю. Потом всю жизнь крестьянствовал. И отец крестьянствовал, и мы с братом иной доли себе не мыслили. Были мы середняками, имели четыре десятины земли. Когда начались притеснения во вре-

мя коллективизации, дед надел на грудь свои георгиевские кресты и пошел в сельсовет выяснить, что же происходит. Председатель его слушать не захотел, а сорвал с груди кресты и выбросил их с криком: «Ах ты, царский крестоносец!» Дед заплакал, пришел домой и слег. А вскоре нас раскулачили. Большого деда оставили дома. А нас - отца, мать и троих детей - со множеством других раскулаченных погрузили в нетопленные телячий вагоны и повезли. Обращение с нами было бесчеловечным. «А чего вас жалеть, - говорили энкэвэдешники, - кулачье». Еще в пути стали многие умирать от голода и холода, особенно дети.

Привезли нас в Вологду. Здесь был сборный пункт в церкви Благовещенья, нары в пять рядов. Смертность была чудовищной. Но наша семья как-то еще держалась.

Весной нас увезли за Семигороднюю. Здесь в полутора километрах от станции были наскоро построены в лесу бараки, на нарах - хвоя, холод - как на улице. Через неделю, как мы прибыли, умерла сестренка. Опустили гробик в могилку, а она полна водой, и гробик все время вспывал, будто сестренка зарыть себя не дает. Мужики начали кольями бить по гробику, топить его. А мама, видя все это, поседела у нас на глазах.

Вскоре мы с братом убежали к себе на Украину. Добрались до родных мест. А там голод невероятный, страшный голод. Благодатные места, хлебные, фруктовые... Всегда хлебом и другими продуктами торговали. А коллективизация все разрушила. Дед умер с голода... Как мы выжили, не знаю... Вернулись с братом обратно на Север.

Тяжелую жизнь прожили - про все не рассказать. И будь во веки веков за все эти наши муки проклят Иосиф Сталин».

А вот воспоминания Вениамина Константиновича Башкирцева из Вожегодского района, Нижне-Слободского сельсовета. Вениамин Константинович писал:

«Напишу, может, и не красноречиво, но сущую правду. Только в Нижне-Слободском и в Мишутинском сельских советах от 150 до 170 семей были объявлены кулаками. Но откуда могло взяться столько кулаков? Ведь земля была разделена по едокам. И лишь пьяницы и лодыри могли быть бедняками. А раскулачивали лучших тружеников, кто трудился от зари до зари. Только в деревне Ереминская раскулачили около тридцати семей. Хватило лиха да слез. Начали людей забирать. Приезжают ночью и увозят неизвестно куда. Каждое утро страшная новость: «Забрали Федора», «Увезли Николая...»

Люди побежали через леса и болота - куда попало. Наш сосед Иван Николаевич с женой ночью открыли двор, выгнали корову, овец и вместе с детьми ушли за десять километров до реки Кубены, сбили плот и плыли до Харовской, где и поселились. Так и выжили.

А другие люди? Жил у нас в деревне до 1932 года старичок Матвей Иванович, ему было за восемьдесят. Его раскулачили за четыре месяца до смерти, но не увезли. А увезли в марте 1932 года его сына, он сидел в Вологде до августа. На него была написана анонимка, только в ней - ни слова правды. Сын вернулся домой, а сельсовет все его имущество уже распродал. Жена умерла, и осталось у него на руках четверо голодающих детей. Он забрал детей и подался с ними в Верховажский район, где много еще было единоличников. Там просили милостыню - так и кормились. В колхоз их не принимали, работы не было. Отец от переживаний умер. Кормилицей осталась старшая дочь Нина. Но на нее, как на внучку кулака, наложили «твердое задание» - и деньгами, и продуктами. Ей это было не выплатить и грозила тюрьма. Она спряталась в подполе и просидела там около года. Поэтому вышла на свет, думала, про нее забыли. А ее забрали, и два года она просидела в тюрьме в Вологде.

Из воспоминаний М.Н. Кузнецова:

«Лето тридцатого года в Вологде: жара, сухость, пыль. Город был превращен в перевалочный пункт в кампании ликвидации кулаков на Кубани и юге России. Массой сосланных людей были до отказа заполнены монастыри: Духов, Прилуцкий, Заоникиевский и бывшие склады вологодских купцов, особенно на улице Урицкого.

Все эти люди были в изодранной одежде, грязные, голодные, истощенные. Среди них было много стариков и детей.

Купить в то лето в Вологде было нечего. В столовых тех лет кормили только супом из крапивы и салатом из капусты. Среди массы ссыльных была большая смертность. Особенно много находили умерших в Прилуках. Там лежали тела под стенами монастыря и в канавах.

В зиму 1930 года всю эту массу людей перевезли в леса. Сколько их там выжило, сколько погибло, неизвестно.

Что касается меня лично, то я в 1937 году в заключении содержался со многими вологжанами и архангелогородцами.

В апреле 1938 года в Вологду прибыл суд Военной коллегии во главе с Матулевичем. Он был одним из заместителей палача Ульриха, занимавшего пост председателя Военной коллегии. В Вологде

проходили массовые расстрелы. Сколько осталось в живых после суда, не знаю.

Все же я остался живым. Прошел дороги тюрем и семнадцать лет Колымы и встретил только трех человек живыми после этого суда».

Прошу обратить особое внимание на трагичнейшую страницу в истории нашего города: в 1938 году, в апреле, Вологда стала местом массового уничтожения репрессированных вологжан и архангелогородцев. Видимо, это был пик убийств в нашем городе, и о том мы должны знать. Запомним время этой вологодской трагедии - апрель 1938 года...

* * *

Михаил Николаевич Кузнецов, ныне покойный, стал моим соавтором по книге «Тень генералиссимуса». Он написал обширные воспоминания о своей трагической судьбе, о сталинских репрессиях на Севере, о гигантской «фабрике смерти» на Колыме. И я включил их (с некоторыми сокращениями) в свою книгу. Посчитал (и сейчас считаю), что это правдивое свидетельство о сталинском терроре.

В «Тень генералиссимуса» я включил также воспоминания Л.С. Осташевой (впоследствии она издала свою отдельную книгу), Л.М. Окуневой, М.В. Базовой, В.В. Сизова, С.В. Смирнова и других вологжан о том, что пришлось им пережить в страшные годы сталинских репрессий. Это лишь частичка, фрагменты Вологодского ГУЛАГа.

«ЛЕГКО, ПОЧЕТНО И ПРИЯТНО»

Не берусь утверждать, какой год был страшней - 1930-й или 1937-й, когда погибло людей больше. Горе не сравнивают.

Возможно, число жертв 1930 года, когда без жалости уничтожалось крестьянство, было наибольшим. Но 1937 год по своей вакханалии убийств, беспрецедентным призывам к расправам, по психологическому вовлечению в эти кровавые расправы масс не имел ничего подобного в отечественной истории. Страна была охвачена безумием расправ. Казалось, в ней идет новая гражданская война. Никогда газеты в стране не писали столь откровенно, кошмарно, дико: «выяvим», «разоблачим», «уничтожим», «расстреляем», «разобьем головы», «вырвем с корнем», «поставим к стенке», «ликвидируем» и прочее.

Перелистаем областную газету «Красный Север» за это время. Посмотрим, что мог узнать из нее вологодский читатель в 1937-1938 годах.

В стране уже повсеместно царит обстановка культа личности. Разумеется, то же самое происходит на Вологодчине.

В каждом номере газеты «Красный Север» - имя Сталина, его портреты.

«Красный Север» за 2 ноября 1937 года. Трудящиеся колхоза «Активист» Вологодского района выдвигают Сталина кандидатом в депутаты Совета Союза. Газета печатает речь старого колхозника И.Н. Власова: «Сегодня радостный и счастливый день не только для меня, 73-летнего старика, но и для всех собравшихся здесь колхозников... Я выдвигаю нашего отца, учителя и друга Иосифа Виссарионовича Сталина». Обратите внимание: 73-летний стариk называет Сталина (ему нет еще шестидесяти) отцом!

На другой странице в газете сообщение о том, что по Вологодскому избирательному округу кандидатами в депутаты Совета Союза выдвинуты Сталин, Молотов, Каганович, Ежов.

Рядом - заметка: «Глухонемые живут радостной жизнью» - о совещании в обществе глухонемых. Ныне она звучит как зловещая пародия. В ней, в частности, читаем. «Глухонемые - полноправные граждане СССР. Они живут радостной, полноценной жизнью... Выступавшие на совещании проклинали троцкистско-бухаринских мерзавцев, пытавшихся восстановить капитализм в нашей стране». И рядом - вот парадокс - большой портрет молодого Н.С. Хрущева с подписью «Член Центральной избирательной комиссии по выборам в Верховный Совет СССР Никита Сергеевич Хрущев». Никто, конечно, да и сам он в то время, не мог предположить, что именно ему предстоит сыграть решающую роль в развенчании «культа личности».

Из номера в номер в «Красном Севере» печатаются звучащие как приговор материалы о разоблачении «врагов народа» на Вологодчине. Повсюду - «враги», «агенты», «фашистские наймиты», «изверги», «троцкисты», «бухаринцы». Они, оказывается, имеются и в партийных органах, и потому следует «разоблачать и уничтожающее громить врагов народов, орудовавших в бывшем Северном, а теперь Архангельском и Вологодском обкомах и Вологодском горкоме партии».

«Красный Север» печатает материалы о так называемых процессах, проходивших в то время в нашем kraе. Вот некоторые выдержки из этих материалов. Начну с Чебсары:

«Чебсарский район - один из основных сельскохозяйственных районов Вологодской области... Этот район, в недавнем прошлом бывший отсталым в хозяйственном и культурном отношениях, теперь имеет на своей территории две МТС, 197 колхозов, крупный совхоз... 78 школ, районный клуб, звуковое кино, радиоузел и т.д.

Однако при всех этих достижениях Чебсарский район далеко отстал от общих темпов развития сельского хозяйства области. Где коренная причина отставания?

На протяжении нескольких лет здесь орудовала контрреволюционная вредительская группа, состоявшая из работников райзо - ветврача Иеропольского, старшего агронома Никитинского и др. Все они - выходцы из чужой среды. Эти подлые и грязные наймиты фашизма, злобные враги народа нанесли серьезный урон сельскому хозяйству района...»

Читаем следующие номера...

«Суд допрашивает главаря шайки вредителей - Иеропольского, бывш. старшего ветврача Чебсарского райзо. Когда председательствующий, члены суда и государственный обвинитель задают вопросы и приводят конкретные факты вредительской деятельности Иеропольского, он, как гадина, извивается, пытается увильнуть, замести следы своих злодеяний.

Председательствующий зачитывает показания Иеропольского, данные им на следствии. На 30 листах, скрепленных тридцатью подписями Иеропольского, подробно рассказывается о фактах вредительства...

Вредители организовали падеж молодняка, сливали молоко бруцеллезных коров со здоровыми и поили телят, кормили телят жмыхом, вредительски строили скотные дворы и т.д.»

И наконец сообщается:

«Специальная коллегия областного суда приговорила Иеропольского Л.А., Никитинского В.А., Якимаха М.Х., Распутина В.М., Забияко В.Г., Вахрамеева Г.А., Хрусталева П.И. и Ширикова А.Н. к высшей мере уголовного наказания - расстрелу...»

И далее: «Трудящиеся Чебсарского района с полным одобрением встретили приговор суда...»

Вот газетное сообщение о суде в Никольском районе над «троцкистско-бухаринскими выродками» и «никольскими фашистами»:

«Прокуратура Вологодской области закончила следствие по делу троцкистско-бухаринской контрреволюционной вредитель-

ской группы, в течение нескольких лет творившей свои грязные дела в Никольском районе. Троцкистско-бухаринские выродки: Уткин, Церковников, Амосов, Помелова, Куклин, Елизаров и другие, пробавившись на высокие посты, всячески пакостили советскому государству.

Оголтелые мерзавцы держали курс на дезорганизацию хозяйственной и культурной жизни района...

Жуткие дела творились в никольских деревнях зимой, в период лесозаготовок. Уполномоченные по вербовке лесорубов врывались в дома колхозников, поднимали мужчин с постели и принудительно отправляли на лесозаготовки.

Перечисленными преступлениями не исчерпывается вредительская работа никольских фашистов. Материалы следствия приводят еще десятки гнусностей и мерзостей самого похабного, самого отвратительного свойства...»

И тут же - «голос народа»:

«Мы, колхозники колхоза имени Красной Армии Краснополянского сельсовета, узнав о процессе над врагами народа Уткиным и другими троцкистско-бухаринскими бандитами, просим специальную коллегию приговорить этих гадов к высшей мере наказания. В ответ врагам мы все выходим в лес, обеспечим к дню выборов в Верховный Совет СССР выполнение сезонного плана лесозаготовок на 100 процентов.

По поручению собрания - Слепухин».

Возникло «дело» и в Вологодском пединституте. Его директор Н. Воскресенский писал в июле 1937 года в статье «Враги народа на вузовской кафедре» о том, что троцкистская и бухаринская мразь долгое время вела в институте вредительскую работу и что теперь враги народа разоблачены, арестованы и во всем сознались. Это бывший директор института Шишгин, его заместитель Бушля, бывший директор заочного института Паршинский, бывшие работники - профессор Головаленко, зав. кафедрами Григорьев и Шевелев, преподаватели Бузук, Ватолин, Чуев, Сиземский, Краснов, Лапин... Вот сразу сколько врагов! В статье еще не указывается, что были произведены многочисленные аресты и среди студентов. И некоторые из них (в том числе и девушки) исчезли бесследно.

И кажется мне, что сквозь пожелтевшие газетные страницы проступают и расплываются пятна крови...

Именно в 1937 году, 8 ноября, в Вологде открылся музей Сталина. Казалось бы, это должно быть преподнесено как исключительно радостное событие. Но заметка об этом, опубликованная в «Красном Севере», носит обескураживающее название - «Притупление революционной бдительности».

В ней говорится:

«Восьмого ноября в Вологде, в доме № 41 по улице Осоавиахима открылся музей И.В. Сталина.

26 лет назад в этом доме жил, отбывая царскую ссылку, вождь народов товарищ Сталин. В четырех комнатах верхнего этажа размещены отделы музея, отображающие детство Сталина, его революционную работу в Закавказье и годы ссылки на Севере. Наиболее полно освещен период вологодской ссылки.

В экспозицию включены фотокопии подлинных документов, обнаруженных в архивах бывшего вологодского жандармского управления...

Небольшая комната, которую занимал товарищ Сталин, реставрирована. В ней простая железная кровать, рабочий столик, этажерка, табуретка и скамейка, составлявшие обстановку комнаты в 1911-1912 годах.

Открытие музея товарища Сталина в Вологде имеет исключительное значение...

Трудящиеся Вологды с огромным интересом встретили открытие музея. Несмотря на то, что работники горкома партии и горено, не поняв, видимо, значимости организации музея, не удосужились даже по-настоящему объявить населению об этом огромном мероприятии, за первые три-четыре дня этот маленький домик посетили свыше тысячи человек... Музей товарища Сталина в Вологде, в городе, где великий гений трудящегося человечества пребывал дважды, имеет все возможности быть и должен быть образцовым музеем. Однако преступно безответственно подошли к делу организаторы музея. Почетная и ответственная работа по организации музея работниками горкома партии Дербиневым и зам. зав. горено Берсеневым была передоверена случайным людям, в числе которых оказался чужак и проходимец Федышин...

На политическое недомыслие и притупление большевистской бдительности, проявленные работниками, ответственными за организацию музея, не может не реагировать Оргбюро ЦК ВКП(б) по Вологодской области.

К. Сопов, Д. Рассказов».

И. Федышин, упомянутый в заметке, - замечательный вологодский искусствовед и музейный работник, сохранивший от уничтожения множество первоклассных произведений древнерусского искусства в Вологде. Его имя навсегда вошло в историю нашего города. А тогда он был арестован, сидел, в лагере заболел открытой формой туберкулеза. И был выпущен по болезни...

Его сын Н. Федышин, продолживший в наше время дело отца, ставший известнейшим реставратором, рассказал:

- Наша семья жила в крохотной комнатке. Спали на полу, другого места просто не было. И однажды ночью отец, спавший рядом со мной, закашлялся, забился и... остыл. Он умер около меня...

Страшные последствия могла иметь газетная заметка в ту пору, когда в стране бушевала ежовщина.

ВМН

Есть некая стыдливость и у палачей. Те, кто отправлял людей на смерть в годы сталинских репрессий, стремились избегать слова «расстрел», именуя его ВМН - высшая мера наказания.

Подобное было и у нацистов: они называли уничтожение людей «акцией». И хотя и те и другие были уверены в своей безнаказанности, все же пытались замести следы своих преступлений.

Так, родственникам расстрелянных из НКВД сообщали фальсифицированные сведения о мнимых ссылках «без права переписки», о смертях якобы от болезней - с датами, поставленными наобум...

Эта главка о расстрелянных могла бы быть целой книгой. «Хотелось бы всех поименно назвать», - как писала А. Ахматова, но это невозможно. Поэтому я назову только некоторых из огромного скорбного списка подвергшихся ВМН.

Расстреляны в Вологде:

Чапурский Николай Христофорович, 1874 года рождения, бывший дьякон, беспартийный;

Горин Николай Дмитриевич, 1874 года рождения, кровельщик, беспартийный;

Шушнин Василий Михайлович, 1871 года рождения, плотник, беспартийный;

Воронин Василий Степанович, 1875 года рождения, детский парк, столяр, беспартийный;

Глаголев Сергей Сергеевич, 1865 года рождения, без определенных занятий, беспартийный.

Эти вологжане осуждены тройкой УНКВД 21 декабря 1937 года, в день рождения Сталина. Так сказать - подарок вождю-людоеду.

Обратите внимание - на возраст жертв: слесарь Воронин расстрелян в 62 года, дьякон Чапурский - в 63, плотник Шушнин - в 66 лет.

Практиковались такие расстрельные «подарки» и в день рождения В.И. Ленина. Профессор Виктор Конасов пишет (газета «Красный Север» от 8 июня 2006 года):

«Преданных делу Ленина-Сталина коммунистов» с политическим садизмом (иных слов не подберешь) расстреливали в день рождения вождя революции и основателя советского государства. Вот и уроженца с. Богоявленское Череповецкого уезда Василия Александровича Горохова, как и его товарищей, расстреляли 22 апреля 1938 года. В вину ректору Архангельского лесотехнического института ставились его принадлежность к троцкистской и зиновьевской оппозиции».

22 апреля 1938 года были также расстреляны партийные работники Ф.И. Тчанников, Н.А. Басин и другие.

Снова приведу цитаты из статьи профессора Конасова:

В «черном воронке» увезли во внутреннюю тюрьму НКВД в Вологде исполняющего обязанности первого секретаря обкома ВКП(б) Григория Андреевича Рябова, первого секретаря Вологодского горкома ВКП(б) Михаила Тадеушевича Крейвиса, председателя облисполкома Николая Николаевича Командирова, управляющего трестом «Севлес» Николая Александровича Салтыкова и других, еще недавно хорошо известных вологжанам людей...

Особое рвение в выявлении «врагов народа» во властных структурах проявил Сергей Георгиевич Жупахин, которого на пост начальника управления НКВД Вологодской области рекомендовал лично нарком внутренних дел Н.И. Ежов.

Остается добавить, что в декабре 1939 года арестуют самого Жупахина. На два месяца пережив «железного» сталинского наркома Николая Ежова, он будет расстрелян.

В «конвейере смерти» были свои закономерности. В первую очередь уничтожалась партийная верхушка. Затем, как бы заметая следы, Сталин уничтожал самих исполнителей терро-

ра. Чекисты, в свою очередь, подвергались массовому уничтожению.

Но в целом сталинский террор был направлен против всего народа, против простых людей. Потрясает и сам масштаб преступлений и отдельные его факты. Вот кошмарный факт расстрела пяти простых женщин в Кириллове. Вот их имена:

Сибирякова Клавдия Петровна, 1882 года рождения, проживала в Кириллове, беспартийная;

Юкарова Анна Ефимовна, 1876 года рождения, проживала в Кириллове, беспартийная;

Егорова Анна Арефьевна, 1886 года рождения, проживала в Кириллове, беспартийная;

Бочина Агнеша Ильинична, 1886 года рождения, проживала в Кириллове, беспартийная;

Дичина Евдокия Тимофеевна, 1888 года рождения, проживала в Кириллове, беспартийная.

Все эти несчастные кирилловские женщины, домохозяйки в возрасте от 49 лет (Е.Т. Дичина) до 61 года (А.Е. Юкарова), осуждены тройкой НКВД Ленинградской области 22 октября 1937 года и в тот же день расстреляны. Чудовищно!

А вот итог работы тройки УНКВД в Грязовце за один день - 1 декабря 1937 года. Расстреляны:

Лощенко Петр Кириллович, 1917 года рождения, Лежский район, Монзенский леспромхоз, Восьенский лесоучасток, чернорабочий, беспартийный;

Лощенко Михаил Кириллович, 1907 года рождения, Лежский район, Монзенский леспромхоз, Восьенский лесоучасток, чернорабочий, беспартийный;

Гагин Борис Петрович, 1914 года рождения, Лежский район, Монзенский леспромхоз, Восьенский лесоучасток, чернорабочий, беспартийный;

Гагин Андрей Петрович, 1909 года рождения, Лежский район, Монзенский леспромхоз, Восьенский лесоучасток, чернорабочий, беспартийный;

Беляевский Дмитрий Григорьевич, 1894 года рождения, Лежский район, Монзенский леспромхоз, Восьенский лесоучасток, грузчик, беспартийный.

И эти кровавые списки можно продолжать и продолжать. И так по всей стране. Дьявольщина творилась на нашей земле.

III. КАК ПИСАЛАСЬ ЭТА КНИГА

Один из газетных очерков обо мне, который озаглавлен «Владимир Аринин: против течения», начинается так: «Он называет себя немного старомодным словом «диссидент». Не столько в том политическом смысле, который вкладывают в это понятие учебники истории, сколько в творческом, литературном и, наконец, просто человеческом: ни на кого не похож, отдельно от всех, вечно против течения. Он, известный вологодский писатель, считает, что таким - поперечным - надо родиться. Этакая особая порода людей, которые, может, и хотели бы стать обыкновенными, нормальными, да не получается. Все у них не так, как у людей. «Я рано осознал свою инакость, непохожесть». Не все точно в этих утверждениях. Но в целом это правильно: я отношу себя к категории людей, которые всегда «против течения», не похожи на большинство, являются инакомыслящими.

Потому в конечном счете я и написал эту книгу, путь к которой у меня начался с юности. Еще в те годы я осознавал, что мне не нравится окружающая меня жизнь, что многое в ней я не люблю, не терплю, нередко ненавижу. А мои детство и юность как раз выпали на сталинское время.

МОГ ЛИ Я БЫТЬ РЕПРЕССИРОВАННЫМ?

Мог. Как и любой советский человек. Тем более что я был «против течения». Со мной в мои отроческие годы случилось неожиданное: я перестал любить Сталина, более того - я стал не любить его. Произошло это не потому, что я был умнее других, а, вероятно, в силу некоторых особенностей моего характера. С отрочества я увлекался всем необычным, странным, писал романтические сказки и стихи, не любил обыденности. Да и трудно было любить ее: нужда, аварийный коммунальный дом, скверная еда... Это были тяжелые послевоенные годы. А радио и газеты вокруг без конца твердили: счастливая жизнь... И ее создал товарищ Сталин.

И как сказка о какой-то другой, красивой жизни воспринимались западные «трофейные» фильмы, которые шли тогда на наших экранах постоянно: американские (мы видели Голливуд 30-40-х годов, в том числе знаменитого «Тарзана»), немецкие (с «секс-звездой» того времени Марикой Рокк), а также английские, французские. Они являли потрясающий контраст с убогой, скучной,

казарменной нашей жизнью, где все было регламентировано и ханжески «нравственно». Они представляли полный контраст и с большинством фильмов советского производства, такими как «Падение Берлина», «Сталинградская битва», главным героям которых был Сталин.

И в большинстве книг того времени было то же самое - Сталин, Сталин, Сталин...

Так еще в отрочестве я перестал верить тому, что мне внушали. Перестал верить Сталину. И раздражение по отношению к нему стало все более и более скапливаться в душе.

От этого было нелегко. Это как бы отделяло меня от большинства сверстников. И надлежало молчать и таиться. А молчать, особенно в юношестве, так трудно...

Однажды в споре с одноклассником Левкой я в запальчивости допустил несколько неосторожных фраз. И Левка, встретившись где-то на улице с местным представителем органов госбезопасности (не знаю, какова была его должность), рассказал ему обо мне и о том, что я плохо отзываюсь о товарище Сталине. Левка был лично знаком с этим человеком, и потому он вроде и не донес, а как бы поделился, посоветовался...

Возможно, это был самый критический момент в моей жизни. Меня вполне могли арестовать. Ведь это было бериевское время... Но и в бериевском ведомстве встречались нормальные люди. И тот незнакомый мне человек (я даже не знаю его фамилии) оказался человечным и спас меня.

Все ограничилось беседой. Я покаялся, расплакался... И дело на меня не было заведено. Мой вечный поклон этому человеку...

Может, я что-то преувеличиваю? Ведь я был тогда несовершеннолетним. А что взять с шестнадцатилетнего?

Однако в сталинскую эпоху малолетние подвергались не только заключению, но даже расстрелу.

Десятого апреля 1935 года по предложению Сталина был проведен закон, по которому уголовной ответственности - вплоть до расстрела - подлежали все граждане Советского Союза, начиная с двухнадцатилетнего возраста.

Бесчисленное количество детских судеб было изломано в сталинское время. И хотя лично со мной ничего не случилось, все же страх с той поры возник где-то в глубине моей души, и этот страх терзал меня долгие годы.

Как-то раз в поезде мне попался попутчик, который, как это часто бывает в дороге, начал откровенничать... Оказалось, в свое время он был начальником одного из лагерей на территории Вологодской области. И он стал жаловаться (!), видимо, рассчитывая на сочувствие.

- Ты думаешь, легко было работать? Ой, парень, как нелегко. Дают план на начало года на один контингент. А ведь к весне-то в лагере столько вымрет, что контингент-то уже другой, намного меньше. А план-то прежний. Вот и крутись. А не выполнишь план-то - сам за проволоку пойдешь.

Я испытал ужас от его откровений. И подумал, что ведь тоже мог быть среди «контингента», пусть и другого какого-нибудь лагеря...

ИНАКОМЫСЛИЕ

По счастливой случайности мне выпал другой путь. Еще в свои студенческие годы я попал в дом московского писателя Н.В. Богословского, подружился с его сыном, своим однокурсником, и стал бывать здесь. Дом был замечательный. Его хозяин, хотя и не являлся известным писателем, тем не менее дружил с такими выдающимися мастерами, как Борис Пастернак, Андрей Белый (после смерти Белого в доме хранился его архив). В этом доме бывали Булгаков, Грин, Ахматова, Есенин и многие другие, широко известные литераторы. Здесь имелась прекрасная библиотека, и я имел возможность прочитать много замечательных, редких книг.

Большое значение имело для меня и то, что в свои двадцать с небольшим лет я имел возможность читать труды Владимира Соловьева, Бердяева, Флоренского, Розанова, Мережковского и многих других, чьи имена возвращены в духовную жизнь страны только во времена перестройки.

Разумеется, далеко не все нам тогда было понятно. И мы не совершили никаких политических действий. Но, далекие от политики, мы жили в мире идей русского гуманизма. И именно поэтому стали антисталинистами.

Впрочем, некоторые из нас стали политическими диссидентами. Мой студенческий друг Саша Богословский (наши отношения впоследствии прекратились) был арестован КГБ, осужден и несколько лет просидел в одном из уральских лагерей.

Мой петербургский друг, драматург Анатолий Сударев, восемь лет просидел в мордовских лагерях.

Он был осужден по громкому делу о подпольной антисоветской организации в Ленинграде. Это дело вошло в историю диссидентского движения в России. Участники ВСХСОН готовили себя к свержению советской власти, учились владеть оружием, пытались создать военную организацию. Впрочем, во всем этом было больше молодежной игры в подполье, романтики, чем серьезной борьбы. Дело тогда дошло до Суслова: не знаем, как поступить с мальчишками-студентами. И Суслов якобы сказал: «Судить на полную катушку. Раскачивать колыбель революции - Ленинград не позволим». И Толе Судареву, арестованному сразу после выпускного вечера в ЛГУ, дали «на полную катушку».

В аннотации к его избранным пьесам, изданным в 2003 году, о нем говорится так: «В конце 60-х - активный участник «диссидентского движения», член подпольной организации Всероссийский Социал-Христианский союз освобождения народа (ВСХСОН). После возвращения из «исправительно-трудового» лагеря в 1969 г. начал заниматься драматургией. С начала 80-х - профессиональный драматург.

Преследовался как политический диссидент и мой ближайший друг, философ Всеволод Катагошин. Он входил в круг близких знакомых Ю.М. Даниэля.

Меня сия чаша миновала. После окончания Московского историко-архивного института жил и работал в Вологде. А Вологда традиционно и вполне логично считалась политически абсолютно благонадежным городом, свободным от всякого диссидентства и «отщепенчества». И меня, к счастью, местное управление КГБ «проспало».

Меж тем мои связи с диссидентскими кругами сохранялись. А после знаменитого процесса Синявского - Даниэля (вологодские писатели, конечно, единодушно осудили отщепенцев) ко мне в Вологду приезжала группа участников процесса, друзья осужденных, в том числе искусствовед Николай Кишилов, близкий друг А.Д. Синявского и искусствовед Игорь Гломшток, который бесстрашно выступал на процессе с обвинительными антисоветскими речами. Вскоре он эмигрировал на Запад, работал на радиостанции Би-Би-Си, написал несколько книг о тоталитарном советском режиме. Тогда они приезжали в Вологду немного отдохнуть от пережитого и жили (в тесноте, но не в обиде) в моем доме.

Вот какие у меня был встречи и контакты. Но как-то все сходило с рук. Тем не менее я неожиданно «засветился» на Сталине (когда начал писать свою книгу и публиковать главы из нее).

В июле 1988 года первые главы моей повести были напечатаны в «Красном Севере» (правда, с большими сокращениями).

И началось... И пошло...

На меня обрушился поток писем. За многие годы работы в печати я не знал ничего подобного. Публикация вызвала резкую бурную полемику, и я невольно оказался в центре ее.

Меня поддерживали, хвалили, благодарили. И возмущались, проклиниали. Мне приносили свои исповеди, делились своей болью и, на-против, грозили, оскорбляли.

Тех, кто был против, оказалось довольно много...

ПОВЕРНУТ ЛИ МНЕ ГОЛОВУ?

Письма приходили и мне лично, и на редакцию. Вот одно из них.

«Дорогая редакция! В вашей газете пишет В. Аринин о И.В. Сталине: когда он отбывал ссылку в Вологде, то ничем не занимался, только гулял и даже был вором. Украл паспорт у Чижикова.

Я знаю тов. Сталина со школьных учебников.

Под руководством партии, которую возглавлял тов. Сталин, был построен социализм в одной нашей стране, всем врагам назло. Существовала единая советская семья, единое советское общество. Все были родные братья: татарин, грузин, армянин, все советские люди. Роль партии была, особенно в годы войны и после нее, на высоком уровне. И сейчас поколение, воспитанное партией, которой руководил тов. Сталин И.В., чтит память о нем и никогда не скажет про него плохих слов. Врагам и недругам тов. Сталин был всегда поперек горла.

Я верю в Бога и верю в Сталина. У меня есть икона и есть портрет тов. Сталина. И пока я живу, буду верить. Человек без веры не может жить - он должен верить в кого-то и во что-то.

А у того, кто говорит о мертвых плохо, не будет хорошего будущего. Это вы можете видеть на примере Хрущева.

А. Смирнов,
рядовой в отставке, пенсионер.
г. Вологда».

«Уважаемая редакция!

Я родилась в 1924 году и, как помню себя, так помню имя - И.В. Сталин. Несмотря на трудности тех лет, это были лучшие годы моей жизни.

Вера И.В. Сталину, любовь и преданность своей Родине и И.В. Сталину нам помогали жить. Сколько патриотизма было в нас, усердия в труде! Мы не думали о том, чтобы нам больше заплатили. Надо Родине, партии, Сталину - значит, надо. Благодаря руководству И.В. Сталина и нашей преданности страна сделала колоссальные успехи.

Слова И.В. Сталина никогда не расходились с делом. Раз сказал, так и будет, мы ждали, надеялись и верили.

Тов. Аринин! Я одна из тех, чью семью не обошли репрессии. Числились мы середняками. В 1930 году, в период коллективизации, наша семья была выслана в Заполярье, там я и выросла. Но никогда не винили наши родители И.В. Сталина в этом. Виновных они знали в лицо. Лодыри и пьяницы и еще, конечно, завистники.

Мама вспоминала, что один из таких плакал, когда ему из нашего амбара насыпали рожь, а не пшеницу.

Дед мой был арестован в 1937 году, посмертно реабилитирован в 1956 году. Вы скажете, это была установка И.В. Сталина. Нет. Это было искажение его установок. За что и был наказан Ежов. И не надо ничего выдумывать и предполагать.

А вообще все репрессии оправданы тем временем. Сколько еще всякой нечисти выявила война. Оказалось, что многих проглядели. Любовь, уважение и преданность к И.В. Сталину не затушевать никакими страшными статьями о нем. Мы любили, верили живому и никогда не предадим мертвого.

Я знаю, что статья моя не будет напечатана. Но это неважно, а вы, товарищ Аринин, конечно же, прочтете. А это для меня уже много значит.

3. Мешалкина, пенсионерка, г. Череповец».

В этом письме есть нечто трагичное: человек (и хороший, кажется, человек) пострадал, и родные пострадали, а он продолжает верить в виновника своих несчастий.

Приходило ко мне немало и озлобленных, наполненных ненавистью писем. Меня даже называли «гражданин Аринин», как на следствии.

В одном из писем говорилось: «Мы должны знать, кто такой автор, какое он занимает положение в обществе. Небезразлично и то, чьи он высказывает взгляды - свои или кто-то за ним стоит».

А что касается репрессий, то в подобных письмах они и оправдывались, и даже восхвалялись. «Была причина на репрессии, и надо знать - при диктатуре пролетариата они неизбежны», - так писал один из авторов.

А другой даже пригрозил: «Ты допишешься, тебе повернут голову назад».

Приходили письма, взывающие к возвращению Сталина. «Нам нужен Сталин», - прямо говорилось в одном из них, а два других автора-ветерана утверждали:

«Жизнь заставит скоро иметь диктатора, и никому не нужной болтовне надо положить конец».

Признаться, я не ожидал, что придется столкнуться со столь значительным числом сталинистов.

За мной уже внимательно следили в КГБ. И начались неприятные первые контакты с «органами». Меня приглашали на беседы, похожие на допросы (впрочем, весьма вежливо). Насколько я понимаю, на меня было заведено дело.

Но со мной ничего не случилось. События в стране (и в Вологде тоже) развивались стремительно. Я перешел на работу в оппозиционную газету «Русский Север», возникшую на гребне волны по созданию по всей стране оппозиционных изданий.

Но моей книге, уже написанной, продолжала угрожать опасность. Я отправил готовую рукопись в Архангельск, в зональное Северо-Западное издательство, и главный редактор В.К. Лиханова, которая так много сделала для издания моих книг, и на этот раз добилась включения книги в план издания. Но я знал, что многие в Вологде выступят против моей книги.

И произошло нечто неожиданное, мне помог случай. Встречаю как-то на улице своего знакомого, бывшего обкомовского работника, но хорошо ко мне относившегося. И он мне говорит:

- Владимир Иванович, вы, наверное, не знаете: сейчас происходит заседание редсовета. И писатели на нем требуют исключения вашей книги из плана издания.

Это было для меня как удар. Бросаюсь в помещение, где заседает редсовет (о нем мне, действительно, ничего не было известно).

Вбегаю, врываюсь туда. И надо же (как знак судьбы) - врываюсь в тот самый момент, когда выступает ответственный секретарь Вологодской писательской организации С.П. Багров. Он уже начал свое выступление, произнес первую фразу. Увидев меня, невольно смущился, но вынужден продолжать свое выступление. И отведя от меня глаза, он продолжает: «Вологодские писатели единогласно настаивают на том, чтобы исключить из плана издательства рукопись Аринина как не имеющую никакой художественной ценности. Повторяю, мы, писатели, настаиваем на этом единогласно».

Наступает неловкая пауза. Ведь одно дело (на это и рассчитывали) - убить книгу без автора, закулисно, и психологически совсем другое дело - убивать в присутствии автора, на его глазах. И вот тогда слова прошу я:

- Вы можете исключить мою книгу из плана - стараясь быть спокойным, говорю я, но сердце мое надрывается от крика, сердце мое кричит. - Вы можете убить мою книгу. Вы уже не раз убивали книги Аринина. Но учтите: на этой книге - кровь. Кровь тысяч невинных убитых Сталиным и коммунистическим режимом. В этой книге собраны и записаны многие свидетельства тех, кто уцелел в сталинском аду. Я считал своим долгом записать их. Они объединились вокруг меня. Я стал в Вологде своего рода «мемориалом». И это мое гражданское деяние. Я нисал свою книгу вместе с ними, жертвами сталинского террора. Моя книга на крови.

После такого выступления ни одна рука не поднялась против моей книги.

IV. НОВОЕ О ВОЛОГОДСКОЙ ССЫЛКЕ И. ДЖУГАШВИЛИ

Прошли годы. Я живу сегодня в XXI веке, в стране, совершенно не похожей на распавшийся Советский Союз. Все вокруг, пережив глобальные потрясения, коренным образом изменилось. В чем-то, видимо, изменился и я сам. И мне самому, по внутренней потребности души, все эти годы хотелось переписать книгу, многое изменив и обновив в ней. Тем более, что уже после выхода книги у меня появились новые материалы о вологодской ссылке Сталина, я стал знать гораздо больше об этом, чем в то время, когда писал свою книгу.

ЛЮБОВНАЯ НЕУДАЧА ДЖУГАШВИЛИ

Очень важным фактом для меня стало личное знакомство с Галиной Nikolaevnой Фоминой, дочерью Пелагеи Георгиевны Ануфриевой, с которой в Вологде в 1911 году встречался Иосиф Джугашвили. Галина Nikolaevna была недовольна, как я в своих публикациях и книге «Тень генералиссимуса» показываю отношения между ее матерью Пелагеей Ануфриевой и Иосифом Джугашвили. И даже

прислала мне на редакцию газеты «Русский Север» протестующее письмо. Но я попросил Галину Николаевну о личной встрече, и мы встретились. И говорили уже, понимая друг друга, заинтересованно и уважительно.

Галина Николаевна рассказала мне все, что знала от матери о ее встречах с Иосифом Джугашвили. Я записал ее рассказ и с ее согласия напечатал все это в газете «Русский Север». И теперь помешаю так называемую нашу беседу в своей книге. Некоторые повторы того, что говорилось мной ранее, неизбежны, но в рассказе Галины Николаевны для меня много нового, неизвестного. В своем рассказе Г.Н. Фомина неизменно старалась подчеркнуть, что в отношениях ее матери и Иосифа Джугашвили не было ничего интимного, любовного. И я ее понимал - она считала, что защищает честь матери. Нравственный момент был важен для нее, что заслуживает несомненного уважения.

- Видимо, правильнее фамилию мамы писать не Ануфриева, как писалось уже в наше время, а по-северному - Онуфриева, - говорила Галина Николаевна. - Пелагея Онуфриева. Родом она из деревни Ерга, что недалеко от Сольвычегодска, из крестьянской семьи.

Семья, по рассказу Галины Николаевны, была большой (три сестры и три брата), трудолюбивой, зажиточной. Хозяйство было немалое, все работали в поте лица. Глава семьи, дед Георгий, открыл в селе лавочку. Летом трудились в поле, а зимой ездили в Котлас, Вятку, Архангельск за товарами - удачно торговали.

- А маме хотелось учиться, - продолжала Галина Николаевна. - Бывая в Сольвычегодске, она познакомилась со ссыльными, увлеклась так называемыми «передовыми вопросами». Деду все это не нравилось.

Интересы девушки, по словам Галины Николаевны, послужили причиной ее конфликта с отцом. Пелагея уехала в Тотьму, поступила учиться в гимназию. В Тотьме продолжала общаться со ссыльными. Отец лишил ее материальной помощи. Но братья, жалея сестру, украдкой посыпали ей деньги. К тому же давала уроки. Так и жила. В Тотьме познакомилась со ссыльным Петром Чижиковым и стала считаться его невестой. Правда, брак их так и не состоялся.

А Джугашвили был свободен. Он ничем не занимался. Откуда у него были деньги, она не знала. Может, из партийной кассы? Но

с Чижиковым у них что-то не складывалось. И все чаще они стали встречаться с Джугашвили и бродили по городу вдвоем.

- Какое впечатление произвел Джугашвили на маму? - на минуту задумывается Галина Николаевна. - Она об этом рассказывала мало. Но вот что осталось в памяти от ее рассказов. По ее словам, мужчина как мужчина. Худощавый, черноглазый. Интересный собеседник, многое знал. Очень большой шутник. Он подарил маме книгу по истории литературы с надписью на титульном листе «Умной скверной Поле от чудака Иосифа». Чем объяснить такую надпись? Он не любил, когда ему возражали. А мама на все имела свое мнение. И она возражала ему. Он сердился: «Поля, я вас старше, а вы со мной спорите». Мама переводила все это в шутку. И он подхватывал. Скажет что-нибудь смешное, а мама засмеется и говорит: «Вы чудак, Иосиф». И он охотно соглашался: «Я - Иосиф-чудак». Вот что стояло за этой надписью на книге.

В дополнение к словам Галины Николаевны поясню, что Джугашвили прислал эту книгу - «Очерки по истории литературы» - в подарок Пелагее Ануфриевой в 1912 году из Петербурга. В послевоенное время ее посетили в Вологде музейные работники из Москвы, и она передала эту книгу им. Книга ныне хранится в архиве Сталина в бывшем институте марксизма-ленинизма.

Встречи Ануфриевой и Джугашвили продолжались до 5 сентября. А в ночь на 6 сентября 1911 года Джугашвили бежал из Вологды. Впрочем, побегом это можно назвать лишь условно. Просто сел в поезд и уехал.

А 11 сентября (это уже по филерским донесениям) «Нарядная» отплыла из Вологды на пароходе «Яренск». Чижиков провожал ее.

Судьба ее складывалась далее так: она жила и в родной деревне, помирившись с отцом, и в Вологде. Вышла замуж за хорошего человека Николая Петровича Фомина, преподававшего механику и черчение в ремесленных мастерских. Во время войны, мировой и гражданской, Николай Фомин служил в летной части, перешедшей на сторону красных. Потом работал механиком. В семье был достаток. Как-то, увидев в газете портрет Сталина, Пелагея Георгиевна с удивлением воскликнула: «Какой же это Сталин? Это же Иосиф Джугашвили!» В стране начиналась сталинская эпоха. Пошло его прижизненное обожествление.

Раскулачили отца и всю семью Ануфриевых. Отобрали все, вывезли под Новосибирск. Но братья Пелагеи Георгиевны, тру-

долюбивые, спокойные северные крестьяне, и в ссылке сумели прижиться, постепенно построили дома, завели хозяйства, выстоали. А вот отец сломался. Проклиная все, он стал болеть и вскоре умер.

- Сталин тут ни при чем, - говорила Пелагея Георгиевна, - он просто не знает, что творится.

В 1937 году арестовали как вредителя ее мужа. Но он был честный труженик, никаких, даже малейших показаний против него не имелось. Через несколько месяцев его выпустили, но семью, где было двое детей, выгнали из квартиры. Они начали бедствовать. В 1947 году Николая Фомина арестовали вторично и дали срок в десять лет.

- В это время я собиралась рожать, - вспоминает Галина Николаевна. - На семью обрушились новые беды. У нас к этому времени было жилье, но нашу семью опять выгнали на улицу. А мама стала относиться к Сталину по-другому. Она поняла, что это все происходит по его вине, и ужаснулась этому.

Фомины бедствовали много лет. И лишь однажды Пелагея Георгиевна не выдержала. Когда пришло известие, что ее сына Валерия, студента Ленинградского железнодорожного института, лишают стипендии как сына «врага народа», она написала Сталину. Из секретариата Сталина, как рассказывает Галина Николаевна, пришел ответ: стипендия будет сохранена. Иначе Валерий не смог бы учиться. Жить было не на что.

Когда Фомины в пятидесятые годы наконец получили через Вологодский горисполком комнатку в девять метров, то, по словам Галины Николаевны, они были счастливы. Разместились в комнатушке сначала вчетвером: мать, дочь и две маленькие девочки, а потом - впятером. Из лагеря, отсидев семь лет, вернулся отец Галины Николаевны.

- Он выжил там чудом, - говорит Галина Николаевна. - Труд на лесозаготовках был невыносим. Люди долго не выдерживали. К счастью для отца, в лагерной больнице оказался его знакомый, который взял его к себе в штат. Отец о лагере почти ничего не говорил. Но однажды сказал, что видел там самое страшное в своей жизни: как у женщин при прибытии в лагерь отнимали детей. Какой стоял крик и стон! Можно представить, какой это был кошмар: женщин везли с детьми в лагерь вместе, а в лагере детей отбирали.

И еще Галина Николаевна вспоминает:

- Когда Сталин умер, у нас на работе все женщины плакали. И я вместе с ними. Такая была обстановка. Пришла домой и говорю маме: «Я ревела». А мама мне ответила: «А я не ревела». И этим было многое сказано.

Умерла Пелагея Георгиевна в 1955 году. До самой смерти она оставалась «засекреченной». Записи ее рассказов об отношениях со Сталиным, сделанные по указанию обкома партии, в 1990 году были засекречены. Я впервые опубликовал эти сведения

Галина Николаевна постоянно повторяла, что отношения Джугашвили и ее матери были чисто дружескими, не более того.

Полагаю, что со стороны Пелагеи Георгиевны так оно и было. Но не таким человеком был Сталин, чтобы иметь с женщиной только дружеские отношения. Между тем в Вологде с Ануфриевой он, видимо, пережил любовную неудачу. И запомнил это.

Даже приехав в Петербург, он еще не может забыть Пелагею. И пишет в Тотьму. В архиве вышедшего Института марксизма-ленинизма, в фонде Сталина сохранились две его открытки, присланные Пелагее Ануфриевой в Тотьму. Текст их впервые опубликован в книге Е. Громова «Сталин и культура».

В обеих открытках есть эротический налет. На одной из них изображены полуобнаженные целующиеся мужчина и женщина, а текст, написанный молодым Сталиным, таков: «Ну-с, «скверная» Поля, я в Вологде и целуюсь с «дорогим», «хорошим» Петенькой. Сидим за столом и пьем здоровье «умной» Поли. Выпейте же и Вы за здоровье известного Вам «чудака». Иосиф». На второй открытке с изображением нимф с обнаженными грудями Джугашвили пишет: «За мной числится Вам поцелуй, переданный мне через Петьюку. Целую Вас ответно, да не просто целую, а горррррючо (просто целовать не стоит). Иосиф».

Так что молодой Сталин пишет о поцелуях... Эта открытка - последнее, что связывает Иосифа Джугашвили с вологодской землей.

СТАЛИН И ВОЛОГОДСКИЕ ПИСАТЕЛИ

Вологодчина, ставшая моей второй родиной, - литературный край. И сталинская тема в вологодской литературе, безусловно, имела свое важное место. И сталинщина, разумеется, отразилась на судьбах некоторых писателей-вологжан. Кратко скажу об этом.

«Признаю и преклоняю перед Световластием... Чту и воспеваю Великого Вождя мирового пролетариата товарища Сталина».

Это из письма поэта-вологжанина Николая Клюева, умоляющего о пощаде, сосланного в Сибирь, замученного, истерзанного, сломленного. Но мольба была тщетной. В октябре 1937 года арестованному Клюеву в тюрьме Томска предъявлено обвинение, будто он является «активным идеологом повстанческой организации «Союз спасения России» (разумеется, на самом деле такой организации не существовало). Но в последний, роковой для него момент судьбы поэт Николай Клюев проявил подлинное мужество: виновным себя не признал, ни одной фамилии своих «сообщников» не назвал. И был расстрелян. Рукописи его многих неизданных стихов были уничтожены.

Был приговорен к расстрелу якобы за подготовку покушения на Молотова, но позже «помилован» пушкинист, профессор, писатель В.А. Гроссман, живший в Москве. Он оказался в одном из вологодских лагерей. После Победы его амнистировали, и он оказался в Вологде, женился на вологжанке, преподавал в Вологодском пединституте. Гроссман был человеком оригинальных идей, в частности, доказывал, что пушкинская Татьяна Ларина никогда не любила Евгения Онегина (мол, это было «книжное» увлечение наивной девочки, которая, став впоследствии дамой, удачно устроила свое замужество). И последовал донос: мол, искажает русскую литературу и великого Пушкина.

Впоследствии Гроссман, которого я лично хорошо знал, вспоминал: «Первый вопрос, который мне задал вологодский следователь, был такой: «Правда ли, что вы утверждаете, будто Татьяна Ларина не любила Евгения Онегина?» И я чистосердечно признался в этом. И получил пятнадцать лет лагерей - за Татьяну Ларину». Освободили Гроссмана лишь в хрущевские времена.

Выжил, уцелел в вологодской ссылке писатель Владимир Степанович Железняк-Белецкий (1904-1984), дворянин по происхождению, далеким предком которого был знаменитый русский поэт-партизан Денис Давыдов. Отец писателя, сенатор С.П. Белецкий, занимавший высокие посты в дореволюционной России, был расстрелян в 1918 году вместе с группой сановников и крупных чинов «в ответ на ранение Ленина и убийство Урицкого». Владимир Степанович вспоминал, как он с болью прочитал в газете такую фразу про гибель отца: «Сенатор Белецкий стихийно хотел бежать, но, увидев тройную цепь охраны, покорно и понуро опустил голову». Это еще при Ленине.

Самому Владимиру Степановичу в сталинское время повезло: он был лишь сослан в Вологду, где и прожил до самой смерти. Стал автором многих историко-литературных сочинений. Дружил и переписывался с известным писателем-диссидентом Юрием Домбровским, гневно обличавшим сталинские «порядки».

Смертный приговор сталинщине вынес в своей знаменитой книге «Колымские рассказы» Варлам Тихонович Шаламов (1907-1982 гг.).

Вологда ныне по праву гордится своим выдающимся земляком, писателем, занимающим особое место в литературе, трагическим Колумбом сталинской Колымы. Но в Вологде до конца восьмидесятых годов ничего не знали о своем крупнейшем писателе, хотя его «Колымские рассказы» были уже знамениты на весь Запад. Я был первым, кто начал в Вологде писать о Шаламове, и этот создатель «новой прозы», для которого весь мир стал лагерем, повлиял на меня, в том числе и в этой книге. «Колымские рассказы» Шаламова, как и произведения Солженицына, кажется, должны были нанести смертельный удар по сталинизму. Увы...

Особо следует сказать и о Василии Белове, известном писателе-вологжанине. Моему перу принадлежит много добрых, самых положительных рецензий и откликов на произведения Василия Ивановича. Белов - гордость Вологды. Он - классик «деревенской прозы». В 2004 году ему была присуждена Государственная премия за трилогию «Час шестой». В трилогии есть страницы, посвященные и Сталину. И вот здесь (увы!) у меня свои возражения...

«Час шестой» - это название третьей части трилогии, ставшее общим для романа. Здесь религиозный смысл: «час шестой» - время, когда, но преданию, был предан Христос. А в целом это - эпическое повествование о гибели русской деревни в конце 20-х - начале 30-х годов, о коллективизации как трагедии русского крестьянства и всей страны. В творении Белова много превосходных страниц, колоритная галерея ярких образов, красочные картины сельской жизни, русской природы. Эпос здесь сочетается с лирикой. И, конечно, в трилогии - большая сердечная боль писателя за русского мужика, за погибшую русскую деревню. Коллективизация для писателя - «невиданное в истории преступление».

Кто же виноват в этом преступлении? Критик Игорь Виноградов перечисляет местных, вологодских виновников в романе: «Злобно-ничтожный Игнашка Сопронов или лихой комиссар Ерохин, занудный еврей Меерсон или русский обалдуй Скачков, потомственный

дворянин Кедров или его идейная супружница-партийка Раиса Мейзель, стрелявшая в тифозных больных».

А что же Сталин? Я хорошо помню - Белов раньше, в былые годы резко осуждал Сталина. Но когда я принес ему свою «Тень генералиссимуса» еще в рукописи, то почувствовал: прочитав мою работу, Белов отнесся к ней если не отрицательно, то с большой настороженностью. И сам пояснил мне: «Я в чем-то пересматриваю свою позицию по отношению к Сталину». Этот «пересмотр» уже отражен во второй части романа. Слова процитирую Виноградова: «Сталин, как изображает его Белов, оказался своего рода заложником в руках сплоченной банды замаскированных недобитых троцкистов, рвавшихся осуществить свои «антимужицкие идеи». Они шантажировали генсека угрозой разоблачения его былых связей с охранкой, вот он и отдал им в панике не только мужицкого защитника Бухарина («Пусть они тобой подавятся»), но и самого мужика, утвердив «грандиозный план невиданного в истории преступления». Так что хотя Сталин и виноват, но он все же не главный виновник, его принудили...

Виноградов обратился тогда к Белову с вопросом: неужели он придерживается примитивного взгляда, что всему виной пресловутый «масоно-жидовский заговор»? Белов промолчал.

А в третьей части романа писатель вполне ясно высказал свою позицию. Вот два фрагмента из романа.

«Сталин прилег на тахту с книгой Шмакова «Свобода и евреи»... Хотелось слегка вздрогнуть, отрешиться и от неприятностей в семейных делах. Ссоры с Надеждой становились теперь не только регулярными, но и более резкими. Взять хотя бы и ту же Жемчужину, жену Молотова. По сообщениям чекистов, Жемчужина общается не только с Голдой Меир, но и с другими материами сионистками. А сын от первой жены Яков? Совсем одурел от еврейских баб, женился второй раз, и снова еврейка...»

Сталин у Белова все более и более увлекается чтением Шмакова и открывает для себя нечто очень важное, глобальное. «Масоны и евреи во главе с Лениным облепили революцию как мухи. «Рано или поздно они уничтожат меня... Как Людовика», - подумалось генеральному... Нет! Все будет по-иному. Он бросил под ноги ленинским апостолам миллионы мужицких душ. Иначе его давно бы отстранили от руля великой страны... Надо действовать теми же методами».

Получается, что сталинские «методы», то есть чудовищные репрессии, в чем-то были логичны...

Откровенным сталинистом в Вологде является прозаик Роберт Балакшин, сочетающий сталинизм с крайней мистикой. Став ответственным секретарем Вологодской писательской организации, первым делом повесил в своем кабинете портрет Сталина. А в марте 2003 года к 50-летию смерти Сталина Балакшин выступил со статьей «Вождь», в которой, в частности, говорилось: «Народ называл его кратко - Вождь, вкладывая в это старинное русское слово глубину уважения и любви к нему... СССР - создание Сталина. В этом гениальность Сталина».

И далее - панегирик в честь Иосифа Виссарионовича. При этом, Р.А. Балакшин - порядочный и исторически образованный человек. Но сталинизм, особенно в провинции, живет, принимая новые формы. И я считаю, что моя книга в какой-то мере противостоит этому. Надеюсь, что со временем она будет издана полностью, без сокращений.

ТАЙНА СТАЛИНА (эпилог)

«Прочь, уйди отсюда, тень!»
Евгений Шварц

Думаю, что многие наши сегодняшние беды, великие беды России - от Сталина, от сталинизма. То, что произошло с Россией при Сталине, не могло не сказаться. Конечно, при Сталине было создано великое государство - СССР. Но были уничтожены целые классы, в первую очередь дворянство, правящий класс. Крестьянство пережило коллективизацию - величайшую трагедию села. В стране был развернут массовый террор, который, как и рассчитывал Сталин, привел его к неограниченной власти и обожествлению. Это не могло пройти бесследно. Кровь бесчисленных жертв восстала. Распад, разрушение и разорение великой страны - это расплата за сталинизм. У нас одна надежда - что Россия все-таки сможет возродиться и навсегда избавиться от сталинизма.

Сталин преподал России и всему миру глобальный урок подмены добра злом. Он, возможно, нанес непереносимый удар по великой социалистической идеи, заменив мечту о народовластии жесточайшей деспотией, где любой человек был абсолютно беззащитен. Как сумел он это сотворить и достичь - тайна Сталина. В молодости, если вернуться к главной теме моего повествования, во время своей вологодской ссылки он совсем не являлся выдающимся человеком, во

всяком случае, никто в Вологде не видел в нем ничего особенного. Вологодские политсырьльные не интересовались им.

Две политические статьи, написанные им в ссылке, тоже ничем особенным не выделяются. Причем в последние два года ссылки Джугашвили ничего не пишет.

Но предрасположенность к злу в нем уже отчетливо проявляется уже в вологодский период. Он противопоставляет себя людям, груб, злобен, что фиксируют даже полицейские материалы. Петр Чижиков обвиняет его в краже своего паспорта. К женщинам он относится потребительски постельно. Работать не хочет.

Что же ему нужно? Ему нужна революция. Ему нужно разрушение великой Российской Империи. Ему нужны, говоря словами Столыпина, «великие потрясения». И когда великие потрясения произойдут, когда революция грязнет и опрокинет Российскую империю, он из незаметного политического «шутника» и «чудака Иосифа» постепенно превратится в великого Сталина.

Он создает новое великое государство - Советский Союз. Создает великую сталинскую державу - на костях и крови. У него будет после того, как он расправится с Троцким, главный соперник в мире - Гитлер. Ослепленные им миллионы людей пойдут за ним к иллюзорной цели - коммунизму, как миллионы немцев пойдут за Гитлером с его бредовыми идеями о тысячелетнем рейхе. Две тоталитарные системы столкнутся, и Stalin окажется сильнее Гитлера, потому что наш народ будет защищать Отечество.

У него будет великий последователь - Мао, который «великой культурной революцией» повторит массовый, подобный сталинскому террор в Китае. Сталинские методы возьмут на вооружение многие его последователи, в том числе злая пародия на него - кровавый карлик Пол Пот, уничтоживший «ради постройки социализма» два миллиона камбоджийцев. Но зло не всесильно... В какой-то момент все же оказывается сильнее сталинской безжалостности простое человеческое милосердие. Да, простое милосердие. Отказавшись от Бога, он стал «богочеловеком». Это привело его к кручу.

Ах, шутник и чудак, вологодский сырьльный Иосиф, вы стоите на пороге с подушкой под мышкой, готовясь бежать из Вологды. Бегите, бегите от нас навсегда и никогда не возвращайтесь, чтобы и вашей тени не осталось. Вы были великим, но страшным человеком. А я хочу милосердия и добра.

С.Н. ЦВЕТКОВ,
директор Вологодского областного архива новейшей политической истории, кандидат исторических наук

ФОНД СТАЛИНА

Среди многочисленных документов, хранящихся в Вологодском областном архиве новейшей политической истории, находится фонд по истории самой Вологодской партийной организации (истпарт). В этом фонде большое место занимают документы, рассказывающие о пребывании в начале ХХ века в вологодской политической ссылке многих видных деятелей РСДРП.

Особый интерес представляют материалы о проживании в Вологде в 1911-1912 годах И.В. Джугашвили (Сталина). В этой описи данного фонда насчитывается 32 дела.

Впервые И. Джугашвили появился в Вологде в январе 1909 года, когда он был осужден на 2 года ссылки с отбыванием под гласным надзором полиции в Вологодской губернии. Содержался в вологодской тюрьме на бывшей Московской улице (ныне Советский проспект).

30 января 1909 года вологодский губернатор отдал распоряжение направить И. Джугашвили в г. Сольвычегодск, куда он и прибыл по этапу 27 февраля 1909 г.

В 1910 году он бежал из ссылки и 12 октября 1910 года снова появился в Вологде. Был арестован, сидел в пересыльной тюрьме на углу улиц Екатерининско-Дворянской и Золотушной набережной (ныне угол улиц Герцена и М.Ульяновой). Затем снова был этапирован в Сольвычегодск.

Окончив двухгодичный срок ссылки, в июле 1911 г. И. Джугашвили получил разрешение временно остаться в Вологде.

В фонде отложились многочисленные документы Вологодского губернского жандармского управления по агентурному наблюдению за бывшим ссыльным И. Джугашвили, донесения филеров, переписка с вологодским губернатором, Московским и С.-Петербургским жандармскими управлениями. В фонде находятся анкеты, составленные на И. Джугашвили чинами из жандармерии.

Вологодское жандармское управление было хорошо информировано об активной работе И.В.Джугашвили в Сольвычегодске. Это

22 Сентября 1911 г.

ж

Петербургъ

Начальнику Раионнаго Охраннаго Отдѣленія

Въ виду телеграммы Полковника Заварзина сегодня девят

часовъ вечера будутъ обыски по связямъ арестованного

Москвѣ Вольского и кружка Джугашвили 6220

Подпись: Полковникъ Конисский.

Вѣрно: Ротмистръ *Надеж.*

подтверждал и начальник отделения по охране общественной безопасности и порядка г. Москвы. 20 августа 1911г. он направил начальнику Вологодского ГЖУ полковнику Конисскому сообщение следующего содержания:

«Согласно имеющихся во вверенном мне Отделении повторных и заслуживающих доверия указаний секретной агентуры, в г. Вологде в настоящее время проживает отбывающий или уже отбывший срок административной высылки активный и весьма серьезный деятель Российской Социал-демократической рабочей партии, носящий псевдоним «Коба».

Названный «Коба» вошел в непосредственные сношения с заграничным партийным центром и ныне получил уже предложение приехать за границу для соответствующего инструктирования и исполнения обязанностей разъездного агента ЦК».¹

В Вологде И. Джугашвили была присвоена кличка наружного наблюдения «Кавказец» и за ним была организована негласная слежка филеров, которые фиксировали каждый шаг его передвижений. Так, например, филеры Мухин и Шибалов 25 июля 1911 г. сообщали своему начальству: «Кавказец» проживает в доме Новожилова по Калашной улице. Начато наблюдение в 10 час. утра. Окончено - 9 час. 30 мин. вечера. В 11 ч. 40 м. утра «Кавказец» вышел из своей квартиры и пошел в городской ломбард, где пробыл 35 м. Вышел и, купив газету, пошел в Александровский сад, посидел 1ч. 15 м. и проведен в дом № 15 по М. Козленской ул. Через 35 мин. вышел и пошел в свою квартиру. В 6 час. 45 мин. вечера «Кавказец» вторично вышел и проведен в дом № 13 Беляева по М. Екатерининской ул. Откуда через 10 мин. вышел и пошел в Александровский сад, где посидел 45 мин. и пошел в квартиру Соколова, что-то купил и пошел в свою квартиру. Выхода его более не замечено».² И так каждый день.

В донесении начальника Вологодского губернского жандармского управления в департамент полиции сообщалось: «Наблюдением установлено, что он (Джугашвили - С.Ц.) с Чижиковым видится несколько раз в день и заходит к нему на квартиру. За корреспонденцией ходят ежедневно на почту Чижиков и Джугашвили, но получает ее первый. Узнать, по какому адресу и откуда она получается, не представляется возможным, т.к. Джугашвили, будучи, видимо, очень хорошо знаком с техникой установленного за ним наблюдения, ведет себя крайне осторожно...

Как можно полагать, Джугашвили в скором времени выедет в С.-Петербург или Москву для свидания с тамошними представителями организации, и при выбытии из Вологды будет сопровождаться наблюдением. Принимая во внимание, что Джугашвили очень осторожен и вследствие этого наблюдением легко может быть потерян, являлось бы лучшим производство обыска и арест его ныне же в Вологде, ввиду чего и прошу сообщить, не имеется ли в Вашем распоряжении таких данных о Джугашвили, которые могли бы быть предъявлены к нему по возбуждении о нем дела, и не имеется ли препятствий с вашей стороны к обыску теперь же у этого лица.

К изложенному присовокупляю, что на благоприятные результаты обыска у него в Вологде рассчитывать нельзя, ввиду его крайне конспиративного образа действий».³

Начальник Вологодского ГЖУ не ошибся. И. Джугашвили действительно решил из Вологды уехать в Петербург. 22 августа 1911 года ему удается скрыться в Вологде от назойливых шпиков, перейти на нелегальное положение, и 6 сентября 1911 г. он выехал в Петербург.

Но на вокзале его высledил филер Ильчуков, который и сопровождал его до Петербурга. В своем донесении Ильчуков писал: «В З ч. 45 м. «Кавказец» пришел на вокзал с вещами-багажом - небольшой чемодан и узел с пос-

П.Г. Ануфриева и П.А. Чижиков.
Фото 1911 г.

тельной принадлежностью и вошел в вагон III класса поезда № 3, отходящий на Санкт-Петербург. Оставив означенный багаж в вагоне, он сам вышел на платформу, и тут же к «Кавказцу» подошел «Кузнец»⁴, перед отходом поезда «Кавказец» со своим багажом перешел в другой вагон. Перед самым отходом поезда «Кузнец» простился с «Кавказцем» и ушел с платформы по направлению в город, а «Кавказец» с означенным поездом выехал в Петербург. На станции Чебсара во время остановки поезда «Кавказец» выходил из вагона с неизвестным мужчиной. На станции Череповец тоже выходил из вагона с тем же неизвестным. По приходе поезда в г. Петербург «Кавказец» и неизвестный были переданы для дальнейшего наблюдения петербургскому фильтру Полудеткину.⁵

В данном фонде хранятся фотокопии документов, списки и фотоальбом домов, в которых жил Джугашвили в Вологде в 1911-1912 годах, газетные и журнальные публикации о пребывании Сталина в Вологде, рассказы и воспоминания вологжан о встречах с И. Джугашвили, образцы подписей Джугашвили-Сталина, ведомости с расписью о получении денег на содержание ссыльных.

В фонде отложились также документы об организации музея Сталина в Вологде, списки экспонатов музея, переписка Дома-музея И.В. Сталина с организациями и гражданами по вопросам формирования музейных экспозиций. Здесь же находится на хранении письмо вологжанки С.П. Крюковой И.В. Сталину, написанное 27 марта 1940 г.

Долгое время многие документы данного фонда оставались под грифом «Секретно» и «Совершенно секретно» и не были доступны для исследователей. Теперь гриф секретности снят и представилась возможность более подробно ознакомиться и с этой страницей истории нашего Вологодского края.

Примечания:

1. Вологодский областной архив новейшей политической истории (в дальнейшем ВОАНПИ). Ф.3837. Оп.5. Д.2. Л.7.
2. ВОАНПИ. Ф.3837. Оп.5. Д.3, л.4.
3. ВОАНПИ. Ф.3837. Оп.5. Д.19. Л.37-38.
4. «Кузнец» - кличка агентурного наблюдения бывшего ссыльного из Орловской губернии Чижикова Петра Алексеевича, проживавшего в данное время в г.Вологде.
5. ВОАНПИ. Ф.3837. Оп.5. Д.6. Л.1-2.